

В номере:

Страницы истории

Иван Ангелов. Город Кия и таможду на Хортице основал хан Кубрат 3

Проза

Владимир Уланов. Бунт 8

Николай Толстикова. Брат во Христе 40

Мемуары и исследования

Александр Редьков. Три свечи 53

Надежда Савчук. Андрейка 66

Поэзия

Владимир Силкин 78

Сергей Гора 81

Гость номера

Евгения Гудкова 84

Дебют

Артур Мукомилон 87

Литература для детей

Наталья Веселова. Город подсолнухов 89

Алла Ступина. Беречь природу 99

Дневник путешественника

Ирина Коротченкова. Изгой 102

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Юрий Харламов,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Иван Дуб, Маргарита Сосницкая, Александр Милях,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Михаил Лупашко, Дмитрий Градинар, Максим
Замшев, Дмитрий Нечаенко, Анна Малдофа, Алексей Дука.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ, Елена ЛЕШКУ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Илья АЛЕКСАНДРОВ, Светлана АЛЕКСАНДРОВА, «IVESA Grup»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Иван АНГЕЛОВ

Город Кия и таможеню на Хортице в VII в. н.э. основал правитель Великой Булгарии – хан Кубрат

Лучшее воспитание национальной идентичности – показать молодежи великие деяния предков. Редакцией Украинского государственного культурно-просветительского вестника Болгар Украины «Роден край» 2011-й объявлен годом Старой Великой Булгарии среди своих читателей. Этому событию и другим знаменательным вехам нашей истории, определяющим благочестивые намерения болгарских патриотов-родолюбцев, посвящается эта статья.

Хортица – крупнейший остров на Днепре, расположен в районе города Запорожье ниже ДнепроГЭСа, уникальный природный и исторический комплекс. Вытянут с северо-запада на юго-восток, площадь 23,59 кв.км, длина 12,5 км, ширина в среднем 2,5 км. В 2007 году был назван одним из «Семи чудес Украины».

Остров Хортица и малая Хортица-остров Байды

При написании этой статьи использованы материалы исторического труда украинского ученого, исследователя истории, доцента, кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Украины Веры Никаноровны Жук «Із сивої давнини: нариси з історії України та Полтавщини VII ст. до н.е. – XVII ст. н.е.» В своих исследованиях автор, ссылаясь на 192 научных источника, в том числе и на свод древних Булгарских летописей «Джагфар Тарихи», исследованных волжско-булгарским ученым Фаргатом Нуртудиновым, подробно описывает существенный вклад правителя державы Стара Велика Булгария хана Кубрата в образовании мест и городов нынешней Украины. Подчеркивает его непосредственное участие в закладке **первого административного государственного учреждения – древней булгарской таможни, на территории современного г. Запорожье**. Утверждает, что основание города Кия, название острова Хортица и закладка здесь древней булгарской

таможни были осуществлены задолго до образования Киевской Руси, еще в первой половине VII в. н.э. В те далекие времена, когда территория современной Украины принадлежала объединенному племенному союзу старобулгарских родов, возглавляемых представителем правящего булгарского рода Дуло – ханом Кубратом. Об этом интересном для нас периоде В.Н. Жук, ссылаясь на материалы древней булгарской летописи, повествует следующее:

«632 року (за іншими даними 635 року), скориставшись розвалом Тюркського каганату, Кубрат без війни відібрав у тюрків стародавні ідельські володіння (Передкавказзя, Поволжя, Західний Сибір, Казахстан) і проголосив себе каганом – імператором, а свою державу – Великою Булгарією. Вона мала всі ознаки, властиві державі, – наявність кордонів, що охоплювали певну територію, господарство, державну структуру, незалежне централізоване управління, законодавство. На чолі держави стояв хан(каган), який приймав рішення при допомозі Ради, що скла-

Держава Стара Велика Булгария хана Кубрата, 632-668 г.н.э.

лася з високопоставлених боїлів (бояр). Заступником хана був кавхан, який займав друге місце в адміністративній ієрархії. Третю ступінь займав ічїргубоїл. Кавхан та ічїргубоїл одночасно виконували дві функції – вищого адміністративного чиновника і вищого офіцера армії, командуючого у воєнний час великими військовими з'єднаннями. Будучи вихованцем Візантії, християнином і особистим другом імператора Іраклія, Кубрат до кінця свого правління підтримував мирні і добросусідські відносини з Візантією. В 635 року ці дружні стосунки були закріплені міждержавним договором. Кубрат приділяв велику увагу містобудуванню і торгівлі. Він сам зі своїми наблизеними досліджував водний шлях «із варяг у греки», проплив по Дніпру занадто важким тоді шляхом через Дніпровські пороги і дав назву кожному із них. Вони отримали найменування від імен трьох рідних та двох прийомних синів Ку-

брата (він усиновив онуків дядька Органи, дітей його сина Біліга, який загинув у бою, захищаючи володаря), його дружини, а також за певними природними ознаками. По шляху слідування Курбат засновував у найбільш зручних місцях митні пункти, платні перевози через річку, де пізніше також виникли поселення... Острів на Бурі-чаї [Дніпрі], до якого припливли, подолавши пороги, на честь дядька Органи він назвав «Ставкою Бюргана». Згодом це місце «Корт-таш» (кам'яне королівство) та острів на якому була митниця Курбрата, народ із любові до правителя став називати «Курдізе», на мові угрів – Хурдізе, Хордізе – «Ставка Курбрата». Там довгий час **знаходилась митниця**. Українці переробили потім цю назву на «Хортиця».

ДнепроГЭС и русло старого Днепра («Корт-таш» – королевство камней), справа на острове Хортица место предполагаемой дислокации древней болгарской таможи-ставки Курбрата.

У «Джагфар тарихи» Курбат характеризується як могутній цар, який любив мир, порядок і міське (осіле) життя. Про його діяльність розповідається так: «Крім Башту, він збудував міста Іске Банджа, Балин або Балинджер, Шигер, Саркел, Істян... Величчю і мудрістю Курбат нагадував Тукі [Атіллу], але із усіх зайнять перевагу віддавав торгівлі і не гребував особисто підїжджати до прибуваючих із Руму [Візантії] кораблів та перераховувати привезений товар. По всьому Бурі-чаю [Булгарська ріка] він влаштував митні застави і платні перевози, які приносили йому величезні прибутки... [не виключено, що именно **Курбат вище Хортицы**, в узком месте Днепра – Волчьє горло, тогда и заложил знаменитый Кичкасский перевоз, впоследствии давший начало селениям Кичкас-Айнлаге и Павло Кичкас. Впервые упоминается в X в. н.э. византийским императором Константином VII Богрянородным (905-959 г. н.э.) в его труде «Об управлении империей», под названием «Крарийская переправа» (версия названия – переправа К-Ра-Рию, т.е. к Раю. Бог

Ра в древнеегипетской мифологии – бог солнца, царь и отец богов, творец мира и людей). Про-существовала до начала XX века, в 1904 году заменена первым в России большим арочным Кичкасским мостом через Днепр].

Заради безпеки плавання... Курбат сам поплив по Бурічаю і дав кожному [дніпровському] гану [порогові] особливу назву... Перший після Башту [Києва] поріг він, як передають, звелів називати Катраг – на честь свого улюбленого сина Катрага, другий... – Кубар, на честь прийомного сина, третій – Гулям Сюрі, що означає «Весняні поминки» та «Шум»., четвертий – Юлбарис або Леу, що означає «Страхотливий», «Чудовищний», п'ятий – Азбарган, що означав «Відмінний Стрілець», на честь сина Азбаруга [Аспаруха], шостий – Кугюнчаган, на честь своєї дружини..., сьомий-Айяр, що означав «Ненажерливий», «Ненаситний», восьмий – Ліманган або Балинган, що означає «Поріг Затоки», дев'ятий – Ілятбір («Правитель Благоденствуючої країни»), титульним іменем свого старшого сина Бат-Бояна, десятий – Лачин, на честь свого прийомного сина, одинадцятий – Давилган, що означає «Бурхливий Поріг», дванадцятий – Кермек («Молодий уралець», «Відважний», «Уралець»), на честь хана Кермека, який заснував Булгарський бейлик... Острів на Бурічаї, до якого підпливли після подолання цих

порогів, Курбат назвав Бюрганом, на честь дядька Телеса, але народ став називати його Курдізе або Хурдізе – «Ставка Курбрата»... **На Курдізе була влаштована митниця...** Поріг, який був за цим островом, Курбат назвав Біліг – на честь улюбленого сина Бюргана... **Коли ця справа була завершена, Курбат вийшов на берег і встановив на ньому своє знамено із наверхнем у вигляді тризубця...** (Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей. – Оренбург: Ред-я вестн. «Болгар иле», 1997. Т.ПІ. С. 133-134).

Курбат проявив себе як справжній державник, у чому йому допомагала й візантійська школа. Він використовував перстені-печатки, якими скріплював державні акти, чого не знали «варварські» вожді. Як стверджує Пламен Павлов, Курбат, безсумнівно, мав урядову канцелярію, у якій адміністративною мовою була грецька. Цю практику запозичили правителі Дунайської Болгарії і використовували до кінця IX ст. Правитель Великої Булгарії влаштував

урочисті дипломатичні прийоми. Булгарська орда, як стверджує Г. В. Вернадський, складалася з кількох кланів (огуз) і підкланів, частково тюркського, а частково й угрського походження. Старший у правлячому клані носив титул хана, або «славного хана», ще «високого хана». На офіційних прийомах він з'являвся в одязі розшитому бісером, носив на грудях коштовну пектораль – **гривну**, а на руках браслети і перстені, був підперезаний пурпуровим поясом-ременем, з якого звисав золотий меч. По обидва боки від хана стояли головні боляри, теж прикрашені найшйиними гривнами, браслетами і поясами.

Титулами вищих булгарських вельмож були кавхан, тархан, табар. Вони можуть дорівнюватися відповідним титулам в інших тюркських державах того часу. Старшини кланів були відомі як бойли. У множині на тюркській мові «бойл» буде «бойлер», або «бойлер». Звідси в давньоруську мову перейшло слово «боярин», а у множині – «боляре», «боляри», згодом – бояри. Булгарських витязів називали словами «ба гайн», або «багатур», звідси пішли наші слова «богатир», «багатир», з слова «болгарородний» до нас перейшло слово «благородний».

Досить важливим торговим і економічним центром на сухопутному шляху, який вів із Азії через Поволжя на Башту (Київ) і далі до Центральної Європи, став за Кубрата Хорисдан, або Батавил (теперь Путивль). Ідучи від Батавила (Путивля) на південь своєї країни, Кубрат обов'язково зупинявся у своїй улюбленій ставці Балтавар (Полтава). Звідси, прямуючи далі на південь, він заїжджав поклонитися могилі дядьки Органи, яка знаходилася на відстані «дня кінного шляху» від Балтавара.

«Кий, Щек, Хорив і їх сестра Либідь, та час заснування Києва»: Останнім часом історики-дослідники сивої давнини, так і археологи висловлюють думку, що Кий, Щек, Хорив та їх сестра Либідь були реальними історичними особами, хоча імена у них усіх чомусь не слов'янські...Із давньобулгарських джерел ми дізнаємося, що **Щеком** звався гунно-булгарський правитель Балюмар-Щеке, який об'єднав під свою владу Ідель и став першим царем Хонської (Гуннської) династії. Він же переніс свою столицю (головну ставку) із Поволжя на землі сучасної України у засновану ним 375 року ставку Кан-Балин, на горі Куянтаву (місце сучасного Києва), де і помер у 378 році. Гора, на якій його поховали, від Щеке та Щеке(що давньобулгарські літописці розшифровують, як «хлопчик-мізинчик») отримала назву Щекавиця, або Щековиця. З того часу, відновлена тут його сином Алипом, ставка-аул стала зватися на честь обох царів Щек-Алип...

Пізніше цим аулом володіла Кир-Киз, «**Либідь-Дівича**» – улюблена сестра Атілле (відомого гунсько-булгарського полководця і хана Аттіли, 406-453 р.). Коли звістка про смерть Атілле дійшла до Щек-Алипа, Кир-Киз померла від горя. Потім Щек-Алип став центром анчийського тарханства Іделя (назва першої Булгарської держави, а також Волги від гирла Ками до впадіння в Каспійське море), і сюди було направлено на посаду ідельського намісника бека (князя) Аскала – діда Кубрата. З того часу Щек-Алип стали називати Аскалом. А 620 року за наказом царя Кубрата (володар Великої Булгарії Кубрат) була споруджена фортеця Башту(батько), і місто стало столицею Булгарської держави... **Кий** (Шамбат) був молодшим братом хана володаря Великої Булгарії Кубрата, жив у VII ст.... За наказом Кубрата Шамбат зводить 620 року у поселенні аланського племені русів Аскал фортецю. Поселення швидко перетворилося на місто, яке називали Башту, а згодом ім'ям і прозвиськом його першого намісника Шамбата-Кия – Шамбатос. Від прізвиська Шамбата – Кий («відокремлений», «відтятий») **виникла сучасна назва міста – Київ...** Що стосується **Хорива**, то як стверджують давні булгарські літописи, та літописці Київської Русі так називали відомого володаря-правителя (по тюркськи-«Балтазар») Великої Булгарії хана Кубрата. Останнім іменем його називали візантійці, під ним він увійшов у світову історію. Він теж мав багато власних імен: **Курт, Курбат**, (в іракомовних племенах слово «курт», «курд» означало «пастух», а «бат», «батано» – «пан», «повелитель», «батько племені», «цар»), **Хор, Хорт, Хорті**, та інші. Кубрат походив із роду Айбата Дуло по лінії наймолодшого Аттілиного сина Кермека... Із 620 року він – уже одноосібний володар країни, яка за його правління розширює свої межі до території колишньої Сарматії. Центр її він переносить із Приазов'я у Подніпров'я до Башту (Києва), а його літня резиденція знаходилася у поселенні Балтавар («Балтазар» у перекладі з мови тюрки на українську – «володар», «правитель», «цар») на місці сучасної Полтави... Тож цілком зрозуміло, що давньоруський літописець добре знав про конгломерат племен, етносів, які у давнину мешкали на наших землях, які формували український народ, і зобразив їх у своїй легенді під іменем трьох братів та їхньої сестри Либідь, поклавши в основу історичні факти». (В.Н. Жук, Із сивої давнини: нариси з історії України та Полтавщини VII ст. до н.е. – XVII ст. н.е., Полтава: ТОВ «АСМІ», 2005-384 с.іл. С. 97-149).

Как видим, среди многочисленных имен Кубрата встречаются имена «**Хорив, Хор, Хорт**,

Хорти» – с основополагающими корнями звучания родственными слову **«Хортица»**. В VII в. н.э. регионы порожистой части Днепра и Поднепровья вовлечены в сферу активного жизнегеополетического развития всей огромной Булгарской Державы. Процесс этот повсеместно связан с именем ее правителя Кубрата-**Хорта**. Именно поэтому расположенный на пересечении путей, в стратегически ключевом месте такой огромный остров, как Хортица, не мог не находиться в поле зрения селившихся и мигрирующих здесь народов, которые перед переправой через пороги и Днепр наверняка останавливались здесь, как-то между собой называли остров и размещенную на нем ставку-таможню Хорта. В болгарском языке и сегодня женские имена образуются от мужских при помощи окончания **иц** – **Иванице, Стефанице, Миялице, Симонице, Кириллице** и т.д. Отсюда от названия Хорт – **Хортице**, со временем трансформированное в украинское Хортиця и русское Хортица. До нас эти сведения донесены чудом уцелевшими летописями «ДжаГфар Тарихи», исследованными и обработанными ученым из Казани Фаргатом Нурутдиновым. У какого родолюбивого болгарина не застучит сердце после прочтения строк о периоде расцвета на нашей территории державы Стара Велика Булгария. Чего уж там греха таить, тешит национальное самолюбие информация о заслугах наших предков в освоении земель, становлении городов и столицы современной Украины, их участие в формировании проживающих здесь народов, их этноса, быта и культуры. А это бесспорно, к теории болгарского происхождения племенных родов Угров, Анчийцев, Урусов – предков современных украинцев, склоняются как болгарские, так и волжско-булгарские ученые. Один из них – специалист по древнему болгарскому оружию д-р Дориан Александров, в своей научной работе «Этногенезис и история на казаците в Украина и Русия» (*Сдружество «Ави-Тохол», ИК Виделина, София, 2005 г. Исторически сборник. Том 1. Новия прочит на Българската древност. С. 298-305*), со ссылкой на различные источники, в т.ч. и летописи «ДжаГфар Тарихи», подводит историческую основу под теорию об истоках болгарского происхождения всех казацких войск и соединений, пребывающих на территории дореволюционной России, в том числе и Украины. Эти вооруженные демократические объединения ведут свое начало от конных пограничных отрядов, существовавших в Старой Великой Булгарии еще в VII в. н. э. «Казаками» в Волжской Булгарии (VII-XIII в. н.э.) называли отчаянных «багатуров», которые из-за презрения к опасности принципиально не облачались в кольчуги, давали обет не жениться, пока не про-

славят свои имена в боях. По его подсчетам на территории бывшего СССР проживало не менее 40 млн человек, предки которых имели булгарские корни. Именно поэтому болгарская версия о происхождении названия известного на весь мир острова, неразрывно связанного с историей Запорожского казачества, **ставшего его колыбелью еще во времена дислокации здесь в VII в. н.э. ставки Кубрата**, заслуживает самого пристального внимания со стороны ученых стран СНГ, Украины и Болгарии. По-своему интересную, но в то же время абстрактную версию происхождения этого названия раскрывает в своей книге «Остров Хортица на Днестре, его природа, история, древности» известный исследователь Запорожского края Яков Павлович Новицкий: *«Происхождение названия острова также основано на догадках. Проф. Брун, напр., допускает, что название Хортицы произошло от слова "хорт" – борзая собака, а затем далее поясняет: "Так как между россами и их сподвижниками могли находиться любители охоты, то, вероятно, таких собак возили с собою и оставляли на острове Хортица, чтобы по возвращении из Константинополя взять их опять с собою, так как они дальнейший путь оттуда в Киев, по причине порогов, по всей вероятности, проходили сухим путем". Если допустимо такое предположение, то можно допустить и другое – что название острову дано по имени древнеславянского бога "Хорса", о котором упоминается у Нестора и в "Слово о полку Игореве" и которого славяне умиловляли жертвоприношениями при походах. Отсюда – "Хортица", т.е. место, посвященное Хорсу, или по переходе буквы "с" в "т", переходе довольно обычном и в наши дни – "Хортица". Высказываясь, однако, с осторожностью, ни то, ни другое мнение не разъясняет вопроса о происхождении названия острова и допустимо лишь в области предположений и догадок»* (Я.Новицкий «Остров Хортица на Днестре, его природа, история древности», за рукописом 1917 р. – Запоріжжя:Тандем. 2005 г. С. 25-26). Эти строки написаны в начале прошлого столетия, и, разумеется, их нельзя принимать за основу для суждения о достоверности происхождения этого названия. Возможно, кроме летописей «ДжаГфар Тарихи», признанных более сорока видными учеными мира, природу происхождения этого названия раскрывают и другие, не известные мне источники. Хотелось бы о них узнать, услышать авторитетные мнения изучавших их ученых, а не псевдонаучные предположения, домыслы и догадки, не имеющие ничего общего с исторической правдой, которые вводят в заблуждение и, по сути, никак не объясняют происхождение этого названия. Однозначно все

варианты заслуживают пристального внимания и изучения, но в науке приоритет прежде всего принадлежит подтвержденным документально. **Именно поэтому версия происхождения названия остров «Хортица» в честь основателя державы Стара Велика Булгария хана Кубрата своим документальным подтверждением заслуживает право считаться основополагающей.** С ней можно соглашаться или не соглашаться, но не брать ее в расчет никак нельзя. К сожалению, на сегодняшний день ни в одном официальном научном украинском документе о ней не упомянуто, как замалчивается и сам исторический этап существования на нашей территории державы «**Стара Велика Булгария**» с гербом, уж очень напоминающим современный трезуб. По всей видимости, не очень-то лестно констатировать факт, что все приходившие ей на смену государственные объединения являлись далеко не самой лучшей ее копией. Украинским ученым и прежде всего научно-методическому Совету национального заповедника «Хортица» не мешало бы вникнуть и детально разобраться в истоках происхождения названия острова, которому непосредственно посвящена их научная деятельность. Тем более что документальное подтверждение представленной болгарской версии непременно позитивно скажется на укреплении межнациональных отношений братских народов, придаст свежий импульс в развитии так ныне пропагандируемого международного туризма.

Сегодня на территории Украины общеизвестны три основные древние болгарские святыни – Мало Перещепинская, Вознесенская и остров Хортица. Учитывая, что две из них – остров Хортица и захоронение хана Аспаруха, находятся на территории города Запорожье, сам по себе напрашивается вопрос о необходимости проведения здесь научной конференции для фунда-

ментального подтверждения их происхождений и названий. Ее проведение возможно под эгидой взаимосотрудничества академий наук братских стран с обязательным участием ученых Болгарии, Украины, Татарстана. Учитывая национальный престиж и кровную заинтересованность в этом вопросе, инициативу по ее организации обязана взять на себя болгарская сторона. Именно поэтому, пользуясь случаем, обращаюсь к депутатам Всемирного парламента Ассоциации Болгар всего мира на планируемой в октябре текущего года сессии включить для рассмотрения этот вопрос в повестку дня своей программной работы, создать рабочую группу для его повсеместного решения в межсессионный период. При этом хотелось бы услышать и узнать авторитетное мнение и представителей украинской науки. Ведь мы, украинские болгары, развитие своей национальной идентичности видим только совместно с украинским народом, связанным с нами едиными болгарскими корнями. Что патриотично для Украины – то свято и патриотично и для нас. Поэтому документальное фиксирование любой дошедшей до нас исторической информации повсеместно обогащает и укрепляет нашу дружбу, поднимает авторитет Украины и украинцев на международном уровне. Ради этого стоит собраться в г. Запорожье представителям ученого мира разных стран и народов и, досконально изучив этот вопрос, дать на него аргументированный исчерпывающий ответ. **Его научное подтверждение предоставит возможность мировой болгарской обществу увековечить память своих ханов, оставивших неизгладимый след в мировой истории развития человечества, заложивших исторические предпосылки для образования многих сел и городов Украины, благоприятно повлиявших на процесс формирования в нацию представителей проживающих здесь народов.**

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №9-12 (2011)-№1 (2012).

Бунт

Исторический роман в двух книгах

Книга I

*Смелые люди часто
трудное делают лёгким.*

(Латинское изречение)

Часть III

10

Рано утром Степан Разин провожал свою станицу в Исфагань. Ехали в опасный и долгий путь в сопровождении персов четверо разинцев во главе с есаулом Василием Соколковым. Они уже были готовы двинуться в путь, гарцевали на добрых конях, когда из шатра вышли Разин и есаул Соколков. На прощание крепко обнял Василия атаман, сказал:

– Договаривайтесь с шахом, как порешили. Говорите, что, мол, просим земли где-нибудь, а за это будем ему служить верой и правдой. Смело торгуйтесь, а мы тут будем тихо сидеть, не подведем вас. Ну, казаки, доброго пути, ждем вас с успехом!

Соколков вскочил на вороного жеребца, конь закусил удила, закрутился на месте, всхрапывая и кося дикими глазами.

– Все справим как надо, батько! – крикнул Василий и, с места взяв в галоп, помчался догонять персидских воинов, которые должны были их сопровождать до Исфагани.

Всадники давно уже скрылись из виду, а атаман все еще стоял на месте, глядя вслед казакам, размышляя о своем сложном положении, в которое он попал из-за неосмотрительности.

– Степан Тимофеич, пускать или нет наших ребят в город? – спросил подошедший Чернойрец. Очнувшись от своих мыслей, атаман сосредоточенно потер переносье, улыбнулся чему-то, потом, махнув рукой, сказал:

– Пусть идут, поторгуются, грязь походную в бане смоют. Накажи, Иван, есаулам строго-настрого, чтоб вина много не пили да к бабам ихним не лезли.

– Говорил я уж с ними об этом. Обещают, что все будет в порядке.

– Тогда пусть идут, посмотрят, как жомы живут, себя покажут, в баньке помойются, а то от моих казаков дух уж нехороший идет.

– Боюсь я, Степан Тимофеевич, кабы наши казачки себя сильно худо не показали, а то вместо мира опять битва будет. Ведь не вытерпят же – вина напьются.

– Что же теперь прикажешь мне их при себе держать? – с раздражением огрызнулся Степан, тут же умышленно начиная перечить другу.

– Может, пока пускать не всех, а тех, кто поспокойнее и к вину не охоч?

Степан улыбнулся, подмигнул Ивану:

– Как же я не пушу их в город? Пусть все идут, кроме дозорных и охраны. Только надобно строго наказать есаулам: следят за своими казаками. Еще скажи им, что за порядок в городе головой отвечают.

– Накажу всем, Тимофеич, но сам-то пойдешь в город? – вдруг спросил есаул.

– Надо бы сходить, развеяться. Оденусь попроще да, пожалуй, схожу с ближними, а ты, Иван, усиль караулы, да глядите в оба, а то черт их знает – этих антихристов, что у них там на уме!

Вскоре к воротам городка Решта потянулись группы разинцев, нагруженные барахлом для обмена с горожанами.

Ефим, Леско Черкашин, Иван Красулин и еще несколько казаков перво-наперво решили сходить в баню, переодеться в чистые новые одежды, а потом уже пойти поторговаться на базар.

Казачий лагерь окружала сильная охрана. Около городских ворот стройными рядами стояли персидские стрелки.

Казаки, идущие в город, были хорошо вооружены. Несли они барахло и украшения для торговли. Потные, пропыленные, уставшие от походов, но веселые, они дивились необыкновенной жизни Востока. С интересом рассматривали пестрые одежды персов, старались поближе подойти к женщинам, пытались иной раз даже ухватить персиянок за стройный стан.

– А где же ихняя банька? – спросил Ефим у Лески Черкашина. Тот, заломив баранью шапку набекрень, подмигнул казакам:

– Не горюй, ребята, будет банька! – и, заметив вблизи стройную персиянку в длиннополой одежде, схватил ее за талию, облапал грудь. Женщина в испуге завизжала.

– Чего орешь, дура! Али мужик тебя никогда не трогал? – со смехом сказал Леско, отступая от женщины. Как ни в чем не бывало, казаки последовали дальше.

Вокруг обиженной персиянки быстро собралась толпа зевак. Женщина со слезами в голосе что-то кричала, показывая в сторону уходящих казаков. Но никто из персов не решился наказать их за обиду, нанесенную женщине. Хотя возмущение, по всей вероятности, было велико, потому что вслед разинцам неслись угрожающие выкрики, и даже летели палки и камни.

Наконец Леско указал на приземистое здание с круглой выпуклой крышей и маленькими оконцами, через которые шел пар.

– Вот вам, ребята, и банька, но прежде чем мыться – надо бы по доброй чарке винца пропустить. На, Еремка, узорочье, беги вон в ту лавку, возьми бочонок винца, а мы пока раздеваться будем.

Взяв на помощь двух казаков, Еремка направился к винной лавке, которая стояла невдалеке. Вывалил перед персом дорогие украшения. Тот с удивлением смотрел на разинцев, не понимая, чего они хотят. Еремка подошел к бочке с вином и стал ему объяснять, что им нужно.

Наконец лавочник понял. Схватил жилистой рукой украшение, цокая языком, закивал головой. Подвел Еремку к одной из бочек, давая понять, что он ее продает. Казаки мигом свалили бочку на бок, покатали к бане, втиснули ее в дверь, а затем в помещение, где мылось уже порядочно народу. Бочку с вином водрузили на одну из каменных лавок. Они тут же скинули с себя одежду, хватив по доброй чарке, и, почесываясь, полезли в горячий бассейн.

Персы с удивлением косились на разинцев, но из бани не уходили, продолжали мыться.

Леско Черкашин, уже изрядно выпив и побултыхавшись немного в бассейне, присел на лавку рядом с Ефимом:

– Ну как банька, а?

– Не худо, ох, не худо, есаул. Вот бы парку сюда да березовый веничек, тогда бы банька совсем хороша была.

– Да, что и говорить, – поддакнул Черкашин. Потом указал рукой на толстого перса, который невозмутимо мылся в центре бассейна, не обращая ни на что внимания. Другие же горожане жалась по краям, боясь попасть под руку развеселившихся казаков. А те, громко фыркая и гогоча, ныряли, прыгали в воде, плескались друг в друга водой, натирались душистыми мыльными мазями, которые позаимствовали у персов.

Леско похлопал по плечу Ефима, показав глазами на толстого перса, сказал:

– Сейчас я под этого толстопузого поднырну и пощекочу его. Видно, какой-то купчина или начальник ихний какой. Уж больно смел, дьявол, даже наших ребят не боится.

– Будет те, Леско, уймись, не надо их задирать. Батько наказывал никого из жомов не трогать, – отсоветывал Ефим.

– А я тихо все сделаю, даже никто не заметит, – и есаул вошел в бассейн, понырял, понырял в воде и вдруг исчез.

Через некоторое время стоящий в центре бассейна толстый перс дрогнул, как бы застыл на месте, затем, вытаращив глаза, захохотал сумасшедшим голосом, взревел, как бык, и исчез в воде. Через некоторое время вынырнул, громко хохоча. В бане все притихли, уставились в сторону толстяка. Толстый перс, прекратив хохотать, обвел вокруг дикими глазами, попятился к краю бассейна и, что-то закричав на своем языке, как ошпаренный, выскочил из воды и сел на каменную лавку, тяжело дыша.

Леско уже тем временем сидел рядом с Ефимом, похихатывая в бороду.

– Ты что ему сделал? – спросил с удивлением Ефим.

– Ничего не сделал, просто пощекотал ему немного ниже пупка. Даже не подумал, что он такой смешливый, – прысая в кулак, ответил есаул.

Тем временем вокруг толстяка собралось много персов. Они что-то враз говорили, кричали, показывая в сторону казаков. Разинцы стали спешно одеваться. В баню сбегались вооруженные люди и вот уже плотной стеной, обнажив кривые сабли, пошли на казаков.

Иван Красулин крикнул:

– Ребята, надо уходить отсюда, а то они нам сейчас бока намнут!

Бросив недопитый бочонок с вином и кое-что из барахла, казаки попятились к выходу. Выйдя на улицу, разинцы быстро зашагали к базарной площади. Вслед уходящим неслись ругательства, а иногда над головой пролетал увесистый камень или палка.

– Я же говорил тебе, Леско: не надо было их трогать. Вишь, что вышло. Узнает батько – будет нам, – сказал Ефим, обращаясь к есаулу.

– А не горюй, Ефим, неужто мы не казаки, уж и пошутковать нельзя. Я же ему ничего не сделал, только посмешил немного. Да заставил побаиваться нашего брата, казака. А то, как бык, залез в купальню и нас не замечает.

Войдя на базарную площадь, разинцы от удивления раскрыли рты. Восточный базар пестрел цветистостью изысканных тканей и разнообразием фруктов. Наперебой кричали купцы, зазывая покупателей, вокруг сновали богато одетые люди, совсем убогие работные или нищие.

На базарной площади уже было много разинцев. Бараньи шапки с красным верхом мелькали то там, то здесь. Они не стесняясь, пробовали фрукты или, расположившись тут же на площади кружком, распивали вино. А кое-где уже были слышны русские песни. Вот прошли в обнимку два дюжих казака, расталкивая могучими плечами персов и крича во всю глотку:

– Слава нашему атаману, Степану Тимофеичу! Ура!

Леско Черкашин, Ефим и вся их группа подошли к лавке с товарами, где продавали камчу, парчу, шелк и другие неведомые ткани, стали выбирать товар. Купец в тревоге следил за покупателями, боясь, как бы они тайком чего не прихватили. Увидев на лице купца боязнь, Леско похлопал его по плечу, сказал:

– Не бойсь, купчина, не обидим, – и вывалил перед удивленным персом кучу золотых монет. Тот закивал головой, заулыбался, заюлил перед разинцами.

– Вот антихрист, что-что, а золото сразу понимает, – буркнул Иван Красулин, сосредоточенно выбирая ткань.

Купец что-то крикнул в глубину лавки, по всей вероятности, призывая помощника, чтобы принести больше товаров. Из небольшой дверки вышла молодая женщина и вынесла еще охапку тканей. Красулин, внимательно взглядевшись в помощницу купца, спросил ее:

– Не христианская ли ты душа, голубушка?

Грустно улыбнувшись, женщина ответила:

– Да, русская я, а вот рабыней при нем нахожусь.

– Как же ты попала сюда?

– В полон я к татарам попала, а они меня ему продали.

Крупные слезы покатались из ясных голубых глаз женщины, губы ее задрожали, она тихо прошептала:

– Вызовлите меня, казачки, из полона, если можете!

Заслышав, что его рабыня заговорила с казаками, купец зло закричал на нее, схватил за волосы и поволок вовнутрь лавки.

Ефим вмиг перепрыгнул через прилавок, схватил купца за грудки, придавил к стене так, что у того хрустнули кости.

– Не трожь русскую бабенку! Отпусти ее на волю!

Купец задыхался, хрипел, махая руками.

– Ребята, давай что у кого есть – узорочье, золото, вали ему на прилавок, – крикнул Красулин.

Ефим отпустил купца, подтащил его за шиворот к месту, где они сложили выкуп за женщину. Разинцы показали ему знаками, что это все – выкуп за пленницу. Перс в испуге закивал головой, соглашаясь взять драгоценности, зная, что на все это богатство он купит не один десяток таких рабынь.

Кончался день. Быстро наступили сумерки. Казаки возвращались из города в свой лагерь: кто навеселе и с песнями, кто прихрамывая, кто с перевязанной головой, но все они были довольны – каждый в этот день получил в персидском городе то, чего хотел.

Много дней уже живут казаки под стенами Решта. Осмелели за это время. В городе ведут себя как хозяева. Около своих стругов выставили охрану. Недалеко от ворот маячит казачий разъезд,

контролируя все дороги. Горожане, особенно богатые, в большой обиде на казаков: уж больно часто обижают их разинцы: то рабов освободят, то товар у купцов бесплатно заберут, а винные лавки персы давно уже закрыли, так как пьянству казаков нет конца. За плату попросят бочку вина, навалятся на нее большим числом, а там и остальное бесплатно у купца заберут. А как напьются, ни одной женщины мимо себя не пропустят, хватают персиянок как своих женок, и нет им тогда в пьяном виде уёму. Жаловались персидские купчины да богатые люди города Бадур-хану на бесчинства разинцев. Скрипел зубами хан, не рад был уже, что связался с казаками, да назад пути не было, ждал вестей из Исфагани. Но приказал закрыть все винные лавки, а у погребов с вином выставить охрану и отгонять казаков, дабы они не пьянствовали да безобразий не творили. Напрасно рыскали разинцы по городу в поисках вина: ни за какие деньги не могли они добыть его.

Обменяв кое-какой товар на мясо и другие съестные припасы, возвращались Еремка с Ефимом с базара. Несли купленное к столу атамана.

Еремка шел невеселый, сокрушаясь:

– Опять ругать меня батько будет, что вина ему не купил.

– Где ж его взять, коли персы все лавки позакрывали, а у винных погребов охрану выставили, – басил Ефим. – Я бы и сам винца пропустил, да где взять?

Тут внимание Еремки привлекли несколько персидских стражников, расхаживающих около длинного приземистого здания. Еремка ткнул локтем Ефима под бок, кивнул в сторону стражников, сказав:

– Видно, винный погреб антихристы стерегут.

Казаки остановились.

– Слышь, Еремка, давай хорошо попросим, может, за золото продадут. – И Ефим пошел к стражникам, потрясая мешочком с золотом перед носом персидских воинов, стал их просить продать вина. Еремка тем временем заглянул внутрь подвала и с удивлением воскликнул:

– Батюшки святы! Сколько тут кувшинов с вином!

Но персидские воины, ошетилившись пиками, отогнали казаков от погреба.

– Эх, дал бы я этим сволочам, только пики их затрещали бы, – проворчал Ефим.

– Пойдем в стан, Ефим, от греха подальше! – ругаясь на чем свет стоит, проклиная хана, его воинов и всех персов на свете, казаки направились спешно в свой лагерь.

Узнав от Еремки, что все куплено к столу, но нет вина, Степан Разин пришел в ярость. Он свирепо завращал по сторонам глазами: – Куда они вино подевали, антихристовы выродки?

– Оно-то в городе есть, только у них в подвалах, а их охраняет стража и ни за какие деньги не дает, отгоняет пиками, – сказал Еремка.

– Мы уж им толковали, что вино надобно для атамана, а они все равно не дали, – заговорил, немного привирая, Ефим.

– Ах, сукины дети! – зашелся в ярости Степан. – Это они для меня, для атамана, бочки вина пожалели. – И, стукнув кулаком по столу, крикнул: – Еремка! Зови ближних есаулов. Пойдем твой подвал брать. Я им покажу, как вина казакам жалеть.

И вот уже Степан Разин идет в толпе ближних есаулов к приметному подвалу. Впереди семенил улыбающийся Еремка, показывая дорогу атаману и рассказывая о том, что видел в винном погребе:

– Веришь – нет, батько, там столько здоровенных кувшинов, закопанных в землю, стоят. А дух... – и Еремка причмокивает губами.

– Сейчас мы это винцо отведаем, узнаем, что там за дух, – с усмешкой молвил Разин.

Завидев еще издали толпу вооруженных казаков, горожане посторонились и попрятались по закоулкам или в домах – от греха подальше. Лавки вмиг запирались, купцы боялись разбоя разинцев. Вот и длинный подвал. Атаман решительно направился к входу в винный погреб. Стражники скрестили пики, не пропуская Разина в дверь. Степан стукнул с силой по лицу кулаком одного из стражников, тот, как подкошенный, замертво повалился в придорожную пыль. Серега Кривой, зверски ощерившись, ухватил второго стражника за грудки, хрястнул его об стену подвала, тот и сник.

– Заходи, ребята, винишко пить, – весело крикнул Степан и первый шагнул в прохладный подвал, где пахло сырой землей, плесенью и вином. Казаки вмиг посрубали глиняные крышки

кувшинов, стали черпать вино пригоршнями, шапками, а Ефим, не найдя ничего подходящего, сдернул с ноги сапог, зачерпнул полный, стал пить, рыча и побряхывая от удовольствия. А в подвал все прибывали и прибывали казаки. Они с удовольствием пили настоящее годами вино, радуясь дармовой выпивке.

Захмелел Степан, заходила кровь по телу от крепкого, ароматного вина, топнул он ногой, озорно улыбаясь, крикнул:

– Гуляй, братва! Пей за здоровье атамана!

В подвале поднялся сильный шум, казаки кричали:

– Любо, атаман!

– Слава нашему атаману! – и били на радостях кувшины с вином. Вот уже чуть не по щиколотку в вине бродят казаки по подвалу. Пошатываясь и обнявшись, стоят Серега Кривой и Иван Красулин:

– Что, Иван, однако, двинемся на улицу, – предложил более трезвый Серега Кривой.

– А вы плывите, плывите, ребята! – крикнул раскрасневшийся от вина поп Феодосий.

Серега Кривой выпучил глаза на попа, наклонив голову по-бычьему, крикнул:

– Давайте посадим попа в вино!

– Посадим в вино! – заорали бражники. Десятки рук схватили Феодосия за рясу и бросили в огромный кувшин с вином. Поп с перепугу закричал:

– Братцы, что же вы делаете, антихристы проклятушие!

Он силился вылезти из кувшина, но казаки вновь и вновь его сталкивали назад. Степан Разин, увидев происходящее, крикнул:

– Ребята, бросьте топить моего единственного попа, а то я вас!.. – и, положив руку на рукоять сабли, неуверенным шагом пошел к кувшину. Казаки оставили попа. Атаман подал руку Феодосию, помог ему выбраться из кувшина. Чертыхаясь, поп кричал:

– Вот черти проклятушие, чуть не утопили!

Тут с улицы прибежал Еремка и тревожно сообщил:

– Батько! Казаки! Бросайте пить, персы окружили нас, хотят нас побить!

Вмиг в подвале все задвигалось, устремилось к выходу, залязгали сабли, загремели битые кувшины. Хотя и пьяны были разинцы, но сабли держали крепко, на улице рубились бесстрашно и злобно. Степан один из первых выскочил из подвала, и сразу же на него набросилась группа персидских воинов. Со свистом мелькала атаманова сабля, разя врагов... Число воинов вокруг него росло с каждой минутой. Вот уже ранили атамана несколько раз в плечо, ткнули копьем в бок. Зашатался Степан, истекая кровью. Увидев, что Разин в беде, Серега Кривой стал пробиваться к нему, яростно разя и раскидывая персов на своем пути. Быстрее всех возле раненого оказался Ефим. Он схватил в охапку Степана и, окруженный плотной стеной казаков, стал отступать к городским воротам, а там и в лагерь. Протрезвел атаман, вылетел хмель из головы, понял он, что опять из-за своей глупости попал в сложное положение. Нужно было как-то выпутываться и из этой истории. Отстранив от себя рукой Ефима, крикнул:

– Братцы! Казаки! Всем пробиваться к стругам!

Вот уже и струги рядом, но там орудут персы, пробивают у лодок днища, сбрасывают пушки в воду. Кричит где-то рядом Иван Черноярец:

– Ребята, скорей на лодки и отчаливаем! Конница Будур-хана скачет!

Раздумывать было некогда. Сталкивали казаки лодки с берега, на ходу прыгали в них, торпливо выгребая подальше от берега. Потасили Разина на струг, но уперся он в землю крепко ногами, не поддается уговорам, не идет и, видя, как под саблями персидских воинов гибнут его ребята, скрипит в бессильной ярости зубами:

– Не могу я бросить их в беде! – стонет он, а по щеке медленно скатываются крупные слезы, слезы бессильной злобы и жалости к бесславно гибнущим. Его воинам.

Подмигнул Черноярец Ефиму. Тот подбежал сзади к атаману, схватил его мертвой хваткой, а затем бросил в лодку и прикрыл своим телом. Взялись гребцы за весла, полетели струги в море.

С большим трудом вырвался из объятий Ефима атаман и поглядел на берег. Много еще людей не успело в струги. Конные персы рубили их кривыми саблями, кололи пиками. Слышались крики оставшихся: «Братцы, помогите!» Степан уперся руками в борт, вцепился пальцами до посинения в доски лодки, закричал, приказывая рулевому:

– Правь к берегу, правь, тебе говорю!

Но тут уже была не его воля – они исполняли приказ первого есаула Черноярца, да и сами понимали, что там их ждет только смерть. В этот день Разин потерял более 400 казаков, а также все пушки и большую часть ранее захваченного добра и ясыря.

12

Василий Соколов и еще трое казаков медленно шли по темным переходам шахова дворца. Гулко отдавались их шаги по каменному полу, и даже шепотом произнесенное слово долгим эхом блуждало где-то под высокими сводами дворцовых коридоров. Рядом шли шаховы стражники, бряцая оружием. Бесстрастные лица воинов были неподвижны, как изваяния. Впереди всей группы вышагивал персидский начальник, богато и ярко разодетый в зарбаф и аксамит.

Толкнув локтем под бок рядом идущего толмача Ивашку, Василий шепотом спросил:

– Куда это они нас ведут? Поди, в подвал на растерзание зверям бросят?

– Не бойсь, казак, к его величеству шаху нас ведут. Будет с нами сам шах Аббас разговаривать, да смотрите: он любит поклонение и смирение. Поэтому, как явитесь пред его очи, низко поклонитесь, падайте на колени, целуйте полу халата.

– Может, ему еще и зад поцеловать или еще что? – с улыбкой спросил есаул.

– Ну это ты брось! – сердито ответил толмач. – Советую вам – с шахом будьте поосторожнее, а то его величество Аббас вспыльчив, и недолго вам угодить в яму на съедение зверю али собакам.

Кончились переходы, и казаков ввели в приемную залу. Она была искусно расписана восточными орнаментами, которые сверкали позолотой. Откуда-то звучала переливчатая чудная музыка, и необыкновенно мягкий задушевный женский голос пел.

Казаки остановились, озираясь по сторонам. Василий Соколов, опять толкнув локтем в бок Ивашку, зашептал:

– Это мы куда ж попали?

– А это, Василий, мы уже в приемной шаха. Вон видишь ту дверь, – и толмач кивнул на вход в тронный зал. У двери стояла стража. Воины были в боевых доспехах, у каждого на боку висела кривая сабля, в руках они держали острые копья.

Персидский начальник, сопровождавший разинцев, погладил бороду, поправил свое платье и, согнувшись в пояском поклоне, вошел в тронный зал шаха. Стражники, даже не шелохнувшись, пропустили его. Василий Соколов, любопытствуя, хотел заглянуть в полуоткрытую дверь, куда вошел персидский начальник, но не успел он приблизиться и на три шага к двери, как стражники скрестили копья. Василий попятился назад, машинально хватив рукой у пояса, но сабли не было, оружие у них забрали сразу же, как они прибыли к шахову дворцу.

Дверь в тронную залу распахнулась, вышел сопровождавший их перс и по-русски произнес:

– Его величество шах Аббас II ждет вас!

Разинцы несмело вошли в тронный зал шаха. Разодетый в сверкающее золотом и серебром платье, он полулежал на подушках. Трон его находился на помосте и застлан коврами искусной работы. Лицо его было неподвижно и надменно, плотно сжатые, тонкие губы говорили, что Аббас – властный и волевой человек. У шаха была красивая, холеная седая борода и живые черные глаза, которые с интересом разглядывали казаков. Повернувшись к окружающим его вельможам, он что-то произнес на своем языке, приближенные захихикали.

Толмач Ивашка повалился на колени, пополз к трону шаха и поцеловал пол у ног Аббаса. Василий Соколов и трое сопровождающих его казаков поклонились в пояс, но на колени не пали. Шах с еще большим любопытством продолжал рассматривать казаков и, видя, что разинцы не преклонили коленей, вздернул в удивлении брови, что-то сказал окружающим его придворным.

Толмач повернул голову к Соколову, зашептал:

– Становись на колени, Христом богом прошу, иначе испортишь все дело!

– Скажи шаху, что казаки ни перед кем на колени не становятся, даже богу молятся стоя.

Шах молча выслушал толмача, нахмурился. Сделал какой-то знак вельможам, среди них произошло движение, и с двух сторон тронного зала открылись боковые двери. Раздетые по пояс, черные мускулистые арапы ввели на цепях двух барсов. Хищники рычали, показывая белые острые клыки, сверкая желтыми глазами. Но казаки не испугались, не упали на колени. Ни один мускул

не дрогнул на лице у этих мужественных людей. Соколов с интересом разглядывал никогда не виданных им красивых, но опасных зверей, в то же время с горечью размышлял о своем пребывании в Исфагани. Вот уже вторую неделю они живут в этом дивном восточном городе, который их поразил своей необыкновенной красотой. По прибытии им определили хороший корм, но никуда не пускают, приставили к ним толмача Ивашку, который должен был узнать у казаков о цели их приезда и затем доложить шаху. Казаков никуда не выпускали, но вина давали вволю, разрешали гулять по обширному саду их резиденции. Ивашка давно уже доложил персидскому начальству обо всем, с чем прибыла казацкая станица к шаху: и о желании казаков служить шаху, и о земле. А те передали Аббасу, который очень заинтересовался предложением разинцев, но принимать их не спешил. Вот только сегодня встреча состоялась. Но будет ли от нее толк, если разговор начался в присутствии барсов.

В тронном зале стояла тишина, было слышно даже, как журчит вода в фонтане, расположенном посреди зала. Эта тишина не предвещала ничего хорошего. Пожалуй, казаки находились между жизнью и смертью. Судьба разинцев сейчас зависела от прихоти шаха. Он что-то вновь сказал приближенным, барсов сразу же увели. Толмач зашептал Соколову:

– Давай подарки!

Соколов сделал знак казакам, те поставили у ног шаха сундук, набитый золотом и украшениями, а также положил бобровую и соболю шубы. Лицо Аббаса сразу же подобрело. Толмач опять упал на колени:

– Атаман Степан Тимофеич Разин просит его величество Аббаса II принять подарки от казацкого войска.

Шах улыбнулся, закивал головой, торжественно заговорил. Речь Аббаса была недлинной, но живой, и он часто кивал головой в сторону казаков, а когда закончил говорить, сделал знак, чтобы они удалились. Как только разинцы вышли в приемный зал, Василий сразу же спросил толмача:

– О чем хоть говорил шах?

– Он сказал, что подарки от атамана принимает и предложение ему по душе, через три дня он даст вам ответ.

– Опять ждать, – недовольно пробубнил Соколов. – А почему сразу не сказал о своем решении?

– А это так заведено у шахов: сразу никогда ничего не обещают. Все обдумает, посоветуется с приближенными, а уже тогда и решит, – ответил Ивашка.

Пока есаул и толмач разговаривали меж собой, в приемный зал ввели высокого, стройного, немолодого мужчину. В окружении трех знатных персов он сразу же проследовал в двери тронного зала. Этот человек несколько раз обернулся, разглядывая казаков, о чем-то заговорил возбужденно с сопровождающим его русским дьяком.

Дверь тронного зала распахнулась, и все тот же знатный перс торжественно объявил по-русски:

– Его величество шах Аббас II ждет царского посланника его величества Всея Руси Алексея Михайловича – полковника Пальмара.

Услышав, что этот высокий человек – посланник русского царя, Василий Соколов сразу же почувствовал что-то недоброе. Толмач покачал головой:

– Плохи ваши дела, казачки, не видать, наверно, вам земли от шаха, а тем более – своего атамана.

Казаки стали тоскливо озираться по сторонам, но бежать было бесполезно и некуда. Однако в душе теплилась надежда, что шах их не предаст. Число стражников около них сразу же увеличилось, они были окружены со всех сторон.

Войдя в тронный зал, полковник Пальмар смело направился прямо к шаху и, припав на одно колено, поцеловал полу шахова платья. Затем, отойдя на несколько шагов, он развернул свиток грамоты и стал читать. Дьяк из посольского приказа, присланный с Пальмаром, тут же переводил.

Выслушав грамоту русского царя, Аббас долго молчал. Он размышлял. «Оказывается, казацкий атаман ведет с ним двойную игру. Грабит его земли и в то же время просится в подданство. То, что грабит, это еще ладно. Можно было бы все-таки взять казаков и заставить себе служить,

но русский царь настаивает – воров побивать и к себе не допускать. Ссориться, конечно, со своим братом, русским царем, которому клялся в вечной дружбе, из-за каких-то воров, грабящих его же землю, он не намерен. Придется слать гонца в город Решт, пусть казаков от города не отпускают и всех тут же побьют, а их посланников сегодня же бросить в яму барсам на растерзание».

Тем временем русские послы вносили и клали у ног шаха подарки. Здесь были драгоценные меха соболя, бобра, куницы, золотые и серебряные украшения и безделушки.

Аббас встал с трона, заходил в волнении взад и вперед около посланников, затем сказал по-слам:

– Подарки русского царя Алексея Михайловича я принимаю и братскую дружбу с его величеством царем помню, а казацкую станицу отдам на растерзание барсам. Войско же Разина под городом Рештом повелеваю побить.

Полковник Пальмар, выйдя из приемной шаха, сразу же встретился взглядом с Василием Соколовым, но в глазах есаула царский посланник не увидел страха, а только укор. Пальмар опустил голову и вышел с дьяком и сопровождающими его знатными персами в одну из дверей зала.

Не успели казаки еще что-либо сообразить, как стража набросилась на них. Троице разинцам вмиг заломили руки и потащили в один из темных дворцовых переходов. Поняв, что жить ему осталось немного, Соколов решил не отдавать свою жизнь так просто. Могучий казак раскидал навалившихся на него стражников, выхватил у одного из воинов копье, прижался к стене спиной, не давая подойти персам к нему. Персидские воины растерялись, не зная, что предпринять. Они топтались на месте. Один из них, по-видимому, начальник, резко что-то крикнул, и воины накинлись на есаула. Казак успел пронзить одного из персов копьем, другие же навалились на Василия, смяли его, опутали веревками, поволокли. Вскоре есаул оказался в огромной яме, там же были и трое его казаков. Стены ямы были каменными, наверху лежала толстая решетка. С боков были видны кованые железом двери. Василий подошел к казакам, каждого отдельно обнял, поцеловал на прощанье, сказал:

– Прощайте, братцы, видно, не судьба нам вернуться в наше казацкое войско.

Один из казаков спросил:

– Что же нам, Василий, делать? Теперь нам шах лютую смерть придумает – на это персы мастаки.

За стенами ямы что-то заскрежетало, послышалось рычание зверей. Раскрылись кованые двери, и казаки увидели четырех барсов, ощерившихся красными пастями с белыми клыками.

– Вот она, ребята, и наша смерть пришла, – сказал упавшим голосом один из казаков.

Наверху ямы кто-то крикнул по-персидски. Василий поднял голову, увидел, что вокруг ямы собралось много знатных персов. Тут же был сам шах, а рядом с ним стоял полковник Пальмар.

– Ишь ты, пришли поглядеть, как казаки умирать будут! – сказал Соколов.

Сопровождающие зверей черные арапы спустили барсов с цепей и закрыли двери. Четверо казаков и четыре барса остались друг против друга. Хищники рычали, скалили клыки, жгли людей желтыми глазами. Разинцы сбились в кучу, молча ждали нападения барсов.

– Эх, была бы сабля!.. – пожалел вслух Соколов и увидел, как один из барсов собрался весь в комок, приготовился к прыжку. Василий понял, что зверь сейчас прыгнет на него. Он сам напружинился, приготовившись отразить нападение зверя. И вот – молниеносный прыжок, дикая кошка взвилась в воздухе, но Соколов отскочил в сторону, изловчился, схватил барса за длинный хвост, резко дернул на себя и мощным ударом кулака переломил хребет дикой кошки. Зверь страшно взвыл и пополз на передних лапах в угол ямы. Остальные животные, ошетинившись и рыча, забились по углам и не решались нападать на казаков. Кафтан на Василии был порван, рука у локтя разодрана до кости, тонкой струйкой быстро сбегала кровь. Только сейчас Соколов почувствовал страшную боль, зажал другой рукой рану. Подняв вверх голову, крикнул:

– Смотрите, сволочи, как казаки умирать будут!

Персы длинными пиками стали травить барсов и выгонять их из углов. Почувствовав кровь, звери заметались вдоль стен ямы. Вот прыжок одного зверя, затем мелькнуло тело другого барса – еще прыжок. Страшные душераздирающие крики разинцев, хруст костей – через несколько минут все было кончено. Казацкая станица разинского войска больше не существовала.

В тот же день шах назначил одного из своих военачальников Мехмет-пашу во главе армии и дал приказ уничтожить разинское войско. Полковнику Пальмару, хорошо знавшему корабельное

дело, было поручено построить 500 больших лодок – для борьбы с разинцами на море.

13

Была осень 1668 года. После неудачи под Рештом Разин быстро оправился, его войско залечило свои раны и продолжило поход вдоль Хвалынского моря. На пути разинцев лежал город Ферабат.

Казачьи струги медленно подплывали к нему. Ночь выдалась теплая, и ничего не подозревавшие горожане мирно спали, не зная, что над ними нависла беда. Разин находился на носу своего струга вместе с Черноморцем, пристально вглядывался вперед, вполголоса переговариваясь с есаулом:

– Не попадем опять в ловушку? – спросил Иван.

– Бедные люди из персов, которые перешли в казачество, доподлинно разведали. В городе о нашем походе никто не знает, вести о нас сюда еще не дошли.

– Если так, то мы, Степан Тимофеич, изрядно здесь наживемся и пополним потерянное под Рештом.

– А что, батько, прямо сейчас на приступ города пойдём? – поинтересовался Леско Черкашин.

– Хватит сразу на приступ ходить. Один раз под Рештом сходили, – ответил атаман. – Сперва высадимся на берег, отдохнем, а уж утречком подобра-поздорову пойдём в город.

– Что это ты задумал, Тимофеич? – в тревоге спросил Черноморец, не желавший более попадать впросак.

– Не бойся, Иван, все будет хорошо, – уверил атаман.

– Надо, батько, нападать сейчас, чтобы застать их врасплох, тогда мы их голыми руками возьмем, – вмешался в разговор нетерпеливый Леско.

– За чем пойдешь, то и найдешь, – ответил есаулу Разин.

– Это почему же? – завелся Черкашин.

Разин усмехнулся в бороду, потрепал широкой ладонью по плечу своего ближнего есаула Леску:

– Ну, хорошо, ворвемся мы сейчас в город. А куда бежать? Где у них барахлишко, золото, припасы? Мы этого не знаем. Да и перебьют нас немало персидские солдаты и городские людишки. Завтра утром мы подойдем к городским воротам и попросимся поторговать в городе. Пусть жомы к нам привыкнут, узнаем, где у них что, а там и начнем с богом.

Леско с уважением посмотрел на своего атамана:

– Ох, и умен да хитер ты, батько!

Иван Черноморец тоже одобрил план Разина, сказав:

– Это ты, Степан Тимофеич, хорошо придумал, да и казаки к утру отдохнут, сил наберутся.

Пристально вглядевшись в берег, Разин распорядился:

– Будем причаливать, – и, указав рукой недалеко от города, велел: – Правьте вон к тому бургу, там разобьем стан.

Обратившись к Черноморцу, приказал:

– Лодки держать наготове, чтобы в случае чего можно было быстро уйти в море. Выставить кругом сильный дозор, а остальным спать, – распорядился Разин.

Иван Черноморец резко свистнул, давая условный сигнал о причале всех лодок к берегу.

* * *

Утро выдалось тихое. Лазурное море, играя волнами, искрилось в лучах восходящего солнца. С моря дул теплый ветер, принося свежесть и запах соленой воды. Волны медленно, как бы нехотя и устало, накатывались на берег, оставляя на песке ракушки и водоросли.

Казачий лагерь просыпался. Разинцы неторопливо шли к морю, чтобы умыться и окунуться в теплую воду. После душевной ночи она бодрила, освежала. Поглядывая на раскинувшийся рядом, утопающий в садах город, не спеша готовили себе пищу, нежились на солнце.

Во главе группы казаков Степан Разин направился к воротам Ферабата. Каждый из них нес разные товары и всякую рухлядь для торговли.

Горожане уже давно заметили, что у стен города расположился казачий лагерь, и с любопыт-

ством всматривались в сторону, где находились разинцы.

Когда Степан Разин и казаки подошли к воротам, те оказались закрытыми.

– Ефим! – крикнул Степан. – А ну-ка, подолбай в ворота, чтобы пустили нас в город! Приведите сюда толмача, пусть кричит, зовет начальство.

Взяв огромную дубину, Ефим стал бить ею по кованой воротине, крича:

– Эй, жомы, впущайте казаков в город для торговлишки!

Вскоре на стенах города появился правитель Ферабата в окружении начальства и заговорил. Толмач сразу же перевел:

– Что нужно неведомым людям?

Разин стал говорить толмачу, а тот сразу же переводил:

– Мы – мирные казаки, пришли к вашему городу поторговать барахлишком, обменять свой товар на вино, еду, помыться в баньке, отдохнуть.

Выслушав казаков, правитель города внимательно оглядел их. Они, действительно, были мирные, оружия нигде не видать, а в руках дорогие ковры, золотая посуда и украшения. Подумал-подумал и решил: пусть идут, торгуют. Да и что они могут сделать против его до зубов вооруженного, обученного военному делу гарнизона: «А от их торговли и нам польза будет, вон какие дорогие товары в руках у казаков».

Начальник дал знак страже, и ворота медленно открылись. При входе в город Разин строго предупредил:

– Если кто будет задирать персов или к ихним бабам лезть, сам лично голову сниму, – и, показав увесистый кулак, громко прошептал: – Смотрите у меня: сегодня торговать мирно и примечать, где и что у них припасено. А сейчас – лучший товар преподнести правителю города.

Разинцы степенно вошли в город. Степан, одетый под купца, поклонился в пояс ферабатскому правителю и положил у его ног золотой кувшин. Знатный перс был очень доволен подарком, он в восторге цокал языком, озорно посверкивая черными глазами.

И вот – разинцы на широкой площади Ферабата. Весь базар запружен народом. Где-то воеет заунывным стоном зурна. Слышны звуки барабана, выкрики купцов, зазывающих покупателей. Кричат торговцы водой, ловко несущие большие кувшины на голове, кричат продавцы фруктов и овощей. Над базарной площадью стоит несусветный гомон.

Люди, одетые в пестрые и яркие одежды, в чалмах, круглых расшитых шапочках ловко сновали по базарной площади, торговались, приценивались к товару, спорили, пили в теничке чай или вино, закусывали лепешками – и весь этот людской водоворот открылся разинцам. Казаки меняли свои товары, не торгуясь, щедро расплачивались. Вскоре на базарной площади и на улицах Ферабата закипела азартная торговля между ними и горожанами. Все купцы в городе желали торговать с казаками. Их обступали большой толпой, предлагали различный товар.

Пять дней велась оживленная торговля между разинцами и жителями города. Гости вели торг мирно, честно, щедро платили золотом. На пятый день в город на торг вышли почти все казаки, кроме охраны в стане и у стругов. В этот день оживленная торговля развернулась не только на базарной площади, но и на улицах города. Торгуя, разинцы постепенно стягивались к центральной площади. И вот уже совсем они перестали интересоваться торговлей, ждали условного сигнала.

Фрол Минаев с Федором Сукниным и Еремкой были рядом с атаманом. Приметили лавку, где на полках лежали богатые товары: аксамит, зарбаф, желтая и красная камка и многие другие ткани и украшения. Перемигиваясь между собой, все ближе пробирались сквозь толпу к приметной лавке.

– Зрите, ребята, – зашептал Еремка, – на базаре сколь казацких шапок мелькает.

– И правда, – тоже шепотом ответил Федор Сукнин, поглядев на площадь, где действительно было множество бараньих шапок с красным верхом.

– Вот потеха, ребята, будет! – воскликнул Еремка. – Отомстим мы персам за погибших под Рештом наших!

– Отомстим! Ух, мы отомстим! – воскликнул Фрол Минаев. – Чего же это батько медлит, условного сигнала не дает?

– Глядите! Глядите, ребята! – закричал глазастый Еремка. – Батько сигнал дал, шапку набекрень сделал.

Раздался резкий разбойничий свист, заглушая гул голосов торгующего базара. Казаки по-

доставали спрятанные в товарах пистолеты, сабли – и пошла потеха. Не церемонясь, разинцы набросились на торговцев, вламывались в лавки, любое сопротивление жестоко пресекалось. Казаки неистовствовали, вымещая всю накопившуюся злобу на персидских знатных людях, купцах и ростовщиках.

Как только атаман дал условный сигнал, Флор Минаев со своей группой ворвался в примеченную заранее лавку. Купец, по всей видимости, – неплохой воин – не испугался нападения, не задрожал от страха, а сразу же обнажил саблю против своих врагов. Минаев скрестил саблю с купцом, но легкой победы над противником, как до этого казалось, не получилось. Ловко отбивая удары сабли Минаева, перс теснил его в угол. Наконец, выбил клинок из рук казака и ринулся на есаула, чтобы проткнуть его, но раздался выстрел. Купец покачнулся и повалился на алый бархат, истекая кровью. Меткая пуля молодого казака Еремки сразила его наповал.

– Спасибо тебе, Еремка, вечный я твой должник! – сказал Фрол, вытирая пот с побелевшего лица.

– Потом сочтемся, – ответил, улыбаясь, Еремка, закладывая следующую пулю в пистолет.

Притомившись, Степан Разин присел на корзину возле кучи товаров, отобранных казаками у персидских купцов. Атаман наблюдал за происходящим, давая им указания, направляя действия. Многие горожане разбежались по домам. Кое-где у больших купеческих лавок еще шли схватки, был слышен лязг сабель, гремели выстрелы. Отдышавшись, Разин отдал распоряжение собравшимся есаулам:

– Ты, Иван, сноси все барахло в струги. Ты, Леско, возьми с собой побольше людей, вылавливайте персидских воинов. Тебе, Фрол, из города никого не выпускать, а остальным вместе со мной идти в потешный дворец шаха. Возьмем и там животы.

Шахов дворец располагался на берегу моря в живописном месте. Стража уже разбежалась, и вход был свободен. Ворвавшиеся в него разинцы хватали и сдирали со стен все, что можно было унести, что хоть немного было похоже на золото или серебро. Обшарили казаки все комнаты, проникли во все помещения. Разинцы волокли добро к стругам, благо, что казачьи лодки были недалеко. Из роскошных дворцовых комнат Якушка Гаврилов вывел шаховых жен и наложниц. Женщин было около двух десятков, одна другой краше. Увидев персиянок, казаки окружили их и, не стесняясь, разглядывали, даже пытались пощупать, дивясь красоте, роскошной одежде, золотым украшениям.

– Вот это аппетит у шаха, – сказал, улыбаясь, Степан Разин и обвел женщин помолодевшим взором. – Царских женок тоже свести к стругам, приставить охрану и не обижать, – распорядился атаман.

Разграбив дворец, казаки подожгли его с четырех сторон. Громадное пламя взвилось над потешным дворцом. Вскоре крыша рухнула, клубы дыма и тысячи искр поднялись высоко в потемневшее вечернее небо.

Вернувшись в город, атаман остановился на базарной площади у огромной кучи добра, где лежали тюки тканей, ковры, украшения, дорогая посуда.

– Степан Тимофеич! – окликнул атамана первый есаул Иван Черноярец. – Город наш! Всех воинов из гарнизона переловили и побили и горожан, кто сопротивлялся или сам на казаков напал, тоже. Столько добра, батько, натащили, аж в лодки не вмещается. Взяли множество пленных мужского полу. Что с ними делать будем?

– Пленных не побивать, а хватать как можно боле, будут они помогать нам строить стан. Скоро зима! Надо где-нибудь остановиться лагерем и переждать до весны. А как кончим постройки, будем менять их на русских людишек, что в полоне здесь находятся. Эх, многие матерые казаки погибли в походе, особенно под Рештом, – печально сказал Степан и, сурово поглядев на своего друга, посоветовал: – Ты вот что, Иван, надо всем есаулам наказать – пусть проследят, чтобы и из персов простых людишек казаки не обижали.

– Знамо дело, батько, мы ведь богатеньких да начальников с купчинами шарпаем, – ответил Иван.

– А где же Сукнин? – поинтересовался атаман, не видя любимого есаула.

– А он казаков повел в городок Астрабат, что тут неподалеку. Там тоже хотят с нами поторговать, еще утром приглашали, вот Федор и решил уважить, – весело ответил Еремка.

Наученный горьким опытом под Рештом, атаман ночевать в городе не остался, а приказал по-

грузить все захваченное добро и пленных в струги и отплыть на полуостров Миян-Кале, расположенный между городами Ферабатом и Астрабатом. Здесь разинцы заложили свой новый лагерь, чтобы перезимовать.

14

Иван Семенович Прозоровский, князь-воевода астраханский, метался по приказной палате, не зная, что делать. Сегодня узнал он от верного человека, прибывшего из Москвы, что царь Алексей Михайлович крайне недоволен его воеводством в Астрахани из-за того, что до сих пор вор Стенька Разин не пойман и творит обиды в персидских пределах. Будто царь собирается отстранить Прозоровского от воеводства и назначить другого. «Бесчестие – хуже смерти! – пробормотал князь. – Если отстранит меня царь от воеводства, не переживу я этого!»

Затем встал посреди палаты, топнул ногой, громко сказал:

– А не бывать тому, чтобы мне не воеводствовать в Астрахани! Сегодня же отпишу царице письмо и отошлю с верным человеком. Чай, родственницей нам доводится, пусть замолвит словцо перед государем Алексеем Михайловичем!

Воевода сел за дубовый стол, второпях схватил гусиное перо, придвинул чернильницу и быстро начал писать царице. Оттого что Иван Семенович торопился, перо брызгало и делало кляксы. Грамота выходила неряшливой. В досаде князь смял написанное, бросил в угол. Руки у воеводы тряслись от волнения, его била нервная лихорадка. Хотел уже кликнуть дьяка Игнатия да заставить его написать грамоту, но уж очень не желал боярин, чтобы о его неурядицах кто-то еще знал: дьяк-то не вытерпит и обязательно с кем-нибудь поделится, поползут тогда слухи по городу. Постаравшись взять себя в руки и успокоиться, князь снова стал писать грамоту. Закончив письмо царице, Иван Семенович свернул его в трубку, обвязал дорогим шнурком и, открыв дубовую дверь палаты, кликнул своего верного человека.

– Никита, зайди сюда!

В палату расторопно вошел коренастый человек с рыжеватой бородой и серыми глазами. Он поклонился в пояс:

– Что, князь-воевода, Иван Семенович, прикажете?

Прозоровский протянул послание Никите со словами:

– Возьми эту грамоту и как можно скорее доставь ее в Москву, передай нашей милостивейшей государыне Наталье Кирилловне.

– Когда ехать? – спросил Никита, беря грамоту и пряча ее за пазуху.

– Сейчас же собирайся и скачи! Спеш! И худо будет, если грамотка эта попадет в чужие руки.

– Не будет того, князь-воевода, чтобы она в чужие руки попала. Сам сгину, но не отдам.

– Тогда, Никита, с богом! – и Иван Семенович перекрестил своего гонца. Тот низко поклонился и вышел из приказной палаты.

Домой князю идти не хотелось, одолевали тяжелые думы. Жаль было Прозоровскому терять государеву службу, да и где доходней места сыщешь? Воевода прошелся несколько раз по палате, вначале вдоль помещения, затем поперек, разговаривая сам с собой: «Пойду-ка я разгуляюсь к своей зазнобушке Анне Герлингер, благо, что поручик, муж ее, на Волге, на заставе стоит, беглых людшек с России вылавливает».

Воевода вышел на крыльцо приказной палаты, крикнул стрельцам:

– Эй, кто там, приведите к крыльцу моего коня!

Появился стрелецкий сотник, поклонившись князю, произнес:

– Сейчас, батюшка, исполним.

Придерживая рукой саблю, рысцей заспешил на конюшню. Через некоторое время привели оседланного гнедого жеребца.

Хотел уже Прозоровский вскочить на коня, как увидел спешащего к приказной палате дьяка Игнатия: «К чему бы это дьяк так торопится в палату? Или грамота какая пришла?»

Игнатий почти вбежал на крыльцо, торопливо поклонился воеводе.

– Да не тяни ты, говори, что случилось! – заторопился Прозоровский.

– Мария Сукнина на себя руки наложила, – сообщил дьяк.

Князь долго молчал, потом спросил:

– Как же это случилось?

– А никто не видел как. Узнали только, когда пришли бабы к ней за молоком туда, где доила она коров. Там и увидели ее в веревочной петле.

Воевода задумчиво сказал:

– Видно, с этой бабой мы перестарались, может, ее к детям надо было допустить? Кстати, где они? – поинтересовался воевода.

Дьяк потупился, долго молчал, боясь ответить.

– Да говори же, где? – настаивал Прозоровский.

– Продал я их кызылбашским гостям.

– Как это продал? Без моего ведома? – топнул ногой воевода.

– Я думал, что дети ее нам ни к чему, что с них толку? Только хлеб зря ели бы.

Князь побагровел лицом, сжал кулаки, и даже появилось какое-то движение – вроде как бы ударить дьяка, но воевода переломил себя, сдержался. Стрельцы, привлеченные шумом, собрались чуть поодаль крыльца.

– Эх ты, дьяк, дурень! Дальше своего носа и кармана ничего не видишь! Загубил ты мне все дело! И бабу до самоубийства довел, и детей продал в рабство.

– Не возьму я в толк, Иван Семенович, для чего они тебе?

– Бестолочь ты, Игнатий, неужто тебе невдомек, что Стенька весь век по морю плавать не будет, и в конце концов его к дому потянет. А раз к дому пойдет – так Астрахани не минует. Раз эта баба является женой его первого есаула, знать, через них мы у воров кое-что бы отыграли. Ну а теперь? Эх ты, пустая голова, справляешь только свои дела, а о государевых не думаешь. За это надобно бы отправить тебя в приказ тайных дел, там с тебя Одоевский Никита Иванович спрос хороший бы учинил.

Дьяк повалился в ноги воеводе, облобызал сапоги князю, причитая:

– Прости меня, князюшка, пресветлый Иван Семенович, послужу я еще тебе верно, не отправляй меня в приказ тайных дел!

– Ладно, дьяк, вставай, того, что сделано, – не вернешь, но впредь боле не прощу такое – отправлю тебя к Одоевскому.

Игнатий опять упал в ноги воеводе, но уже со словами благодарности:

– Спасибо тебе, светлый князь-воевода, Иван Семенович, век не забуду, отблагодарю тебя за это прощение своей преданностью!

Стрельцы, собравшиеся невдалеке от крыльца, посмеивались в бороды. Кто-то даже сказал:

– Вот разобрало дьяка-то, глядите, ребята, аж ноги воеводе целует!

Другой низкий голос рассудительно ему ответил:

– Видно, в чем-то сильно провинился.

Воевода повернулся в сторону стрельцов, грозно на них поглядел, те примолкли и стали расходиться по своим делам.

– Ладно, дьяк, встань на ноги, хватит на карачках ползать и причитать. Где эта баба, что удавилась?

– А там, в загоне лежит: как ее с петли сняли, так там и положили.

– Поди, уже люди собрались?.. – в тревоге спросил воевода.

– Да почитай все твои дворовые, бабы воют! – ответил дьяк, с тревогой вглядываясь в лицо Прозоровского, пытаясь узнать, правильно ли он поступил.

– Вот опять ты, дурень, не так сделал. Надо было ее снять с петли и закрыть пока в коровнике, а ты даже людей не разогнал. Дьяк потупился, не зная, что ответить, повторяя одно и то же:

– Дык я, дык я...

– Хватит тебе дыкать, пустая твоя голова, – прервал Игнатия воевода. – Ты вот что, садись на коня и скажи к Анне Герлингер. Скажи ей, пусть, мол, ждет меня в гости, пусть готовит хмельных медов, вина, закусок разных, а то худо мне, разгуляться бы.

Дьяк мигом исчез исполнять просьбу воеводы.

Иван Семенович вскочил на коня и поспешил на скотный двор. Около тела Марии Сукниной собралось множество дворовых, бабы плакали, причитали. Мужики, сняв шапки и нахмурившись, стояли в стороне, разговаривали вполголоса между собой. Конюх Никита злобно сказал:

– Все же замучили казачку, изверги!

– А какая красивая баба была... Видел я Марию в первый день, как привезли ее с Яика, – ответил другой дворовой мужик.

– Разойдись! – закричал воевода, подъезжая на жеребце к толпе дворовых, и, выхватив плеть, стал хлестать баб направо и налево. Те с визгом разбегались в разные стороны.

– Побойся бога, князь Иван Семенович, – вступился за всех конюх Никита.

– Молчать, сволочь! – оскалился в злобе воевода, наезжая лошадьё на Никиту. Конюх попятился назад, мужики стали расходиться.

Князь слез с коня, подошел к телу казачки. Мария лежала на спине, закрытая холстиной. Князь брезгливо поморщился, попятился, вскочил на жеребца и уже на ходу крикнул подошедшему дворецкому:

– Схороните бабу сегодня же, и чтоб народ не толпился. Сделай все тихо!

Дворецкий поклонился в пояс, сказав:

– Исполним, батюшка, все, как велел.

* * *

Анна встретила Ивана Семеновича на крыльце:

– Чего это ты, князюшка, дорожку ко мне забыл, давненько не навещался.

– Недосуг мне, Анна, забот было – полон рот. – Князь вытащил из кармана дорогое узорочье из витой серебряной и золотой нити, брошь, усыпанную яхонтами.

Анна с улыбкой приняла подарок, сказала:

– Балуеть ты меня, князюшка.

Женщина была одета в красный летник и чёрную рефить. Она провела гостя в красный угол, усадила за стол, где стояли уже холодные закуски и мед.

Иван Семенович с жадностью, прямо из яндовой выпил хмельной мед до дна, отдышался, стал понемногу отходить от своих переживаний. Анна присела рядом, налила в серебряный кубок романю, что-то говорила, но князь ее не слушал, думал о своем.

– Князюшка, ты меня не слышишь? Князюшка! – почти крикнула женщина.

Воевода вздрогнул, оторвался от своих дум, печально улыбнулся, заговорил:

– Тяжко мне, Анна! Сам царь на меня сердает из-за этого вора Стеньки Разина. Ума не приложу, как мне изловить этого татя?

– Так просто ты его не изловишь, воевода. И едва ли это возможно, ведь у него сила, множество казаков, да и бьет он ваших стрельцов постоянно.

– Вот я и не знаю, каким путем мне извести вора, – с тоской в голосе сказал князь.

– Есть пути, князюшка. Можно сделать так, что вора этого не будет.

– Это какие же такие пути?

– Для этого, князюшка, есть яд, кинжал, да и мало ли еще что? Подослать тебе человека к нему надобно, чтоб убил татя.

– Говорят, был у прежнего воеводы Хилкова такой человек – некий Петр Лазарев, да сгинул где-то в войске у Стеньки Разина.

– Знавала я его хорошо, ох, и хитер был!.. А вот, видно, атаман его раскусил.

– Надобно, Анна, мне подобного человека разыскать, да поумнее и похитрее пристроить в войске казачьем. Нужно у атамана нам своих людей иметь. А там, неровен час, может, с божьей помощью и самого уберем.

– Есть, князюшка, у меня такой человек, что за деньги и к атаману не побоится пойти и дела тебе подобные устроит.

– Кто таков?

– Да мой брат – Данило Романыч. И силен он, и хитер, каких мало. Только за это немалые деньги возьмет он с тебя, воевода.

– Не пожалею денег, если дело будет того стоить. Где я с ним увижусь? – поинтересовался князь.

– Сейчас кликну его, он у меня живет. Вот вы за чаркой с ним все и обговорите.

Анна легко поднялась, вышла в боковую дверь горенки и через некоторое время ввела уже немолодого мужчину с русой бородой и голубыми глазами, жестким и пронзительным взглядом. Данило был ладно сложен, телом крепок, шагал легкой походкой. Вошедший поклонился воеводе,

стал ждать, что скажет князь. Тот сделал знак, приглашая его сесть к столу, сам налил ему чарку вина:

– Давай, Данило, выпьем зеленого вина, а потом поговорим о деле.

Выпив чарку и закусив, князь спросил:

– Смог бы ты к вору Стеньке Разину пойти служить в казачье войско и справиться дела по государеву повелению?

– А чего ж не справиться? Справлю, – улыбаясь, ответил Данило.

– Когда сможешь отправиться к атаману?

– Это, князь-воевода, обмозговать надо. Ведь Стенька гуляет у персидских берегов, и до него нам сейчас далеко. Как только он появится поблизости, так я и пойду к нему на службу.

Воевода, с интересом поглядев на собеседника, подумал: «Видно, Данило – неглупый человек, ишь, как все ладно рассудил».

А вслух сказал:

– Хорошо, будем ждать Разина из персидского похода.

15

В конце полуострова Миян-Кале, где казаки обосновались, были пески и болота. Место низкое, сырое, поэтому пройти к лагерю было трудно. Со всех сторон полуостров омывался морем, а с суши соединился узким перешейком. В новый лагерь, в котором разинцы собрались зимовать, они свезли всю добычу, пригнали пленных, заставили их строить укрепления и деревянный городок. В первую очередь отсыпали огромный земляной вал, где проделали бойницы и установили отнятые у персов пушки. В этом укрепленном узком месте небольшим числом казаки могли удерживать целое войско персов.

Разинцы пригнали новую партию пленных на строительство деревянного городка. С окрестных лесов на лошадях волоком возили лес и рубили избы.

Ефим стоял в окружении пленных и показывал им, как делать сруб. Ловко орудуя острым топором, казак выравнивал бревна, вырубал пазы, а затем так же ладно складывал сруб да приговаривал:

– Глядите, антихристы, как дома рубят. Не то, что вы: строите из глины и камня и живете, как черви.

Он протянул топор одному из персов: «На, поработай». Пленный взял в руки топор, оглядел его со всех сторон, покачал головой, показывая, что не умеет.

Ефим выхватил топор у перса и снова показал, как рубить, затем вновь дал пленному, тот опять покачал головой, отказываясь работать.

Леско Черкашин, наблюдавший за мучениями Ефима, подошел к нему:

– Хошь, Ефим, научу их – все поймут и начнут работать.

Ефим вытер пот со лба, с недоверием поглядел на Леску, но согласился.

– Покажи, а то я уже упарился с ними.

Есаул подошел к персам и, указывая на Ефима, сказал:

– Все видели, как надо работать?

Пленные, потупившись, молчали.

– Где толмач? – спросил Черкашин. Из толпы пленных вышел молодой перс: – Переведи им, что я сказал!

Толмач заговорил, показывая на топоры и бревна.

Пленные в ответ что-то враз ответили.

– Что они там говорят? – спросил Черкашин у переводчика.

– Говорят, что такого дела не разумеют.

Взбешенный Леско Черкашин выхватил кривую саблю, закричал:

– Работать! Или всех сволочей порубаю!

Пленные испуганно похватили топоры, приступили к работе.

– То-то! – весело крикнул Леско и, изловчившись, ловко вытянул по заднице толстого перса, который взвыл от боли и стал трудиться с большим прилежанием.

Видя, что все пленные усердно взялись за дело, Ефим заулыбался, повернулся к Леске, схватил его ручищами за плечи, стал тискать на радостях. Тот застонал, а потом и закричал от боли:

– Ты, Ефим, сдурел, что ли? Искалечишь меня своими лапищами!

– Ну и молодец ты, Леско! Быстро заставил их работать, а я, сколько ни бился, никак не мог.

– Уметь, Ефимка, надобно с людишками работать, – ответил Леско, повернувшись в сторону группы верховых казаков, которые гнали еще пленных – мужчин и женщин.

– Ты тут, Ефим, управляйся, строй городок, а я пойду, вон Фрол Минаев приехал, еще жомов пригнал, их тоже к делу надобно пристроить. Ну а если опять упрутся эти дармоеды, – Черкашин кивнул на пленных, – немедля зови меня, я их быстро приструню!

Леско вразвалочку пошел навстречу конным казакам, которые ездили в города Астрабат и Ферабат подчистить оставшееся добро, добыть снеди и ясыря.

Подойдя вплотную к всадникам и оглядывая пленных, особенно женщин, крикнул Фролу Минаеву:

– Как есаул съездил? Много ли добра привез?

– Кое-что есть, – улыбаясь, ответил Фрол, перехватив жадный взгляд Лески, устремленный на женщин. – Что – бабенку надо? – понимающе спросил Минаев. – Так выбирай!

Леско с ухмылочкой на губах, заломив баранью шапку набекрень, стал придирчиво оглядывать пленниц. Заметив одну молоденькую персиянку – стройную, белолицую, с огромными печальными глазами, схватил ее за платье, потянул к себе. Женщина испуганно упиралась, крупные слезы катились из ее темных глаз, она что-то жалобно лепетала по-своему. Есаул сильной рукой притянул к себе пленницу, облапал ручищами упругие груди, тонкую талию, бедра, прищелкнул от удовольствия языком, сказал Фролу:

– Давай меняться – я тебе кривую саблю, что ты у меня просил, а ты мне – ее.

Имея слабость к дорогому оружию, Фрол тут же согласился.

– Бери. Этого добра у меня сколь хошь, могу еще одну дать в придачу.

– Нет, только эту, – ответил Леско и потащил персиянку в свою уже рубленую готовую избу.

– Леско, берегись! – крикнул Фрол. Но Леско шел, не обращая внимания на крик и таща упирающуюся пленницу.

Молодой перс, гибкий, мускулистый, с кривым ножом в руке, издавая рычащие звуки, бежал за Черкашиным. Вот ещё несколько метров – и перс вонзил в спину есаула острый, сверкающий холодной сталью нож.

Все присутствующие казаки оцепенели, не зная, что предпринять. Только Фрол Минаев, хорошо владеющий арканом, раскрутил его со свистом над головой, метко бросил в сторону разъяренного пленника. Аркан захлестнул нападающему глотку, но было уже поздно – перс с силой вонзил нож в спину Леске. Тот от удара охнул, резко развернулся и, увидев хрипящего пленника с арканом на шее, сильно пнул его в живот.

Ударом ножа пленник распорол есаулу кафтан. Из-под ткани холодной сталью поблескивала кольчуга, которая и спасла ему жизнь.

Леско выхватил саблю из ножен, хотел уже срубить голову разъяренному пленнику, в муках корчившемуся от удара казака.

– Стой! Не трогай его, Леско, – вдруг раздался низкий голос Степана Разина за спиной у есаула.

Леско обернулся, увидев атамана, закричал:

– Он чуть меня не зарезал, подлюга, а ты, батько, говоришь – не трогай! Да я его!.. – и есаул снова замахнулся саблей.

– Стой, говорят! – с угрозой в голосе крикнул Степан. Леско резко вложил в ножны саблю, обиженно поджал губы.

– Толмача сюда! – крикнул Разин. Прибежал перс-толмач.

– Спроси у него, почему он бросился на казака с ножом?

Толмач быстро заговорил с пленником. Тот встал на ноги, злобно сверкая глазами на Леску, и стал говорить. Толмач перевел: «Эта женщина – его жена, говорит, что он бедный человек, занимается гончарным делом. Просит атамана отпустить его вместе с женой».

Разин внимательно выслушал речь переводчика, затем распорядился:

– Отпустите их на все четыре стороны. Пусть идут!

Леско стал отчаянно возражать, пытаясь оставить понравившуюся персиянку при себе:

– Почему, батько, обижаешь, я ж ее за саблю у Фрола выменяю! Не отдам бабу!

Разин нахмурился, потемнел лицом, глаза загорелись недобрый огнем, заметали молнии из-под мохнатых бровей.

– Эти люди – бедняки, и хлеб добывают трудом. Если еще и мы будем их обижать, тогда кто защитит сырых да убогих? Отпустите их!

Леско, понимая, что дальше спорить с атаманом опасно, подвел женщину к персу, сказав:

– Ладно, брат, бери свою бабу и прости, не знал я, что это женка твоя!

– Вот так-то и ладно, – сказал, улыбаясь, Степан Разин. – Ну а ясырку, коли надо, выбери еще.

Подошел Иван Чернойрец и сообщил атаману:

– Пришло с Ферабата оставшееся в живых начальство. Предлагают за своих пленных родственников деньги или обмен на русских.

– Скажи им, что деньги и ихнее барахло нам не надо. Мы это у них и сами возьмем, если понадобится. А вот русских, что у них в неволе томятся, пусть ведут, менять будем – трех персов за одного русского. Пусть басурманы знают цену русского человека. Знатно поредело мое войско. Многие добрые казаки полегли в боях, надо где-то брать других. Скажи им, Иван, пусть по всем городам передадут, что мы пленных меняем на русских людей. Но обмен учиним только через три дня. Надо спешить строить городок, а то скоро пойдут дожди, тогда сгнием мы тут заживо в этих болотах, без крыши над головой. Шибче, братцы, работайте, чтоб праздного бражничества я не видел. Передай, Иван, есаулам, чтобы предупредили всех казаков. А как кончим постройку городка, тогда и гульнем. Еще отдохнем, насидимся здесь за зиму!

Выслушав Разина, Иван Чернойрец крикнул:

– Айда, ребята, делами заниматься!

Все заспешили, а Степан Разин вошел в невысокое деревянное строение, где еще пахло сырým деревом. Пригнув голову, прошел к столу, за которым сидели Григорий и Феодосий. Они писали бумаги, вели учет казны.

– Что, божьи люди, много ли богатства насчитали? – пошутил атаман.

– Кое-что есть, – ответил Григорий. – Утащим ли мы все это домой?

– Утащим! Стругов пустых много, – ответил Степан.

– Зато казаков мало, – с сожалением напомнил Григорий.

– Людей найдем. Будем на персов менять, думаю, за зиму людишками обростем.

Феодосий достал из-под лавки бочоночек с вином, налил всем в кружки, сказал:

– Выпейте для сугрева, уж больно на этом острове сыро, особенно по утрам. Как мы тут зиму переживем?

– Хотел я, ребята, вернуться на зиму в Яик, но вчера оттуда вернулся Якушка Гаврилов, ходил на двух стругах под парусами. Так рассказывает он, что захватил городок Безбородов, многих оставшихся казаков порешили, а кто успел уйти – к нам с Гавриловым приплыли. Рассказывают, что Федора Сукнина женку с детьми угнали в Астрахань. Любаву, сестру ее, забили до смерти и повесили.

Разин заскрипел зубами, уронил голову на руки, запустил пальцы в черные кудри и, качая головой, со злобой сказал:

– Ну, Безбородов! Приду я на Яик, подвешу тебя на городских воротах, и будешь ты у меня сдыхать мучительной смертью!

Поп Феодосий молча переглянулся с Григорием, но не проронил ни звука, так как знал, что в такие минуты лезть к атаману со словами или советами опасно.

Феодосий молча налил еще по кружке вина, поставил перед Степаном. Тот, не глядя, захватил кружку, выпил залпом, поднял голову и, блуждая мутным взглядом по избе, смахнул набежавшую слезу:

– Эх, жалко бабу, видно, чувствовала. Уж очень она не хотела оставаться в городке. Как же я Федору Сукнину о его жене все это скажу? Убиваться казак станет, а еще хуже – на Астрахань поплывет женку спасать.

Степан встал, отказался от следующей кружки, предложенной Феодосием.

И, как бы оправдывая свою минутную слабость, сказал:

– Посмотрю, как городок строят.

Разин вышел из избы и, опустив голову, зашагал к берегу. Море было беспокойным. Пенные

волны, набегая друг на друга, разбивались о берег, поднимая множество брызг. А белые барашки волн все катились и катились на него, казалось, что этому не будет конца. Вода с темно-зеленым оттенком сливалась вдаль с низкими, рваными, свинцово-синими тучами. Изредка над морем металась чайка в поисках пищи, издавая пронзительные, тоскливые крики.

Разин подошел почти к самой воде, взгляделся в бескрайний простор, в тревожное, беспокойное уже по-зимнему море, подумал: «Трудные времена для нас настают! Выдюжат ли мои казаки еще одно испытание?»

16

За окном виднелось кладбище с покосившимися серыми деревянными крестами. За зиму от гнилой воды, плохого питания и сырости умерло много казаков. Степан тяжело вздохнул, глядя на неуютный погост, прошептал: «Успокоились, сердешные, и ничего-то теперь им не надо!»

Очень медленно тянулись дни на Миян-Кале. Сырость проникала, казалось, в самую душу казаков, покрывая все плесенью, забирая жизни верных товарищей. Они ослабели, тела и лица покрылись простудною коростой и чирями. Многие уже не могли встать с постели. У разинцев кончились съестные припасы, и они питались лишь заплесневелыми сухарями да такой же мукой, из которой варили болтушку.

Персидские воины перекрыли узкие проходы с полуострова и не давали разинцам выйти на берег, чтобы запастись свежими продуктами и хорошей питьевой водой. А бурное зимнее море не давало возможности уйти водным путем.

Сутками дули холодные ветра, принося к острову жестокие штормы. Плохо согревали казаков пронизанные сыростью, наспех построенные избы и землянки.

Кутаясь в соболью шубу, Степан Разин пристально глядел в окно на унылое кладбище, вспоминая житье на острове и подсчитывая, сколько же еще им осталось жить среди этой гнили. Посмотрев на ясное небо и выглянувшее из-за туч ласковое солнце, подумал:

– Наступает весна, скоро оживем, отогреемся на солнышке, прекратятся едкие, вонючие туманы, перестанут мои казачки харкать кровью, излечат простудные болячки».

Взглянув опять в окно и задержав взгляд на кладбище, Разин прошептал:

– Успокоились сердешные!

Настроение у атамана было мрачное, на душе смутно и нехорошо. Многие дни провел в тяжелых думах Степан Разин, ища выход из создавшегося положения. Конечно, уйти с острова в зимнее время он не мог, так как некуда было податься. На Яик идти бесполезно. Хорошо укрепленный городок он все равно не возьмет. Домой идти – у Астрахани не пройдет. Да и негоже выводить струги в море в зимнее время под холодный, пронизывающий ветер и снег. На острове плохо, но безопасно. Надо ждать.

Разин выпил кружку водки, прошептал:

– Ничего, ребята, мы еще погуляем! – и вдруг пришла ему удачная мысль, он даже подпрыгнул, лихорадочно зацепившись за новую идею, как утопающий за соломинку.

– А пойду-ка я в туркменские земли – по ту сторону моря. Как раз ветер дует попутный, пожалуй, на парусах скоро доплывем. Там наверняка отъедемся, обогреемся, а затем и на Дон можно податься.

От этого атаману стало легче, он почувствовал, что нашел выход.

Дверь заскрипела ржавыми петлями, и в избу вошел улыбающийся Иван Черноярец. В открытый проем брызнули горячие лучи яркого солнца, с улицы ударили весенние запахи. У Степана раздулись ноздри, этот воздух вскружил голову. Атаман быстро встал, сбросил шубу и выскочил из избы, улыбаясь солнцу и лазурному морю.

– Степан Тимофеич, все хотят круг собрать, поговорить, куда идти дальше, что делать? Вон, вишь, – и Иван показал на обсохший бугорок среди лагеря. К нему тянулись казаки. Кто шел резво, а кто тащился кое-как. Некоторые только выползли на крыльцо, другие вовсе не могли подняться, лежали в постели. Однако двери изб везде были открыты настежь, кругом чувствовалось оживление.

Степан огляделся вокруг, посмотрел в небо, на море, сказал:

– Надо, Иван, уходить отсюда, а то персы скоро на нас попрут и с суши, и с моря. Смотри, как вода улеглась: уже не бушует, дня через три будет совсем тихо.

- А куда идти думаешь? – поинтересовался есаул.
- В туркменские земли, – ответил Степан, хитровато улыбаясь.
- Так мы ж, Степан, туда не доплывем на веслах, казаки ослабли.
- На парусах пойдем.
- На парусах? Да где ж мы, батько, их возьмем?
- Сделаем паруса из персидских поволок, у нас этого добра – кучи.
- А ведь и верно, – радостно согласился Иван.
- Пойдем, есаул, на круг, гляди – казаки собрались.

Степан Разин прошел в центр круга, залез на бочку, крикнул:

– Братцы! Видно, весна пришла, и негоже нам более на Миян-Кале сидеть сложа руки и ждать, пока придут персы да побьют нас. Пора уходить отсюда, а вот куда? Вам решать! – Степан степенно слез с бочки, отошел в сторону, стал слушать, что скажут казаки.

Стал говорить Леско Черкашин:

– Я вот что думаю, ребята! Надобно нам еще сходить на прощание на Ферабат, всыпать персам, а то совсем от рук отбились. Вчера у земляного вала нас всяко непотребно ругали – бояться перестали. Барахла опять возьмем и бабенок нахватаем ихних, потешимся с ними.

– Казаки еле ноги носят. Жрать нечего! А он о бабенках гутарит, – зло выкрикнул в ответ Фрол Минаев.

Круг захохотал.

– Тебе, Леско, лишь бы бабы, а там – трава не расти, – пробасил Ефим.

Леску столкнули с бочки.

– Надо нам, братцы, текать отсюда, пока персы нас тут не побиили, – рассудительно начал говорить Фрол Минаев, – а то, как море успокоится, ударят они с него. Что делать будем?

– А ты уж и напужался, – крикнул Леско.

Круг враз закричал, задвигался, казаки зашумели, засвистели.

– Тихо, братцы! Да не орите ж вы, дайте до конца слово молвить! – крикнул Фрол.

Круг замолчал.

– А куда ж идти прикажешь, есаул? – пробасил Ефим.

– Надо бы, братцы, на Терки нам плыть, там передохнем и айда домой на Дон, – закончил Фрол.

– А жрать что на Терках будешь? Там теща тебя с блинами ждет? – опять спросил Ефим.

Фрол смолк, не зная, что сказать. Казаки засвистели, закричали:

– Не то говоришь, Фрол!

Заговорил Якушка Гаврилов:

– Я думаю, ребята, надо нам плыть прямо к Астрахани.

– Ага, там тебя уж давно Прозоровский поджидает, – съязвил Леско.

– А у батьки грамота царская имеется, чтоб нас не трогать и пропустить на Дон с миром, – нашелся Якушка.

– Ее нам еще на Яик посылали. Верно, батько? – и Леско повернулся в сторону атамана.

Разин молчал.

– Слазь с бочки! – что есть силы закричал Фрол Минаев.

Казаки засвистели, схватили за полы кафтана Гаврилова, стали тянуть вниз. Якушка отбивался, хотел еще говорить.

– Ишь, к Прозоровскому на поклон собрался, приперло его! – кто-то крикнул из круга.

Якушка схватился за саблю, но его опередили десятки рук и стянули с бочки.

Разинцы шумели, кричали, но говорить уже никто не хотел. Круг не получался. Никто не знал, что предложить и куда им пойти. Еще немного казаки пошумели, покуражились, посмеялись над ораторами и вдруг все стихли, повернулись в сторону атамана, ожидая, что скажет он.

Степан понял, что пришло его время высказать свою задумку. Он легко вскочил на бочку, веселый и ладный, по-прежнему красивый и неутомимый, как будто он не ел, как все, заплесневелые червивые сухари и не пил тухлую из болот воду.

– Правильно тут говорили ребята, – начал атаман, – что неплохо бы еще пошарпать Ферабат да всыпать персам, чтоб не охальничали. А то – ишь, осмелели!

Круг в удивлении затих: неужто атаман опять думает идти на Ферабат?

Леско даже крикнул:

– Ну, что я вам говорил!

Степан строго посмотрел на есаула, тот осекся и замолчал.

– Можно, ребята, и на Астрахань идти. Может, и проскочим как-нибудь на Дон. Но посмотрите на себя, каких я вас приведу на Дон. Да вас же не только станичники, но жены и дети не узнают. Как я вас всех, болящих и отоцавших, покажу на Дону? А что мне скажут женки тех добрых казаков, зарубленных в походе врагами, и ребят, которые легли здесь? – Степан указал в сторону кладбища.

– Что?

Круг молчал.

– Вот что я, казаки, мыслю, – продолжал атаман, – а не пойти ли нам на туркменские земли? Ветер сейчас попутный, море успокоилось, на парусах поплывем туда. Возьмем добра, ясыря, отъедемся, отдохнем, а тогда – и на Дон!

Круг как прорвало. Сотни глоток заорали:

– Любо, батько! Любо, Степан Тимофеич!

Множество шапок полетело вверх. Дивились казаки друг перед другом, что никто из них не мог додуматься, куда идти, а вот Степан нашелся. Теперь казаки и вовсе были убеждены, что, идя за ним, они не пропадут.

Когда круг затих, атаман продолжал:

– Сегодня же начнем чинить струги и готовить паруса, запастись водой и вскорости, на этой седмице, отплывем. Не будем, ребята, время терять: айда готовиться к отплытию!

Круг задвигался, стал расходиться, а Разин напоследок крикнул:

– Всем есаулам зайти ко мне в избу!

В избе Разина было душно и накурено. Давно немые тела издавали неприятный запах, но есаулы не обращали на это внимания, увлеченно обсуждая будущий поход к туркменским землям.

Степан сидел в переднем углу, разливал чарки с водкой есаулам. Те с благодарностью принимали чарку, не закусывая, пили.

– Последний бочонок водки допиваем, ребята, – объявил Степан. – Боле нет, теперь только в Туркмении разживемся вином и снедью.

– А как быть с нашими животами и ясырем? Неужто за собой все потащим? – поинтересовался Иван Черноярец.

– Нет, Иван, возьмем с собой самое дорогое и нужное. Остальное Фрол Минаев со своими казаками на стругах отвезет на Свиной остров и тихо будет нас ждать.

Фрол соскочил с лавки, стал возражать:

– Я не хочу, атаман, от всех отставать, хочу попытать талан в туркменских землях. Отправь кого-нибудь другого!

– Ехать тебе, – твердо сказал Степан, не терпящий возражений. – То, что касемо дувана, на вас тоже делить будем, а ясыря с вами и своего будет много.

– Дык я... не ради дувана хочу в поход, а ради удали и любопытства.

– Ну если только ради этого, то еще много, Фрол, у нас походов впереди. А пока твое главное дело – сохранить всю добычу для казаков. Сейчас бери своих и грузи струги. Казначей Григорий поплывет с тобой, будет вести учет добра нашего.

– Когда вас ждать с похода? – поинтересовался Фрол.

– К лету жди, а весну будем гулять по Туркмении.

Царь Алексей Михайлович вел разговор с глазу на глаз с московским патриархом Иосифом. Седовласый старец сидел на лавке, обитой красным аксамитом, оперевшись на деревянный посох, искусно изукрашенный серебром и дорогими камнями. На худой, иссохшей руке патриарха переливался диамантовый камень в перстне. Старец молча слушал царя, плотно сжав тонкие губы. Несмотря на возраст, ясные живые глаза Иосифа то следили за движением рук государя, то вглядывались в узкие окна царской палаты. Казалось, патриарх не слушал царя, а думал о своем. Алексей Михайлович замолк, вопросительно взглянул на Иосафа: тот, не поднимая головы, продолжал молчать.

– Слушаешь ли ты меня, патриарх? – в тревоге спросил царь.

– Слушаю, слушаю, государь. И твое желание – предать анафеме вора Стеньку Разина – пока не исполнено.

Царь вопросительно поглядел на патриарха и хотел что-то сказать, но в палату, мягко ступая, вошел царский спальник, наклонился к уху Алексея и что-то зашептал. Затем подал в руки грамоту, громко доложил:

– Грамота из Посольского приказа.

– Кто привез? – спросил царь.

– Думный дьяк Иванов Никита.

– А почему не сам Юрий Алексеевич Долгорукий?

– Неведомо мне, – с поклоном ответил спальник.

– Позови сюда думного дьяка.

В палату вошел невысокий, плотный мужчина с русой в проседь бородой, поклонился почти до пола, сказав:

– Государь Всея Руси Алексей Михайлович, изволили ли вы видеть меня?

– Хотел, дьяк. Подойди ближе и ответь мне: что случилось с Юрием Алексеевичем?

– Юрий Алексеевич, князь наш светлый, занемог, и поэтому сегодня в приказе все дела веду я.

– Что за грамоту ты мне принес? – озабоченно спросил царь.

– Это, государь наш Алексей Михайлович, отписка астраханского воеводы Прозоровского Ивана Семеновича о деяниях вора Стеньки Разина в персидских пределах.

– Ох уж мне этот Прозоровский!.. Отписки писать горазд, да только дел в пользу государства нашего не видно. Уж думка у меня появилась: а не послать ли туда другого воеводу, порасторопней?

Царь вопросительно взглянул на патриарха. Тот, тряхнув длинными, иссиня-белыми волосами, пробасил:

– Заменять воеводу, государь, пока не гоже, а вот грамотку пусть думный дьяк прочтет.

Никита с поклоном взял у царя свиток, быстро развернул грамоту и, не торопясь, начал читать:

«Во 7177-м же году писали к великому государю из Астрахани боярин же и воеводы. Писал де к ним астраханец Иван Исаков, посланный с Ивашкой Мокеевым, для провожания святейшего Макария патриарха до Дербени. Слышал де он от кызылбаш, что воровские казаки Стенька Разин со товарищи многие шаховы городки и уезды и потешные его дворцы, которые близко моря, пограбили и сожгли, и Ферабат и Астрабат города вырубили и выжгли, и многих людей мужского и женского полу в полон поймали, и меж Гиляне и Ферабатом на острове сделали деревянный городок и землю осыпали.

А толмач Ивашка сказал – слышал де он от испаганцев и от иных иноземцев – воровские де казаки Стенька со товарищи живут в кызылбашской земле на острове, меж шаховых сел, Ферабат и Астрабат, в которых ево, шаховы потешные дворцы, в шаховом лесном заповеднике. И сделан де у них городок деревянный, а от берега сделан вал земляной. И перед прежним их многолюдно, а пополнялись де они людьми о кызылбашского полону. И приходили они на Решт и Баку город и в то время взяли кызылбашских людей в полон мужского и женского полу с 500 человек, и на тот полон выменивали русских людей, имели за каждого русского по 2, и по 3, и по 4 человека персов. Да и к ним же де пристали для воровства иноземцы, скудные многие люди. И кызылбашский же шах для поиску над воровскими казаками приказал сделать 500 стругов есаульных, а в заводе тех стругов у дела немчин цесарских земель, а как зовут того – не ведает».

Думный дьяк кончил читать, свернул свиток, затем поднял глаза на царя. Алексей Михайлович молчал, плотно сжав полные губы, было видно, что в душе у государя бушевала буря, он еле сдерживал себя.

Никита невольно подумал, глядя на царя и заметив, как тот изменился в лице: «Хорошо, что патриарх тут, а то не миновать бы мне беды».

Наконец лицо государя Всея Руси побагровело, он сжал ручки кресел так, что пальцы побелели.

– Что ни день – то беда, – негромко сказал Алексей Михайлович и уже спокойно заговорил с патриархом:

– Этот Разин все наши дела государственные с шахом Аббасом на нет сводит. Что делать – ума

не приложу. Выпустили воеводы вора в персидские пределы, а теперь его ищи-свищи!

– Надо, государь, его как-то вернуть на Дон, заставить уйти из Персии, – ответил Иосиф.

Царь задумался, потом заговорил:

– Вот ведь, каков казак этот Стенька! И моих воевод побил, и персов бьет, видно, способен вор к ратному делу. Но вредит мне в делах с Персией знатно.

– Надобно, государь, взять его хитростью. Написать грамоту астраханскому воеводе, что, мол, прощаешь Стеньке все его грехи, пусть он с миром идет на Дон.

Царь быстро встал с кресла, нервно заходил по палате, почти крича:

– Не бывать тому, патриарх, я воров должен наказать за дерзость!!!

– Наказать его еще успеется, а сейчас прости им вины, чтобы они успокоились, добра они, уж видно, немало награбили и будут искать пути в свои края. А воеводы пусть его пропустят, заберут у него пушки и зелье. А если не дать ему вернуться на Дон, он долго будет гулять по морю, да еще соберет немалую силу, тогда сам пройдет и натворит еще много бед.

– Это ты верно говоришь, патриарх! Мы так и сделаем! – и, обратившись к Никите, сказал: – Заготовишь, думный дьяк, грамоты в Астрахань воеводе Прозоровскому и другую грамоту атаману Степану Разину о прощении ему вин, если он вернется на Дон, распустит казаков и будет жить с миром в войске Донском.

Иванов Никита поклонился в пояс царю, тот махнул рукой, давая знак, что он может удалиться.

Юрий Алексеевич Долгорукий в самом деле занемог, но не так, чтобы лежать в постели.

Два дня назад после жаркой баньки князь выпил холодного хмельного меда, вот и перехватило немного у князя горло, и открылся кашель.

Сегодня после обеда Юрий Алексеевич занимался в Посольском приказе, а вернее, вел разговор с дьяком Лохматовым. Беседа касалась последней поездки дьяка в войско Донское. Долгорукий пытался выяснить положение на Дону и разузнать настроение казацкой верхушки в Черкасске.

– О чем думает Михаил Самаринин, куда он гнет и поддерживает ли вора Стеньку Разина? – с интересом спросил князь.

– Новый атаман, Юрий Алексеевич, вора не поддерживает. И вообще он, по-моему, рвется выслужиться перед нашим государем, хотя и не очень умен. Все это нам на руку, но всем по-прежнему верховодит Корнило Яковлев, домовитые казаки его слушаются.

– Выяснил ли ты, что на уме у Корнилы? Чего он хочет и куда думает направить казаков? – опять спросил князь.

– Узнать думы Корнилы, конечно, не удалось. Очень скрытен, хитер и умен старик. Но, кажется мне, выжидает. Произносил сладкие речи, надавал много посулов. О Стеньке говорит, что он вор и изменник, но бороться с ним у него нет сил: будто уже стар.

– Ох и врет атаман! – возмутился князь Долгорукий. – Ох и хитер старая лиса, не хочет против своего крестника идти. Ну а что ты узнал о связи с Корнилой и Стенькой Разиным дьяков Паньковского и Купчинского, ранее мной посланных в войско Донское?

– Попытался я, Юрий Алексеевич, узнать кое-что во время хмельного пира, который в честь моего приезда закатил Корнило. Да ничего не удалось. Атаман языком зря не трепал, хитро улыбался, а пьян он никогда не бывает.

Долгорукий погладил бороду, помолчал, затем заговорил снова:

– Вот только беда! Донес мне верный человек: дьяки эти, Купчинский и Паньковский, взяли от Корнилы не только посулы, но и золото, чтобы сообщать в войско Донское о делах государя нашего. Изменники были схвачены и пытаны. Сперва дьяки от всего отказывались. Но вскоре Паньковский пыток не выдержал и отдал богу душу, а Купчинский жив и не все еще сказал, хотя пытали его на дыбе.

Дьяк Лохматов от страха сжался в комок, глаза его блуждали, как у безумца. Он лихорадочно стал вспоминать, а не сотворил ли и он чего лишнего во время бражничества с казаками, пребывая в войске Донском. Знал, что о его делах на Дону уже известно Долгорукому.

Как бы угадав, что происходит в душе Лохматова, князь сказал:

– Ты, дьяк, не бойсь. Тебя никто не тронет и пытать не будет. Государево дело ты у казаков справил ладно. А говорю с тобой о деяниях Купчинского и Паньковского, потому что хочется мне узнать твои наблюдения и мысли: что видел ты на Дону, и могли ли мои дьяки поддаться измене?

Успокоившись и поборов страх, Лохматов несмело высказал свою точку зрения:

– Юрий Алексеевич, мне думается, напраслина все это на дьяков, будто они через войско Донское связаны были со Стенькой Разиным.

– Может, и напраслина, но ведь Купчинский на дыбе, когда ему поджарили пятки, признался, что они якобы встречались в Черкасске с людьми Разина. Может, так было, а может, под пытками сказал, – с сожалением заключил князь.

– Что-то, Юрий Алексеевич, меня сомнение берет о связи дьяков с Разиным. Знаю я доподлинно, что таких людей в Черкасске нет, а если и есть, то они подговаривают лишь голых казаков идти к Стеньке.

– Вот видишь, все-таки есть люди, что помогают Разину. А может, они и подкатились к нашим дьякам. Да что говорить, давай-ка спустимся в подвал нашего приказа в пытошную, к палачам, и поговорим с ним сами.

Долгорукий и Лохматов спустились в подвал. Дверь в пытошную была кована железом. Князь толкнул рукой тяжелую дверь, и она, скрипя ржавыми петлями, открылась. Посреди просторного помещения на дыбе висел человек, свесив голову на грудь. Он сильно оброс бородой, был худ, глаза ввалились, стонал в беспамятстве.

С большим трудом в этом измученном человеке Лохматов узнал бывшего дьяка посольского приказа Купчинского. Двое палачей возились в углу пытошной с углями, раздувая их докрасна. Завидев вошедших, палачи быстро оторвались от своих дел и почти до пола поклонились им. За небольшим столиком, в стороне, сидел писарь, ведавший записями показаний пытаных.

– Облейте его водой, – потребовал князь у палачей. – Пусть придет в себя.

Один из палачей торопливо схватил оловянный черпак, зачерпнул из бочки холодной воды и плеснул Купчинскому в лицо. Тот медленно открыл глаза, в горле его что-то заклокотало. Бывший дьяк еле прошептал:

– Пить...

– Дайте ему воды, – приказал Долгорукий, с любопытством разглядывая жертву. Палач поднес ковш к губам несчастного, тот с жадностью начал пить, торопясь и глотая большими глотками воду. Наконец, насытившись, Купчинский застонал и опять опустил голову на грудь, впав в бессознательное состояние.

– Говори, изменник, как ты сноился с вором Стенькой Разиным? – грозно спросил Долгорукий.

Купчинский что-то беззвучно заговорил, чуть заметно шевеля губами.

– Говори громче! – уже крикнул князь.

– Не виноват я... перед богом и государем нашим Алексеем Михайловичем... напраслину... клепите на меня, – чуть слышно заговорил бывший дьяк.

– И так каждый раз. То он не виновен, то виновен. Поднесите ему под пятки раскаленные угли, – обратился князь к палачам.

Те засуетились, поднесли под пятки дьяка горящие угли. Запахло жареным мясом. Бывший дьяк закричал нечеловеческим голосом, а потом зарычал от боли, как зверь, поджимая колени почти под самый подбородок.

– Говори, изменник! – настойчиво потребовал Долгорукий. – Сноился ли ты с людьми Стеньки Разина? Сколько получил от него золота?

– Сноился! Сноился! – кричал Купчинский. – Получил золота много!..

– Сколько? – настойчиво спросил князь.

– Не знаю! – уже заорал во всю глотку бывший дьяк, не в состоянии больше терпеть боль, от пытки он потерял сознание.

– Ладно, хватит на сегодня, – сказал князь и приказал палачам: – До моего указа – более его не трогать.

Разинцы отдыхали после удачного похода на туркменские поселения. Захватили они много ясыря, богатой одежды, золотые изделия, вино, ковры, кумыс. Но смело дрались богатые туркмены за свои кочевья и потом не отставали от разинцев, шли за ними, стремясь отбить свое добро, кружили вокруг их лагеря. И днем и ночью разинцы охраняли свое место стоянки, ожидая каждую минуту нападения.

Степан Разин, Серега Кривой, Иван Черноярец, Федор Сукнин и другие ближние казаки сидели на бугорке, рядом с шатром атамана. Сидели они кружком, отогревая на солнышке простуженные за зиму тела, и прямо из бурдюков пили резкий кумыс. Он туманил голову и в то же время, как лекарство, придавал силы. Этот напиток пришелся разинцам по душе, и пили его, кто сколько мог. Разинцы шутили, были рады теплomu весеннему солнцу, изумрудной зелени и первым ярким макам.

Леско Черкашин, опившись кумыса, блаженно растянулся на солнышке. Напевал себе под нос какую-то песенку. Увидев, как Ефим огромным ковшом пьет напиток, лениво бросил:

– Набирайся сил, Ефимка, чтоб покрепче быть, а то отощал ты совсем на Миян-Кале.

– Пошто напраслину баешь, есаул? Я и там силов не лишался.

– Лишался, – усмехаясь, сказал Леско.

– Не может этого быть, – завелся Ефим.

– Лишался, – твердо, с убеждением опять сказал Черкашин.

– Разве что маленько на сухарях и тухлой воде исхудал.

– Вот-вот, – подтвердил Леско, – то-то я и вижу, что до сих пор даже ни одной туркменки себе не завел.

Сидящие в кружке казаки захохотали.

– Тьфу ты! Всегда ты, Леско, с этими бабами ко мне лезешь. Недосуг мне ими заниматься.

– Смотрите, ребята, какой занятой! – давась от смеха, крикнул Еремка. – Хочешь, подарю тебе одну туркменку, – и подмигнул казакам.

– Тебе же сказано, что ему недосуг. Чего ты пристал к нему? – серьезно сказал Леско. – Видишь, казак занялся пробой туркменского питья, а когда все спробует, тогда и бабами займется.

Казаки опять покатались со смеху.

Ефим медленно поставил ковш и вдруг ухватил железной хваткой Леску за шиворот, поднял его – тот, беспомощно болтая ногами и руками, прохрипел:

– Отпусти, медведь, изломаешь!

Казаки еще больше развеселились. Даже Серега Кривой заулыбался.

Ефим аккуратно поставил на ноги ершистого есаула со словами:

– Ежели с такими боевыми есаулами управляюсь, то и с туркменкой тоже совладаю.

Леско схватился было за саблю, но раздумал, надвинул баранью шапку почти на глаза, опять прилег и обиженно притих.

– Леско, ты на меня не сердчай, – миролюбиво заговорил Ефим. – Пошутковал и я маленько.

Есаул, улыбаясь, ответил:

– А все-таки, Ефимка, силенку ты потерял... – и хотел еще что-то добавить, но в это время раздались выстрелы и крики. Казаки быстро поднялись и побежали к лошадям.

Кто-то кричал:

– Ребята, туркмены напали!

Разин вмиг вскочил на своего вороного жеребца, крикнул:

– Скачите к телегам, где барахло наше! Видно, туркмены хотят отбить свое добро!

Когда атаман и есаулы примчались на разгоряченных конях к обозу, там уже шла жаркая схватка. Туркменские всадники, а их было около двухсот человек, в мохнатых шапках, – лучшие воины тайши – на стройных скакунах уже теснили не готовых к бою казаков.

Мигом оценив обстановку, Степан распорядился:

– Ты, Фрол, со своими казаками быстро заходи им сзади, а ты, Серега, тесни их вон к тому крутому яру, – и атаман показал в сторону оврага, – я же и остальные ребята будем рубиться здесь, чтобы воины тайши не отбили наше барахло и не угнали скот с лошадьми.

Разинцы оправились от неожиданного нападения. От первой растерянности и неразберихи не осталось и следа. Есаулы и сотники быстро отдавали распоряжения, которые четко выполнялись.

Атаман на горячем жеребце влетел в гущу врагов и остервенело стал рубить саблей направо и налево, разя туркменских всадников. Рядом со Степаном дрались Федор Сукнин, Ефим, Еремка и, как только они замечали, что атаману приходится туго, помогали ему. Ожесточенная схватка продолжалась недолго, опытные в бою разинцы стали теснить врагов.

Тайша на красивом белом скакуне, окруженный телохранителями, красовался невдалеке от схватки, на возвышенном месте.

Завидев его, Серега Кривой крикнул:

– Казаки, айда со мной тайшу брать! – и повел более сотни разинцев, чтобы схватить знатного туркмена.

Заметив скачущих к нему людей, тайша выдернул кривую саблю, вздыбил коня, крикнул что-то телохранителям и помчался навстречу нападающих, увлекая за собой всадников.

Более двух десятков телохранителей опередили тайшу, тем самым не давая ему принять первый удар на себя. И вот сшиблись разинцы и воины тайши. Зазвенели сабли, заржали лошади, закипела ожесточенная схватка. Серега Кривой, как одержимый, стремился пробиться к знатному всаднику. Он уже разметал нескольких туркменских воинов, стараясь приблизиться к тайше и достать его саблей. Но телохранители теснились вокруг знатного туркмена, подставляя свои тела под острый клинок есаула. Охваченный яростью и невозможностью пробиться к цели, Кривой рычал, как зверь. Он ничего не видел вокруг, был зол, яростно крушил всех подряд, ломая и выбивая оружие у своих противников. И вот, есаул рубится уже один в гуще врагов, стремясь достать тайшу.

Заметив это, Разин крикнул:

– Ребята, выручайте Кривого!

Более десятка матерых казаков ринулись на помощь любимому есаулу.

Сообразив, что ему грозит опасность, тайша что-то крикнул одному из телохранителей. Тот выхватил из-за пояса пистолет, прицелился в Серегу.

Сабля есаула коснулась и зазвенела о саблю тайши. Удар, еще удар, и Серега занес свое страшное оружие над головой знатного туркмена... Но грянул выстрел. Сабля, готовая сразить тайшу, дрогнула, качнулась и выпала из сильных рук есаула. Кривой зашатался в седле, обхватил потную горячую шею своего коня и начал медленно сползать на землю, а затем упал навзничь, беспомощно раскинув руки.

Туркмены развернули своих лошадей и помчались в холмистую степь. Желтая пыль еще долго стояла в той стороне, куда они ускакали. Казаки не стали преследовать туркменских всадников, боясь засады.

Серега Кривой лежал на потоптанной траве среди красных маков. Один из цветков, не смятый в битве, склонил свою головку на седую шевелюру казака. Алая кровь медленно вытекала из страшной раны в груди есаула.

Степан подбежал к павшему товарищу, схватил убитого за голову, затряс его, крича:

– Серега! Серега!.. – но безжизненное тело казака не реагировало. Кривой его не слышал – он был мертв.

Разин сорвал с головы папаху, бросил ее оземь в досаде, закричал:

– Эх, не успели помочь! Лучшего атамана убили поганые!.. Крупные слезы текли по его щекам, и он их не вытирал, не стыдился.

Казаки окружили погибшего, молчали.

Степан упал на грудь своего товарища, его могучее тело сотрясилось в страшных рыданиях.

Подошел Ефим, принес сулейку с водой, тронул атамана за плечо. Разин поднял голову. Глядя на всех невидящим взором, молча взял сулейку и большими глотками стал пить, потом встал и, покачиваясь от горя, ушел в свой шатер. Казаки стали молча расходиться, смахивая набежавшие скупые слезы. Любили разинцы Кривого. Хоть и суров был казак, но справедлив. Мог последним поделиться с нуждающимся. А к врагам был непримирим, в бою – неистов.

* * *

Уплывали разинцы от туркменских земель отяжелевшие от добычи. Струги были доверху загружены добром, но не чувствовалось того веселья, как прежде, после удачного похода. Свободные от гребли либо отсыпались, либо, объединившись в группы, молчали или тихо разговаривали, поглядывая на атаманов струг.

Разин, как обычно в трудные минуты, уединился. Он сидел на носу своего струга, никого не допуская к себе.

Есаулы пытались было утешить Степана, подходя к нему под всякими предлогами, но атаман прогонял всех от себя, хватался за саблю.

Зная характер своего друга в такие минуты, Иван Черноярец запретил кому-либо подходить к нему, но велел Еремке отнести Разину вина и снеди побольше.

Атаман сидел, уронив кудрявую голову на руки, изредка прикладывался к кружке с водкой, но это не облегчало его душевной боли. Степан смотрел потухшими глазами на лазурное море: «Добрый казак был Серега! Не будет больше у меня такого есаула! Хоть и спорили мы меж собой часто, перечили друг другу, но к делу и к добру все это было».

Разин поднял голову, отыскал взглядом Ефима, крикнул:

– Иди сюда!

Казак не заставил себя ждать. Подошел к атаману, присел рядом на край лавки, заискивающе поглядел в глаза Степану.

– Спой-ка, браток, что-нибудь, – попросил Разин, протягивая свою кружку с водкой. Ефим медленно выпил, отер усы, расправив могучую грудь, запел:

*А и горе-гореваньище!
А в горе жить – не кручину быть.
Нагому ходить – не стыдиться,
А и денег нету – перед деньгами,
Появилась гривна – перед злыми дни.
Не бывать плешатому – кудрявому,
Не бывать гулящему – богатому,
Не отрастить дерева – вуховерхого,
Не откормить коня – сухопарого,
Не утешить дитя – без матери,
Не скроить атласу – без мастера!
А горе, горе-гореваньище!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя в темны леса,
А горе прежде всех зашло,
А горе зашло, впереди сидит,
А я от горя на царев кабак,
А горе встречается, уже пива тащит:
Как я наг-то стал, насмеялся...*

Разин обнял Ефима за плечи, сказал с горечью и тоской в голосе:

– Эх, жаль мне Серегу Кривого, видный казак был!

19

Разинцы основали новый лагерь недалеко от Баку, на Свином острове. Здесь казакам не надо было строить укрепления: кругом море, хороший обзор – не замеченным не подплывешь. Воды пресной вдоволь. Она лилась из множества ручейков и родничков. Снеди завезли – сколько душа желает. Казаки расположились табором под открытым небом, так как наступило лето и было тепло. Уже давно забылось зимнее житье на Миян-Кале, излечились простуды, отъелись заморенные голодом казаки.

Уже более десяти недель жили разинцы на острове. Решили плыть к Астрахани, а там пробиваться домой на Дон.

Степан Разин и Иван Чернырец сидели у входа в шатер атамана и обсуждали будущий поход к Астрахани.

- Как, Иван, все ли у нас готово к отплытию? – поинтересовался атаман.
- Почти все, Степан Тимофеич. Осталось лишь погрузить барахло да снедь с пресной водой.
- Скоро поплывем ближе к дому, – с улыбкой, мечтательно произнес Степан.
- Когда думаешь выступить в путь? – спросил Иван.
- Коли все у нас готово к выступлению, можно денька через два плыть.
- Не боишься, атаман, к Астрахани идти? А ну как воевода Прозоровский с боем нас встретит?

Степан на минуту задумался, но ответил откровенно:

– Боюсь, Иван, но не в этом дело. С ходу мы, конечно, не пойдём к Астрахани. Сперва разведём, поглядим, что там воеводы удумали, а тогда уж и подадимся к городу.

К разговаривающим, Разину и Черноярцу, спешно подошел Федор Сукнин и, показывая на море, сказал:

– Степан Тимофеич, зри-ка, чтой-то там, а?

Степан и Иван впились глазами в горизонт, где видны были чернеющие точки.

– Кто-то плывет, – сказал Черноярец и стал считать: – один, два... десять... пятьдесят лодок, – закончил он.

– Да это же персидские сандали с шаховыми солдатами на нас идут! – сказал Разин, вынул из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух.

Казацкий лагерь на мгновение притих. Разин крикнул во всю мощь своих легких:

– Казаки, к бою!

– К бою! – как эхо, повторили есаулы и сотники.

Казацкий стан пришел в движение, мгновенно поднялись дремавшие, смолкли шутники. Лагерь насторожился.

– Федор! – позвал Степан.

– Что, батько? – живо отозвался есаул.

– Бери несколько лодок и плыви навстречу персам. Разузнай доподлинно, что это за суда и куда они путь держат. Да поспешай!

– Мы мигом! – заверил Федор и побежал исполнять приказ Разина.

– Леско! – позвал атаман.

– Тут я, батько! – ответил Черкашин.

– Ты, есаул, готовь десяток лодок. Бери своих лихих казаков и, как только будут подходить сандали к острову, прикинься, что убегаешь. Да беги не шибко торопо, так, чтобы персы расплялись, что вот-вот догонят. Веди их вон к той косе, там есть мель. Пусть посидят на ней. А я тем временем с остальными казаками ударю сзади. Торопись, Леско! – уже на ходу крикнул Степан, спеша к лодкам, где казаки грузили в суда порох, ядра, шесты с крюками и ядрами, привязанными на цепь.

Когда все было готово для отражения персов, вернулся Федор Сукнин со своими казаками и сразу же почти бегом направился к атаману.

Увидев Сукнина, Разин сам пошел ему навстречу:

– Чьи это лодки?

– Это, батько, Менеды-хан на своих сандалях идет побить нас. Лодок у него около пятидесяти, а в них множество солдат – черкесы, кумыки и всякие наемные людишки. На лодках стоит немало пушек. Я доподлинно все разузнал, Степан Тимофеич. Кричали через толмача нам персы, мол, сдавайтесь без боя – сохраним вам жизнь.

Усмехнувшись, Разин сказал:

– Они сохранят?! Жди от них... – потом задумался, глядя в сторону приближающихся судов.

Лодки уже подплывали к острову с поднятыми знаменами под барабанный бой и звуки дудок.

– Ишь, как развеселились! – злобно бросил атаман, потом крикнул: – Леско!

– Тут я, батько! – отозвался есаул.

– Плыви и делай все, как мы уговорились! – скомандовал расторопный есаул уже готовым к делу казакам, и лодки одна за другой отчалили от острова, быстро поплыли в открытое море, делая вид, что убегают.

С персидских лодок заметили бегство казаков и тоже налегли на весла, ускорили ход.

Сперва струги Черкашина вырвались далеко вперед, а потом замедлили ход, закрутились на месте, показывая персам, будто бы у них что-то не ладится.

С сандали Менеды-хана заметили замешательство разинцев, которое еще больше воодушевило азарт погони у персидских солдат. Сам хан на палубе под барабанный бой поднял флаг на своей бусе, велел соединить лодки цепями, чтобы как сетью поймать казацкие струги.

Но вдруг струги Лески Черкашина развернулись и быстро поплыли к косе, где была мель, персы неотступно продолжали преследовать их.

Степан Разин, до поры до времени находившийся с остальными казаками в укрытии за высоким бугром, увидев, что пора и ему действовать, скомандовал:

– Казаки! Все по лодкам! Вперед на шаховых солдат! Дадим им понюхать казацкого пороха! – и первым вскочил в свой струг.

Разинские струги и небольшие лодчонки помчались в тыл персидского флота. Атаманов струг шел первым. Степан был на носу и подавал команды:

– Ребята, правь ближе к бусе Менеды-хана. Чуть левее! Еще! Теперь хватит!

Разин подошел к Ивану Красулину, который готовил пушку к выстрелу, стал наставлять:

– Иван, родной, не подведи! Целься в бусу хана, да бей так, чтобы в пороховой склад попасть.

– Постараюсь, батько, – успокоил Красулин, тщательно целясь, куда указал Разин.

Грохнул выстрел. Ядро точно попало в цель. Взметнулось пламя, полетели щепки от взрыва на ханском судне. Персы заметались по палубе, стали прыгать в воду. Ханская буса накренилась, начала тонуть и на цепях потянула за собой остальные персидские лодки, лишая их не только маневренности, но и возможности уйти от преследования разинских стругов.

Степан, выдернув саблю, крикнул:

– Ребята, берем ханские суда на abordаж!

Юркие казацкие лодчонки облепили персидские сандали. Одни казаки крючьями цеплялись за борта и лезли на палубу, другие шестами с привязанными ядрами на конце били ханских солдат, мешавших разинцам подняться на вражеские суда.

Вскоре уже на всех ханских лодках сражались казаки. Мало где персы оказывали ожесточенное сопротивление, большинство старалось спрыгнуть в воду, чтобы не попасть под острую казацкую саблю.

Менеды-хан успел перебраться со своего погибающего судна на соседнее и с двумя другими сандалями ушел в море.

Когда схватка была окончена, Степан присел отдохнуть. Довольный, улыбающийся, атаман рукавом отирал пот со лба. К нему подошел Иван Черноярцац и подвел двух молодых, богато одетых: перса и персиянку.

– А это еще кто? – спросил Разин.

– Толмач у них спрашивал, – ответил Иван, – говорят, будто сын и дочь Менеды-хана.

– Ишь ты?! – удивился атаман. – Чуть не всей семьей решил идти побивать казаков. Видно, думал, что победа будет легкой, – и впился глазами в красивую ханскую дочь.

Девушка действительно была хороша: лицом бела; губы, как яхонт; глаза, чуть раскосые, огромные, черные, глубокие и таинственные; станом тонка, стройна. На сына хана Степан даже не взглянул.

– Княжну свести ко мне в шатер, а этого под стражей держать, – распорядился атаман. И затем уже спросил у Черноярцаца:

– Много ли наших погибло?

– Не так много, но есть.

– Жалко ребят, но ничего не поделаешь, – с грустью сказал Степан, вновь вспоминая Серегу Кривого, и душевная рана, почти уже зажившая, снова зажгла сердце атамана.

– Что взяли на ханских лодках? – без особого интереса спросил Разин.

– Барахла у них там не было, только порох, пушки да кое-какое оружие.

– Порох и пищали забрать, пушки снять и установить на наших лодках, а ханские суда поджечь, – распорядился атаман.

И снова лихая победа шумно праздновалась разинцами на острове. На этот раз атаман не хмурился, не печалился, все видели его белозубую улыбку, весело искрящиеся глаза. Думали казаки: «Видно, отлегло на душе у Разина после гибели Сереги Кривого, перестал маяться сердешный».

И действительно, полегчало на сердце у Степана после битвы: то ли от близкого похода домой, то ли от победы, то ли всколыхнула сердце атамана молодая красивая княжна. Только было ему радостно, легко и хотелось праздника. Но широко праздновать он запретил. Это понимали все: надо быстрее уходить с острова; неровен час – приведет Менеды-хан еще большее войско, и тогда неизвестно, как закончится следующая битва.

Отплытие с острова Разин назначил на утро, велел сегодня же погрузить барахло, воду, съестное в лодки, а тогда и немного погулять.

После шумной гульбы с ближними есаулами Степан вернулся в свой шатер поздно ночью. Княжна лежала на мягких подушках и крепко спала. Атаман со свечой подошел к ее постели, устремив свой жадный взгляд на молодую персиянку. Ее красота чаровала и манила его, тянула к себе своей молодостью, свежестью. Полные, еще не тронутые мужской лаской губы чуть вздрагивали во сне, девичья грудь мерно поднималась и опускалась.

Атаман несколько раз в волнении тихонько прошелся по шатру. Затем скинул с себя кафтан, снял сапоги, разделся, прилег рядом с княжной. Девушка в испуге проснулась и села в постели, залепетала что-то на своем языке. Но Степан сильной рукой уложил ее обратно, стал гладить мягкие волосы своей широкой мозолистой ладонью. Девушка успокоилась. Степан притянул княжну к себе и страстно поцеловал в губы. Персиянка не сопротивлялась, только затрепетала всем телом, прижалась к Степану. Атаман попытался снять с нее платье, но вскоре запутался в богатых одеждах княжны.

Свеча замигала под дуновением ветерка, проникшего в щель откинутой полы шатра, и погасла. В непроглядной тьме были слышны только легкие вздохи княжны и треск разрываемых атаманом одежд. Потом княжна охнула, что-то заговорила на своем языке, наступила тишина.

Казачий лагерь отдыхал после битвы и праздника победы. Лишь изредка бредили во сне спящие, стонали раненые да перекликались дозорные. Завтра им предстоял новый поход. Поход домой – и в неизвестное.

20

Более десяти дней плыли под парусами казаки от Свиного острова до Астрахани.

Первым русский берег увидел Еремка и закричал что есть мочи:

– Ребята, земля! Земля!

Разинские струги вышли на учуг астраханского митрополита Иосифа – Басаргу.

– Будем ли заходить на Басаргу? – спросил Иван Черноярец Степана Разина.

– Казаки устали после большого пути, надобно отдохнуть, свежей водицы испить, съестные припасы пополнить, – ответил атаман.

– Ладно ли будет митрополитский учуг грабить? И вовсе осерчают на нас воеводы за великого богомольца. Тогда и подавно не дадут нам пройти коротким путем через Астрахань.

– Ну и черт с ними, не дадут – не надо! Идем на Куму, а оттуда на Дон, по дороге еще у черкесов лошадей угоним. Пусть ребята потешатся, тем более что митрополит – большой друг воеводы Прозоровского.

Казаки сходу взяли Басаргу, поволокли в свои лодки соленую рыбу, икру, прихватили неводы, топоры, железные и медные котлы, перетасили на струги весь хлебный запас, стали шарить по подвалам, выискивая вино и съестные припасы. Не успели дограбить учуг митрополита, как кто-то из казаков крикнул:

– Ребята, в море две бусы чьи-то плывут!

– Где?! – сразу же оживился Разин и всмотрелся в море. Действительно, недалеко от берега под персидским флагом плыли две лодки.

– Ребята, по стругам! – скомандовал атаман.

Разинцы быстро отвалили от берега, налегли на весла и поплыли наперерез персам.

На персидских судах, завидев погоню, прибавили ходу, но уйти так и не смогли. Вскоре эти лодки оказались в окружении. Казаки проворно влезли на палубы захваченных судов, схватили купца и его сына, поволокли на струг Разина.

Степан в это время находился на носу своей лодки, сидел на лавке, довольный новой добычей, улыбался, шутил с есаулами.

Персидских купцов поставили перед атаманом. Степан с минуту молчал, рассматривая пленников, затем спросил:

– Кто такие?

Леска Черкашин, доставивший персов, ответил:

– Это, Степан Тимофеич, гость Мухамед-Кулебек со своим сыном Сехамбетом. Говорят, будут плывут в Астрахань и везут дары от шаха Аббаса II нашему государю Алексею Михайловичу.

Купец закивал головой и заговорил по-русски:

– Не губи, атаман, не забирай товары, отпусти с миром, иначе снимет с меня голову шах.

– Что за дары они везут? – поинтересовался Степан, обращаясь к Леске.

– Много кое-какого добра, а вот кони у них, батько, хороши! Я еще таких никогда не видал.

Глаза у атамана загорелись, заиграли огоньками. Он встал с лавки, сказав:

– А ну, покажите!

Леско засунув два пальца в рот, резко свистнул в сторону купеческих лодок, затем крикнул:

– Еремка, покажь лошадей!

Расторопный казак проворно вывел из загородки одного коня. Разин так и впился глазами в жеребца. Конь был строен, тонконог, красиво выгибал шею, шелковистая белая грива была пышна и волнами спадала на грудь. Жеребец всхрапывал, скреб палубу копытом, косил глазами по сторонам.

Степан прищелкнул языком, воскликнул:

– Вот это конь! Действительно, царский! – и, обратясь вновь к Леске, спросил: – И второй такой же?

– Такой же, батько, только чуть посерее и в яблоках.

Разин опять сел на лавку и велел:

– Бусу одну у купцов забрать, барахло перегрузить в другую, где кони, а этого, – указал на сына купца, – взять в полон, пусть его отец в Астрахани на досуге подумает о выкупе.

Мухамед-Кулебек повалился в ноги Разину, запричитал:

– Не губи, не забирай хоть моего сына! – и полез целовать сапоги Разину. Степан резко встал с лавки, топнул ногой, крикнул:

– Цыц, басурман! Да уберите же его!

Купец от страха на карачках попятился назад. Два дюжих казака схватили перса и бросили в лодку, которая поплыла к бусе. На прощанье казаки крикнули:

– Скажи спасибо, купец, что в воду тебя не посадили. Радуйся, что так легко отделался!

Разин обратился к стоящему рядом Черноморцу:

– Давай сигнал, Иван!

Казаки не сразу поплыли к Астрахани, а обосновались на небольшом острове – на Четырех Буграх. Атаман выбрал удачное место. Через непроходимые камыши внезапно подойти к острову было трудно, а с высоких круч, насколько хватал глаз, просматривалось море. И самое главное – недалеко Астрахань, можно сноситься с городом, разузнать, что задумали воеводы.

После длительного похода по морю разинцы отдохали, но были настороже. Привел на Четыре Бугра Разин более тысячи человек, но, конечно, с такой силой противостоять войску воеводы Прозоровского не мог. Атаман имел возможность провести казаков на Дон и другими путями, но что-то удерживало Разина у великого торгового города, ему очень хотелось пройти именно через Астрахань: таков уж был человек Степан, такова была сущность его неукротимого характера.

Несколько раз поднимался он с Черноморцем на кручу, вглядываясь в сторону Астрахани. Томясь в ожидании, думал: «Неужто купец Мухамед-Кулебек все еще не сообщил о его приходе? Может, вернулся назад в Персию. Нет, этого не может быть, ведь его сын у меня».

Степану очень хотелось, чтобы воеводы в Астрахани побыстрее узнали о его приходе и начали действовать, а он уж тогда бы решил, что делать дальше.

Время тянулось томительно долго.

– А если Прозоровский пошлет стрельцов на лодках воевать против нас? Что будем делать? – с беспокойством спросил Черноморец.

– Что, что! – сердито передразнил Степан. – Уйдем, вот и все!

Черноморец обиженно замолчал, боясь снова рассердить своего друга неудачным вопросом. Только подумал про себя: «Дался ему этот город! Могли бы пройти и другим путем, сам же говорил. В голову атамана не влезешь, о чем думает – не узнаешь, чего добивается – не поймешь. Видно, задумал что-то. Потом скажет... Так всегда было».

Со стороны Астрахани бабахнуло несколько пушечных выстрелов. Разин повернулся в сторону города, сказал:

– Кажись, началось. Там о нас уже знают. Будем ждать гонцов от воеводы.

– Хорошо бы только гонцов, – пробурчал в ответ есаул, тревожно вглядываясь в сторону крепости.

От Астрахани к Четырем Буграм шла почти целая флотилия лодок со стрельцами. Суда под-

ходили все ближе и ближе к острову. В казацком стане все увидели надвигающуюся беду. Кто-то из казаков закричал:

– Ребята, спасайся! Астраханское войско идет к нам!

Началась паника. Она как вихрь подхватила видавших виды разинцев. Панике поддался даже сам атаман. Подчиняясь всеобщему смятению, он не помнил, как заскочил в чей-то чужой струг. Вмиг остров опустел. Казацкие лодки одна за другой отчаливали от Четырех Бугров, уходя в открытое море. На разинских стругах подналегли на весла, вскоре астраханские лодки отстали и остались далеко позади.

Очнулся Разин от панического бегства уже далеко в море. Ему было неудобно перед людьми. Он прятал глаза, боясь посмотреть на казаков. А в душе ругал себя самыми последними словами, понимая, что подчинился слепому страху, выпустил в трудную минуту бразды правления. Страх победил и захватил его тысячное войско. Да и было чего бояться... Не устоять им против Прозоровского. Хотел уже Разин приказать, не останавливаясь, плыть дальше, на Куму, как со стороны стрелецкой флотилии раздалось несколько пушечных выстрелов и одры из лодок направляясь к Разину. Тот перебрался на свой струг. Вскоре от прежней растерянности не осталось и следа. Атаман понял, что неспроста стрелецкий струг идет на переговоры. Наконец стрелецкая лодка стала борт о борт с разинским стругом, и с нее к казакам перебрался небольшого роста, подвижный человек, с реденькой бородкой – Никита Скрипицын. Его сейчас же подвели к атаману. Степан уже сидел в богатом расшитом кафтане, при дорогом оружии и властно поглядывал вокруг. Тот стоял перед атаманом, не зная, что ему делать: то ли поклониться, то ли без поклона справиться порученное воеводой Львовым дело. Но властный взгляд атамана так жег Никиту, что он невольно поклонился в пояс, сказав:

– Меня, Степан Тимофеевич, к тебе послал князь-воевода Львов и велел передать, что не биться мы пришли, а порешить дело миром. Сам государь Алексей Михайлович прощает тебя, твои вины и повелевает с миром пройти на Дон. У воеводы Семена Ивановича Львова в особом ларце царская грамота лежит.

Слушая посланца, Разин сообразил, что не зря Скрипицын речи такие ведет, видно, не все в порядке там у них на Руси, но послу ответил:

– Ладно, Никита, плыви к своему начальству и скажи ему, что немного погода сообщим о своем решении.

Разинцы снова вернулись на остров, собрали привольный говорливый круг, стали решать, что же им делать: идти ли на Астрахань или выбрать другой путь. После долгого спора, разговоров, криков и даже потасовок круг решил идти на Астрахань.

Князь-воевода Семен Иванович Львов ждал разинцев на берегу, сомневаясь, пойдут ли казаки на Астрахань или уйдут в море. Второе – хуже. Неизвестно тогда, сколько еще бед натворит этот умный и смелый атаман. Хоть и заступили астраханские струги обратный путь казакам, да что толку – все море не укараулишь. Захотят – все равно уйдут.

Многое уже слышал о Степане Разине воевода, но разбирало его любопытство, каков же из себя этот атаман, народный заступник, о котором знают по всей Руси, поют песни и слагают сказки. Говорят будто, может он в нужное время превратиться в рыбу или в птицу. Размышляя обо всем, князь увидел, что наконец-то казацкие лодки стали подходить к берегу.

Насчитав у казаков всего 22 струга, князь невольно подумал: всыпать бы этим разбойничкам. Жаль, Москва не велела трогать казаков, сам государь прислал грамоту, чтобы пропустить Разина с миром на Дон. Недосуг, видно, государю сейчас возиться с казачишками.

Воевода увидел атамана в окружении его ближних есаулов. Князь Львов так и впился глазами в Степана. Он был богато одет – в дорогом кафтане, шитом жемчугом. Оружие блестело драгоценной отделкой золота, серебра и алмазов. Разинские есаулы были одеты под стать своему атаману. Степан был лицом мужественен, смугл, волосы курчавы, взгляд темных глаз жег и смущал. Таким и представлял Разина воевода Львов.

Подойдя к князю, атаман кланяться не стал, только глаза заискрились веселым огоньком. Сказал серьезно, с достоинством:

– Здравствуй, князь-воевода Семен Иванович! Все наше войско бьет тебе челом, ждет от тебя милости и готово служить тебе!

– Здравствуй, здравствуй, атаман Степан Тимофеевич, – ответил воевода. – Долго ли плыли,

все ли здоровы? – спросил князь.

– Доплыли мы, воевода, хорошо, с попутным ветром, в войске все здоровы и хотят побыстрее пройти домой.

Князь-воевода сделал знак, и ему принесли послание. Он торжественно произнес:

– Прими, атаман, от нас милостивую государеву грамоту! – и Семен Иванович протянул Разину свиток, перевязанный дорогим шнурком. Атаман поцеловал его и передал ее Ивану Чернойрцу. Затем велел казакам поднести воеводе подарки: дорогую шубу, жемчуга, золотую и серебряную посуду, ткани и ковры.

Не богат был воевода, немногое нажил князь на службе у царя, а тут такое богатство поднесли казаки... Расчувствовался Львов, заблестели глаза его, подернувшись слезой, обнял он Степана, расцеловал по-русски крест-накрест, назвал братом своим и в знак родства подарил образок пресвятой богородицы.

Казаки и стрельцы на радостях кричали:

– Любо! Слава атаману! Слава князю-воеводе Семену Ивановичу Львову!

Разинские струги шли к Астрахани. Впереди плыл князь Львов на своих лодках, в середине казаки, а сзади лодки со стрельцами под командой Никиты Скрипицына.

Степан строго-настрого наказал казакам служилых не задирать, вести себя пристойно. Сидя в кругу ближних есаулов, пил вино, посмеивался, то и дело вытаскивал из-за пазухи царскую милостивую грамоту и под общий смех ругал ее нехорошими словами. Но потом, посерьезнев, вглядываясь в стены приближающегося великого города, в который он так хотел попасть не просто вором-изменником, а победителем, атаманом, народным защитником, сказал:

– Наконец, казаки, пришли мы в Россию! Но поход наш еще не окончен, поход наш еще только начинается!

Продолжение следует.

Николай ТОЛСТИКОВ

Родился в 1958 году, живет в Вологде (Россия). Окончил Литературный институт имени А.М.Горького, работал в газетах. Принял духовный сан, и более пятнадцати лет – священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Свои рассказы и повести публиковал в российских и зарубежных изданиях: еженедельниках «Литературная Россия» и «Наша Канада», журналах «Крещатик», «Новый берег», «Чайка», «Русский дом», «Наша улица», «Север», «Лад», «Вологодская литература», «Венский литератор», альманахе «Литрос». Автор книг прозы, вышедших в Вологде. Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008», лауреат международного конкурса, посвященного 200-летию Н.В.Гоголя, победитель конкурса имени Ю.Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США).

Брат во Христе

Повесть

Посвящается Н.Н.

1

Владыка Серафим готовился к уходу на «покой». Таков устав – архиерею после семидесяти пяти лет следовало подавать о том прошение. Оно, полежав где-то под сукном на столе, возымело ход, и теперь в Лавре готовили старому архиепископу преемника. Владыка, теребя дрожащими от волнения и немощи пальцами лист бумаги с патриаршим указом, увидел вдруг себя как бы со стороны. В просторном, залитом солнцем кабинете за письменным столом горбился в поношенном, ставшем большим для высохшей плоти подряснике старец с лысой, изляпанной коричневыми пятнами головой с седым пушком реденьких волос над ушами.

«Вот и жизнь прошла...»

– Владыка, вы просили напомнить... – из приемной заглянул секретарь. – Кандидат на духовный сан к вам для собеседования!

– Пригласите!

Ставленник был неказист, мал ростиком, топтался робко в большущих резиновых сапогах возле двери, и с них натекла на пол грязная лужица. Наконец он опомнился, где находится, и суетливо, чуть ли не вприпрыжку, подбежал под благословение поднявшегося из-за стола архиерея.

Узкое, в глубоких прорезях морщин лицо со скорбными складками от краев тонкогубого рта, небрежно подстриженная пегая борода, настороженный взгляд выпуклых водянистых глаз.

«Годиков тебе уже немало, батюшко! И прожил ты их непросто, нелегко, – решил владыка. – И не умствовал много, сразу видно по рукам-то...»

Кисти рук, увесистые, мохлятые, с грубой кожей в заусеницах с въевшейся грязью, ставленник пытался втянуть в короткие рукава невзрачного пиджачка.

«Подбирает же кандидатов «на сан» отец Павел! – усмехнулся владыка. – Хотя... Глаз у него, как рентген. Доверимся. Да и этот уже мой, последний, кого «рукополагать».

– Так и будем молчать? Представьтесь...

– Караулов... Руф, – задудел угрюмо гулким басом кандидат.

«Диакон добрый, однако, выйдет!» – решил было с удовлетворением владыка, но насторожился – фамилия знакомой показалась.

Он попросил кандидата рассказать о себе, только в скупом роняемые им слова вслушивался мало. Сквозь толстые линзы очков пристально всматривался в лицо ставленнику и пытался вспомнить, где видел похожее...

2

Руф Караулов дожил уж до седых волос, лета упорно поджимали под «полтинничек», а до сих пор он не знал – любила его мать или нет.

Запомнилось: в крохотной своей комнатке она ставила маленького Руфа перед стеной, сплошь

увешанной иконами, и сильно, до боли, нажимала цепкими пальцами на плечо, вынуждая сына плюхнуться на колени. Руф послушно шептал вслед за матерью непонятные слова молитв, путал, перевирал их, под косым материнским взглядом крестился и старательно прикладывался лбом к полу. Знал, что теперь будет отпущен гулять на улицу.

Мать пекла просфоры для единственного в городе храма. Ее, всегда ходившую в темной долгополой одежде и наглухо, по самые брови, укутанную в такой же темный платок, со строгим взглядом немигающих глаз и со скорбно поджатыми в ниточку губами, соседи по улочке именовали «попадшей» или «монашенкой». А Руфа, стало быть, все кому не лень обзывали «попенком».

Как он ненавидел свое прозвище и желал избавиться от него! Чтобы каждый слабак или девчонка не дразнились, Руф пытался липнуть к самым хулиганистым пацанам в школе. Те подбивали простодушного, бесхитростного Руфа вытворять разные пакости учителям, дурачиться на уроках, но выстроить из себя «крутого» у него все равно не получалось. Проклятая кликуха оставалась как приклеенная, а дома еще мать за шалости славно лупцевала сына вицей.

Руф, переваливаясь с двойки на тройку, героически дотянул восьмилетку, а дальше путь извештен – шапку в охапку и бегом в «пэтэуху»!

Азы профессии столяра и плотника он осваивал охотно; на другом краю города, среди незнакомой ребятни, и прозвище наконец от него отлипло. Разве еще кто из соседей по набережной улочке поминал, да и то изредка: был бы Руф гладкий и пузатый, с бородицей до пупа, а то он ростом не удался, в кости мелковат, сух – в чем только душа держится; глаза на узком длинном личике – навывкат, водянистые, мамкины.

В пору отрочества басина у него прорезался; мужики-наставники на практике в стройкомбинате хохотали – мол, всех девок и баб, паренек, этаким своим гласом распугаешь! И как в воду глядели: семейством впоследствии Руф так и не обзавелся, остался холостягой. Оббегал его слабый пол: ведь он забудется, недотепа, гаркнет во всю мощь, что воронье с гвалтом с деревьев сорвется, любая тут перепугается. Но душою-то он добрый... У учителей, на чьих уроках сглупу изгалялся, прощения готов просить и свою суровую мать на руках бы бережно носил, если б позволила. А коли не приветил его никто, развел тогда Руф в сарайке возле дома целую колонию кроликов, заботился о них и бывало ночевал среди этих ушастых и пушистых созданий. Что поделать, если плотничанье и столярное ремесло располагают иногда к закладыванию «за воротник».

Случалось в ненастье в сараюху вместе с Руфом затесывался компаньон, а то и не один. Через некоторое время вечернюю тишину встряхивал хорошо знакомый соседям бас, выводя слова какой-нибудь разудалой песни. Концерт продолжался до тех пор, пока в дверях сарайки не появлялась разъяренная мать Руфа, сжимая в руках суковатую палку. Основной удар принимал на себя Руф, пока гости невредимыми уносили ноги.

После «добавочной» утренней головомойки он, смятенный, превозмогая сушь во рту, пытался оправдываться перед матерью, припоминая чьи-то чужие слова: «Не мы такие, жизнь такая!»

А жизнь катилась и катилась... Не в гору и не под гору. В последнее время Руф все чаще заглядывал по утрам в комнату к матери и, стоя на пороге, вслед за нею шептал затверженные с детства слова молитв. Мать в такие дни смягчалась и сына, вкушавшего небогатый обед, не одаривала суровыми взглядами и не ворчала под скорый брякоток его ложки.

И в храм, что от дому неподалеку, возрождаемый из бывшего педуниверситетского склада, стал заходить. Тем более настоятель отец Павел, прослышав про Руфовы плотничьи навыки, столярничать пригласил.

Раз, поправляя в комнате матери грозящую вот-вот сорваться со стены полку со старинными книгами, Руф неуклюже уронил на пол тяжеленный том и между раскрытых его страниц заметил надорванный пожелтевший почтовый конверт. Листочек письма он не успел прочесть, разобрал лишь в конце подпись: «Еще раз простите! К сему муж ваш несчастный иерей Петр».

Мать выхватила письмо из рук сына, скомкала торопливо и на его недоуменный взгляд ответила нехотя, сурово поджимая губы:

- От отца твоего.
- Так он жив и... поп?
- Не ведаю, жив ли, давно было... Убежал неведомо куда монастырь искать, чтоб грехи свои замаливать.

Руф прежде не раз пытался расспросить у матери о своем отце, но она отмалчивалась. А сын знал:

не захочет – слова клещами не вытянешь. И отставал.

Он рассказал обо всем на исповеди отцу Павлу.

А тот, похоже, даже обрадовался:

– Так ты потомственный, Руф?! Буду готовить из тебя диакона. Мне помощник в храме очень нужен.

3

Когда будущий «ставленник» Руф Караулов неуклюже откланялся и ушел, владыка Серафим вспомнил все. Не зря фамилия кандидата заставила его напрячь память. От воспоминания больно кольнуло сердце. Серафим в ту давнюю пору еще только-только начинал служить священником...

Из алтаря отец Серафим, правя пасхальную заутреню, не видел, отчего в храме вспыхнул пожар. Это уж потом рассказывали, что у кого-то из прихожан, стоящих вплотную к подсвечникам, уставленным множеством зажженных свечей, загорелся рукав одежды.

Больше самого бедолаги испугался отец Петр, поблизости за аналоем принимавший исповедь у старушек. С воплем метнулся он в узкий проход в толпе заполонившего храм люда, наострив перед собой клюшку, заковылял, припадая на большую ногу, подбитым селезнем, расталкивая всех, к выходу.

В храм, помимо прихожан, набилось просто зевак, даже подвыпившая молодежка сумела просочиться сквозь оцепление из милиционеров и комсомольцев-активистов. Вслед поповскому истошному воплю все стиснутое толстыми стенами скопление людей встревоженно колыхнулось и схлынуло к притвору, к крутой, ведущей на улицу лестнице. Кто-то из задних не устоял на ногах, соскользнул со ступеней, и жалобный заячий вскрик сгинул в загроможденном топоте множества ног, перепуганном рокоте голосов. И опять кто-то задавленно вскрикнул в толпе, пытающейся в тесноте притвора вырваться на улицу, и еще загас чей-то предсмертный стон.

Владыка Гавриил показался в раскрытых «царских вратах», своим слабым голосом попытался докричаться до охваченного ужасом людского скопища, вразумить, успокоить паству, да куда там...

Он повернулся и тяжело упал перед Престолом на колени, согнулся в земном поклоне. Прежде гордый, даже надменный старец древней княжеской крови шептал горячо и торопливо: «Господи, помоги! Остуди неразумных!»

Диаконской дверью в алтарь по-хозяйски вошел местный уполномоченный по делам религий Аким Воронов. Во всеобщей суматохе и панике он, похоже, не растерялся только один. Сгреб в охапку бедолагу-старушонку, нечаянную виновницу пожара, содрал с нее тлеющую лопотину, бросил на пол, затоптал.

– Думаешь, боженька поможет? А, ваше сиятельство? Чего ж молчите?

Воронов с издевкою называл архиерея вместо «преосвященства» на светский манер «сиятельством», норовя лишний раз подоткнуть, что владыка был далеко не пролетарского происхождения, а из аристократической, недобитой революционными бурями семьи, сбежал с братом за границу. Тот и до сих пор там. Что братья за «бугром» поделывали – большой вопрос, но, когда товарищ Сталин ослабил нажим на «длинногривых», скромный монашек вернулся на родину и вскоре епископом стал.

Да тут Никита Сергеевич Хрущев твердо пообещал показать последнего попа по телевизору. И выперли епископа Гавриила из Ленинграда в далекий северный город. Забыл господин, где находится – не во Франции, а в советской стране, стал разные вредные проповеди о божественном за каждой службой произносить. В храм потянулись молодые оболтусы, и в одиночку, и ватагами. Интеллигенция всякая гнилая, крадучись, зачастила туда, поразвесила уши. Но здесь на то и есть он, Аким Воронов, мужик далеко не промах. В войну служил в «особом» отделе, с поднадзорными много церемониться не привык, не особо тороват был и к попам. Грузный, неуклюжий Аким расхаживал по алтарю по-хозяйски, людская суматоха в храме вроде б как его и не касалась, он подошел к отцу Серафиму и, обдав того тяжким табачным духом, приблизил почти вплотную свое лицо, скривленное в глумливой усмешке:

– Тебе, батько, ответ держать, как настоятелю... Коли какую божью овцу в толкотне задавили. Слышал я, как ты тут перед службой с начальником оцепления толковал на счет того, чтобы молодежку в церковь пропустили. Видишь, что приключилось?! Теперь хоть на коленках передо мной ползай, но регистрации я тебя лишу. Говорил я тебе: ты ж кандидат технических наук, светлая голова, и какого только праха в попы полез?! Не пацан зеленый, а почти профессор!

Жертвы были. В давке на лестнице затоптали насмерть старушонок – божьих одуванчиков; власти стали искать «крайних» и, ясно, что нашли. Владыку Гавриила насильно отправили «на покой», а отец Серафим, официально «почисленный за штат», фактически был вышвырнут властным пинком без всяких средств к существованию: говорили, что легко еще отделался...

Отец Петр подстерег его поздним вечером возле арки ворот в церковной ограде, выкурнул откуда-то из темноты в круг света под тусклым фонарем и заковылял навстречу, волоча за собой угловатую дрыгающуюся тень. Хотел было по-братски расцеловаться, но замер с раскинутыми руками на полпути:

– Ты прости меня, отче! Все твои беды из-за меня... Но не по своей я воле!

Отец Серафим на миг представил довольную ухмыляющуюся физиономию Акима Воронова и, не останавливаясь, прошел мимо отца Петра, буркнув под нос:

– Бог простит!

– Испугался я, пойми! Давно уж испугался! – нет, не кричал, а бормотал ему вслед, испуганно озираясь, отец Петр...

Приехав в этот город на архиерейскую кафедру много лет спустя, владыка Серафим поинтересовался судьбой отца Петра Караулова, но никто ничего толком о нем не знал. Пропал человек.

4

Ленка сидела у окна, закинув ногу на ногу, и курила. Сделав затяжку, она картинно вальяжно отводила в сторону руку с зажатой в пальцах длинной пахучей сигареткой. При этом движении полы Ленкиной легонькой, явно нарочно незастегнутой кофточки расхотелись, бесстыже оголяя упруго колыхающиеся груди с большими темными кружками сосков. Ленка опять подносила к своим губам сигарету и, усмехаясь, краешком глаза следила за смущенным Руфом, жмущемся испуганно в своем углу.

И откуда, из какого далека она взялась?!

Руф вроде б уж и не вспоминал о голенастой рыжей девчонке из соседнего дома. Там жил одиноко старый холостяк, школьный учитель, и каждое лето его навещала старшая сестра. Вместе с ней из далекого неведомого города приезжало и ее семейство – дочь, зять-капитан и внучка. Черноволосый капитан, затянутый в парадную форму, щеголевато прогуливался под ручку с толстушкой-женой по городским улочкам, выразительно по-хохлацки «гэкая». Служил папаша не ахти в каких знаменитых и привилегированных войсках, всего-навсего в автобате, но малолеток Руф о том не ведал, взирал завороченно на редкие медальки к разным юбилеям на офицерской груди.

Впереди четы выпрыгивала бойко рыженькая конопатая девчушка. Вот уж сорви-голова! Стоило ей приехать, и вся ребятня с улочки сбегалась к своей заводиле. Толокся тут и Руф на правах ближнего соседа: в игры играть его местная пацанва не больно привечала. Начнут смеяться над большущей, словно капустный кочан, его башкой, болтающейся на хилом тельце от плеча к плечу, над штопанной-перештопанной затрапезной одежкой – сам убежишь от позора из компании. При Ленке – нет хоть бы словечко ехидное кто сказал, Ленке в рот глядят самые что ни на есть Руфовы обидчики. Почему и как насмешливая и дерзкая девчонка прониклась жалостью к несурзному соседскому мальчишке – Бог весть; она ведь не только его от задир защищала. Видел бы кто из них, как Ленка втихаря выносила из дома для своего друга кусок булки с маслом или горсть конфет и угощала его в укромном месте. Руф поначалу, краснея и глотая голодные слюнки, мужественно отнекивался от подарков, но Ленка настаивала как всегда:

– Не ерпенься!.. Бери! Никто знать не будет...

Папа-офицер и мамуля поглядывали за тем, как неотступно таскается лопухий заморыш за их дочкой, посмеивались снисходительно:

– Кавалер...

Эх, беда, беда, когда и вправду пора этому подошла! На танцплощадке в городском саду пацаны вьюнами вились возле Ленки, по-городскому подчибриченной, своих местных подружек, начинавших в Ленкином присутствии застенчиво пышкаться, позабыли. Руфа, понятно, отпихнули в сторонку, да и на танцуляках-то он, несурзанный, когда пытался кривляться и дергаться, только хохот всеобщий вызывал. Но Руф на этот раз толчков и тычков не забоялся, от Ленки не отступался ни в какую, ни на шаг. Его вытащили без церемоний за шиворот крепкие высокие пацаны. Рассчитывали, видно, снабдить его добрым «пенделем» – и пускай несется с ревом восвояси. В другом случае Руф, может быть,

так бы и поступил, но тут-то кровное, почти родное, единственное хорошее в его жизни отбирали! И он со злобным рыком – баяшко знаменитый уже прорезался – расстегнул на себе солдатский ремень и начищенной звездастой бляхой с оттягом одного из обидчиков по заднице припечатал. Тот с воем – прочь, и все остальные от Руфа отстали. Малохольный, чего с него взять! Шпана!

Жаль, что вот Ленка, возле которой он теперь вполне заслуженно вертелся и дыхнуть на нее боялся, вскоре уехала. На прощание прижала к себе засмущавшегося Руфа, сочно и вполне умело поцеловала его прямо в губы. И больше не бывала в Городке...

Она присылала иногда письма, да из Руфа выходил плохой сочинитель ответов, с грамотешкой парень был не особо в ладах. Потом вся переписка заглохла. Однажды от Ленки все-таки опять пришло письмо. Руф как раз «дембельнулся» из доблестных войск стройбата, где все два года службы в северных лесах исправно обрубал сучки на поверженных в делянках деревьях. Ленка писала, что вышла замуж за одноклассника, лейтенанта, которого давно и преданно любила.

Руф напился с горя и выл, валяясь на крыльце, чем перепугал свою суровую мамашу. Может быть, впервые дрогнувшим голосом уговаривала она сыночка успокоиться...

– Ты надолго, Лена?

– Поживу пока, дом после дядюшки продам.

5

Владыка иногда выбирался на фортепианный концерт. В старинном зале консерватории на ложах с затейливой лепниной было немало укромных уголков, и знакомец-директор устраивал ему местечко, скрытое от любопытных, а порою и – насмешливо-иронических взоров. Время еще было такое, что церковь в стране вроде бы как и существовала, но везде старательно делался вид, что ее как бы не было и вовсе.

Ждали выступления заезжей знаменитости, по этому поводу вывесили яркую афишу, где в уголке все-таки скромным убористым шрифтом притулили парочку фамилий преподавателей консерватории.

Знаменитость, естественно, выступила на бис: румяный, улыбчивый толстяк в черном фраке долго и охотно раскланивался публике. Игру преподавателей и студентов слушали не так внимательно; вот уже за рояль сел и последний выступающий – высокий лысоватый человек в очках и с короткой бородкой-шотландкой. Ширпотребовский костюм сидел на нем мешком, вызвав у кое-кого из публики снисходительные улыбочки. На первых рядах в партере и вовсе сожалеюще заухмылялись, когда музыкант беспомощно подслеповато уткнулся в листы партитуры. Но вот он прикоснулся длинными пальцами к клавишам, и... весь зал потом стоя аплодировал, требовал еще и еще! Даже заезжая знаменитость вышла под занавес выступления и со слегка сконфуженным видом пожала неизвестному музыканту руку...

Память на лица у владыки была преотменная, но все-таки за вечерним богослужением в кафедральном соборе он с немалым трудом узнал в неприкаянно жмущейся в дальнем углу долговязой фигуре того музыканта-виртуоза. Без сомнения у человека что-то случилось, и владыка послал иподиакона пригласить его после службы к себе.

– У меня два горя воедино слились... – первые слова дались ему нелегко, с болью, но под внимательным сочувственно-добрым взглядом владыки он разговорился. Склонив набок голову с ранними залысинами, музыкант беспокойно перебирал в длинных тонких пальцах снятые очки; худощавое лицо его с набрякшими синими мешками под беспомощно близорукими глазами выглядело измученным. – В один месяц. Сначала отец... наложил на себя руки. Повесился. Всю войну прошел, политруком роты был. И потом на партийной работе долго. Атеист до мозга костей. Религия – пережиток прошлого, «опиум для народа». И меня так воспитывал: если уж довелось зайти в храм, то только как бездушному экскурсанту. И я не думал тогда, что бывает это и по-другому... Союз развалился, и отец мой сник, потерялся. Он же не как те «перевертыши», сегодня – коммунисты, завтра – капиталисты, лишь бы у «кормушки» быть, он идейный. Жаль, для Бога у него места в душе не нашлось, ни раньше, ни позже. Может быть, так бы он и не поступил...

А мой сын... Играли возле железной дороги школьники, под вагоном стоящего на путях поезда решили на другую сторону перешмыгнуть, а тут состав и тронулся. Все успели проскочить, только сына одного под него затащило. Он еще, в реанимации находясь, жил, мучился. Врачи разводили руками: спасения нет. Я в угол забился в каком-то беспомощии: куда бежать, что делать? И так до самого конца... А вот попросить помощи у Бога... – собеседник поднял на владыку заблестевшие гла-

за. – Даже в голову тогда не пришло. Правда, потом я взмолился, но поздно, поздно... Теперь всякий интерес к любимым делам да вообще к жизни потерян.

– К Богу придти никогда не поздно, – владыка, выслушав рассказ, помолчал и предложил: – Вы ведь не только музицируете, но и поете? Тенор? Не могли бы вы петь в церковном хоре на клиросе?..

«И вновь обрел человек себя. С Богом. И стал со временем нынешним отцом Павлом, настоятелем храма в городе. Теперь уж и он сам людей приводит Богу служить. Как вот того Руфа, сына Петра Караулова».

Владыку Серафима немного утомили воспоминания, он задремал в своем удобном глубоком кресле. В старческом чутком сне привиделись мать и отец... Отец был из обедневших дворян, карьеру делал споро, приспособляясь ко всему сам и особо ни на кого не надеясь. И пока не «грязнуло» в семнадцатом году, он успел дослужиться до чина статского советника. Мама родилась в семье известного петербургского фабриканта, и злые языки поговаривали, что денежки тестя помогали хоть и родовитому, но голоштанному зятю прыгать по служебной лесенке. Пусть и идеек либеральных он не чуждался и по воскресным дням его в церковь калачом не заманить.

Жена же по всему была у него истинно верующая. Красавица с печальными черными глазами, она старалась не пропустить ни воскресной или праздничной обедни, стояла возле алтаря, клала поклоны, неспешно крестясь и шепча молитвы. Ее неизменно обступала тройка притихших сыновей. Впрочем, старшие мальчишки вскоре перестали приходить на службы, оставался только младшенький Сима. Батюшка ввел его в алтарь, и Сима быстро наловчился помогать пономарю раздувать кадило, выносить на полиелеях свечи.

На него одного из прислуживающих в алтаре полдесятка мальчишек – поповичей и дьячат, во время своей последней службы возложил стихарь митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин.

– Не зря он выбрал тебя, не зря... – глядя по голове сына, шептала мать, укутанная в черный траурный платок. У Симы еще радость и ребячья гордость толком не улеглись, когда в семье узнали, что после скоропалительного процесса большевики умучили святителя. Сима, облачаясь перед службой в блестящий, расшитый крестиками стихарь, еще не осознавал происшедшего своим детским умишком – шел-то пареньку шестой годик.

В городе закрывали храмы, взрывали их или превращали в склады, бани, клубы, но мать по-прежнему, проезжая в трамвае, крестилась на оскверненные руины, и насмешки окружающих не пугали ее.

Зато отец... Он пытался бежать и дальше в ногу со временем, даже облик принял «аля-Ленин». В кепке, при галстук в крупный горошек, борода – клином, витийствовал он бывало на митингах и собраниях, благо из писарей пролетарии продвинули его в бухгалтеры. Но «попутчиком» своим, несмотря на все его потуги, не посчитали – отец загремел в тюрьму как заговорщик, и отпустили его оттуда больным и сломленным домой умирать.

Незадолго до кончины он попросил привести священника. Пожилой батюшка, принимая исповедь, не скоро вышел из его комнаты.

– Да, после такой силы покаяния, он большой христианин, чем мы с вами! – вздохнул, прощаясь, бывалый протоиерей...

У Серафима жизнь сложилась так, что сан священника он решил принять, когда ему было уже много за сорок. Не испугала и «черная» для церкви хрущевская пора. Инженер, кандидат технических наук: все вроде б в жизни есть. Не все поняли и приняли этот его шаг, многие оттолкнулись. А он знал: пришло время исполниться благословиению святителя-мученика...

В ответе ли сын за поступки отца? Опять на мгновение мелькнули перед глазами Карауловы: несчастный отец Петр, Руф. Надо рукополагать в сан диакона сына, не помяная старые обиды. Бог судья непутевому отцу. «Жатвы много, делателей мало...»

6

Руф Караулов считал себя все-таки приличным работягой, в праздничные дни выбривался чисто – бородку отпустил, когда в церковь ходить стал, облакаивался в незатасканную рубашу и штаны с надрюченными «стрелками». В будни-то ладно, можно и кое-как бродить, в рабочем: мастеровой мужик – невелик кулик.

Коля Шибаленок и в будни и в праздники вышагивал в одних и тех же замызганных, давным-давно потерявших первоначальный цвет и форму обносах с чужого плеча. Маленькие пороссячи

глазки на опухшей от постоянной опохмелки рожке с кустами щетины на щеках заплыли, превратились в хитрющие щелочки; под грузным коренастым телом – кривые ноги враскоряк: не сразу поймешь, что «поддал» ли хорошенько Шибаленок накануне или «прозрачен, аки стеклышко».

Коля труждался экспедитором-грузчиком в общепите, помимо кое-какой силенки обладал пронзительно визгливым голосом. Ошалев от его раздраженного тембра, а еще пуще – от выражений, разбегались бывало даже грузчики, а бабы-продавщицы боязливо-заискивающе обращались к Шибаленку по имени-отчеству.

Руф, он и до седых волос – Руфик, Руфка, а тут шаромыжника – и так уважительно!.. Обидно!

С начальством Коля был ласков и обходителен, подобострастен до неприличия, до распускания слюней, и еще одно обстоятельство присутствовало: Шибаленок мог запросто «настучать» на ближнего. За что Колю в изрядном подпитии не раз подкарауливали и метелили мужики.

Руф и Шибаленок жили на одной улице, правда, в разных концах, были ровесники, учились в одной школе. У обоих были неласковые суровые матери – Шибалиха голосиной обладала еще покруче сынка, не дай Бог какой ротозей забредал на территорию возле общепитовской конторы, где бабка орудовала метлой, и невзначай ронял окурочок. Шибалиха не только орала благим матом, но и норвила отхлестать нарушителя своим орудием труда. Часто попадало на орехи и подвыпившему сынку, мать на расправу не скупилась.

Коля и Руф, получалось, все время как-то нигде не «пересекались». Ни в мальчишеских потасовках, ни потом – за столиком в пивнухе или за одним стаканом на бревнышке под забором, ни тем более – в библиотеке, где Руф брал почитать исторические романы и книги «просто о жизни», а Коля, наверное, кроме букваря ни одной книжки больше не осилил.

Руф был удивлен, да куда там! – потрясен, когда увидел знаменитого матюкальщика стоявшим на воскресной службе в церкви. Шибаленок, скромно потупив глазки, топтался возле солеи, на самом виду, напротив «царских врат», оттеснив испуганно поглядывающих на него старушонок. Заметив Руфа, он дружелюбно подмигнул ему как старому приятелю.

С какого уж бока сумел Шибаленок подкатиться к настоятелю отцу Павлу – Бог весть... Для батюшки, говорят, всякий брат во Христе – свой.

Коля вваливался всегда шумно, заполняя настоятельскую каморку-келию смрадной вонью перегара, мочи, табачища. Растягивая в умильно-заискивающей улыбке помятую, с линялым «фингалом» под глазом рожу, бросался к отцу Павлу, хватал его руку и принимался смачно ее лобызать. Потом облапывал за плечи худощавую фигуру священника:

– Лучший друг ты мой, отец святой!

Руф, починивающий оконную раму, тоже удостоился дружеского кивка: привет, столяр!

– Тетку надо причастить, она уж там на последнем издохе, давно лежит, не встает, – затараторил Шибаленок. – В пригороде это, в Луках! Я там тебя, отец родной, в любое время с автобуса встречу и в нужное место проведу.

– Да, тут дело такое, отлагательства не терпит, – согласился отец Павел. – Давайте договоримся – где и когда?..

В сопровождающие батюшка взял Руфа, все-таки местный житель. С городом приезжий отец Павел был еще плохо знаком, а тут пригород, поселок. Руф там тоже никогда не бывал, но промолчал о том.

В тряском, дребезжащем всеми внутренностями автобусе-«сарая», видимо, только что выпущенном в рейс, пока добирались до места, отец Павел продрог в своем тонком осеннем пальтишке. На конечной остановке путники поспешно выскочили из замороженного салона – на улице показалось много теплее. Возле покосившегося, с исцарапанными всякими похабными надписями стенами, павильончика их никто не ждал.

– Может, задерживается где Коля? Сейчас прибежит? – с надеждой спросил отец Павел, озираясь по сторонам.

– Чего его ждать-то? Пойдем сами! – спустя какое-то время предложил Руф, глядя на съезженного вконец на пронизывающем до костей мартовском ветру батюшку. Аж стекла очков на носу у бедного изморозью покрылись.

И тут выяснилось, что ни названия улицы, ни номера дома, где ожидала болящая старушка, ни тот и ни другой не знают.

Руф махнул безнадежно рукой на длинную череду одинаковых, как близнецы, барачков-временок пристанционного поселка:

– Поехали, отец Павел, обратно! Где тут искать?!

– И все-таки давай попробуем... – стуча зубами, не согласился священник.

В ответ на расспросы, где обретается недвижимая богомольная бабулька, встречные прохожие, поглядывая с удивлением на двух бородачей, недоуменно пожимали плечами.

Поплутав вдоволь по всяким проулочкам, путники окончательно приуныли, и тут Руф хлопнул себя по лбу – вот уж верно: «хорошая мысль приходит опосля»!

Первая же небритая, красноносая, слегка пошатывающаяся личность изрекла:

– Шибаленок? Да он, вон, в пивнухе возле остановки гужбанит!

И точно. Едва заглянул Руф в питейное заведение – и за ближним к выходу столиком обнаружился притулившийся там Шибаленок. Он лениво, вроде б как нехотя, дотягивал из кружки оденок пива, дремал-не дремал, раскачиваясь на кривых ногах и с блаженством жмуря щелки глаз. Но стоило его соседу, тщедушному мужичку, от переизбытка питья заикать и устремиться на выход, как Коля, не кумекая долго, подвинул к себе его недопитую кружку и стремительно выглотал из нее пиво.

Руфу так и зазуделось подойти и треснуть хорошенько по этой мятой довольной харе! Шибаленок опередил: сначала по его лицу промелькнуло удивление, потом в более активно зашаварошившемся мозгу возникло воспоминание – и вот Коля, скорчив виновато покаянную мину, заторопился навстречу Руфу:

– Ой, с батюшкой меня простите! Давно вас жду! Забежал вот на минутку погреться...

Увидев на улице продрогшего отца Павла, Шибаленок и умильную слезу бы, наверно, пустил, кабы священник сурово не подгонил его:

– Веди!

– Это рядом! Вон там!

Коля вбежал на крылечко неказистого домика, не особо церемонясь, забарабанил кулаком в дверь. Вскоре дверное полотно заходило ходуном уже под его пинками, но по-прежнему никто не спешил открывать.

– Уф! – Шибаленок грязной ладонью вытер испарину со лба, оставляя на нем черные полоски. – Васька, гад, сын ейный, не иначе, на работу убежал. Нас, мудило, не дождался! А она, хозяйка-то, больше года с кровати не встает, – он подошел к окну с приоткрытой форточкой, постучал в стекло. – Бабуля, слышишь? Мы с батюшкой тут, не виноваты только, что к тебе не попасть...

И потупил свои плутоватые глазки под сердитым и уничтожающим взглядом отца Павла из-под стеклышек очков.

В дверном замке вдруг заскрежетал ключ. Дверь распахнулась; на пороге стояла, целясь за дверные косяки, иссохшая – одна тень! – старуха в исподнем. На застывшем, неподвижном, будто маска, испитом жестокой болезнью, землистого цвета лице ее жили одни только глаза, и было во взгляде их что-то уже далекое от мирской суеты, ведомое человеку лишь на последнем пределе. И еще вера была в них.

Мгновение – и бабулька упала на руки подоспевшему отцу Павлу; Руф с Шибаленком застыли, распялив рты. Старушку унесли в дом; отец Павел едва успел накинуть ей на голову край епитрахили, принимая от нее «глухую» исповедь, и причастить ее Святых Христовых Тайн, как старушка, просветлев ликом, отошла в мир иной.

– Видели? – спросил священник у своих растерянных и потрясенных спутников. – Вот как верить надо!..

7

Ленка привычно, гибкой кошкой запрыгнула за руль и со знакомыми требовательными нотками в голосе, как в далеком детстве, заторопила Руфа:

– Садись! Ну!

Тот с робостью потоптался возле ее, серебристого цвета, иномарки, наконец осторожно забрался в кабину и что есть силы захлопнул дверку.

– Не в трактор же залез! – недовольно сморщила носик Ленка. – Закрывай аккуратно, как холодильник!

– А у меня дома только погреб! – простодушно вылутился на Ленку Руф.

Она захохотала, стряхнула с темечка на нос очки с задымленными стеклами и поддала «газку» по ровной ленте асфальта. За городом по буеракам проселочной дороги иномарка поползла и запереваливалась как большая черепаха. Ленка берегла автомобиль, дальше бы и не поехала, кабы не

хотелось туда, куда собрались с Руфом сразу, не сговариваясь – на Лисьи горки.

Низенькие, поросшие редким сосняком горушки далеко за городской окраиной Руф с Ленкой, другие ребята в летнюю пору навещали часто, мчались сюда на велосипедах за земляникой, плескались в тихой мелководной речушке рядом. Во взрослой жизни Руф избегал бывать здесь: не хотелось ему тревожить давнее, глубоко спрятанное в душе.

Сейчас он, выбравшись из автомобиля, с каким-то даже изумлением оглядывал горушки или, вернее, то, что от них осталось. Там и сям безжалостно коверкали их безобразные ямы карьеров, валялись вывернутые с корнями засохшие сосенки.

– Колодчик-то цел, не знаешь? – легонько подтолкнула Руфа Ленка. Она, показалось ему, к бедлам вокруг отнеслась спокойно.

– Наверно... – промямлил все еще не пришедший толком в себя Руф и указал рукой на промятую в высокой траве в сторону от большака колею. Она, петляя, тянулась к кирпичному остову часовни на вершине холма.

– Я дорогу проверю! – Руф немного взбодрился и неуклюже, спотыкаясь, побежал по колее впереди автомобиля. Все такой же – на сухом коротконогом теле на длинной, по-мальчишески тонкой шее качается туда-сюда большой «шарабан» головы.

Ленка, наспех промокнув повлажневшие глаза, тихо тронула машину следом...

Колодчик уцелел, кто-то даже подновил его сруб. Возле ворот, обмотанного цепью, поблескивало ведро. Холоденка, поднятая из гулкой глубины, обжигала до ломоты в зубах. Ленка засмеялась, зачерпнула из ведра полные пригоршни и плеснула на испуганно отпрянувшего Руфа. Потом гибким кошачьим движением дотянулась до него и чмокнула в бородастую щеку, совсем уж ошеломив бедного.

Выпала вечерняя роса, более-менее сухого пригорка, где бы можно было примоститься посидеть, не нашлось, и Ленка с Руфом забрались обратно в автомобиль. Ленка приглушила поуркивающий какую-то бодренькую мелодию динамик, попеняла усмешливо Руфу:

– Все молчишь да молчишь! Да меня боишься... Рассказал бы, как живешь!

– Плотничаю вот при храме...

– Из тебя, как и раньше, слово хоть клещами тащи! – вздохнула Ленка. – Давай уж тогда я о себе... Ты помнишь, я все дизайнером мечтала стать? Высокой моды. Ну и стала... инженером-проектировщиком на фабрике обуви. Фасоны разные разрабатывать. Замуж вышла, помнишь, писала тебе? Считала, по любви. У меня будущий муж военное училище заканчивал, в доме жили – квартиры на одной площадке, отцы-сослуживцы, «военная кость». Другу моему диплом и распределение получать, а у нас уже дите наметилось. Возлюбленный мой было в сторонку вильнул, вроде б как ни при чем он, но батька у меня – хват еще тот, недаром хохол! Прямым к начальнику училища! И пришлось свадьбу справлять...

Ленка помолчала, вздохнула.

– Потом – гарнизоны, загранка. Из Германии в перестройку нас выкинули. Мой-то муженек, хоть и в майорских погонах, да с одной фуражкой в нашем городе оказался. Никому не нужен, ничего не умеет, только солдат гонять. Приткнулся куда-то охранником, и то уволили за что-то, полгода на работу без зарплаты ходил из принципа вроде как, судился. Да и спился совсем. Слабак... А я на обувную фабрику инженером по старой специальности устроилась. Надо ж сына поднимать, на кого надежда? Освоилась, а там подвернулась возможность выкупить производство за копейки. Теперь вот, кроме фабрики, еще и мастерская не одна у меня по городу. Все мое, пошло дело... А муженек так и под забором в одночасье помер. Не любила я его. Так, красивенький в молодости был. После него заводились мужички разные, и гольтеба-красавчики и ровня мне, да тоже ни один к сердцу не припал. Всех, как только надоедали, бросала... А поехали со мной! – вдруг, прижавшись к Руфу, горячо зашептала Ленка. – Будем вместе! Ты понимаешь, как везет тебе, дурачку? Из грязи прямо в князи!

Но Руф опять затравленной испуганной псиной сжался в кресле, знал бы, как открыть дверцу, наверняка бы выскочил из машины.

Ленка отодвинулась от Руфа, горько усмехнулась уголком рта: эх ты, тяпа, тяпа!

– Ладно, подумай, реши! Самой мне на шею мужинке вешаться не солидно. Прости...

Шибаленку порою, видимо, надоедало трястись от холода под грудой тряпья в своей нетопленной комнатке в коммуналке или ночевать после «возлияний» по городским кочегаркам. Он выдумывал

причину для заболевания и заползал в палату местной больнички понежиться на чистых простынях и пожрать, пусть и скудно, зато размеренно. Благо старые доктора еще полуголодной советской поры хорошо помнили Шибаленку как экспедитора продуктового склада, и благодарность их за прежние Колины благодеяния не улетучилась с приходом капитализма.

В конце зимы Шибаленок не стал дожидаться теплых дней, с загноившемся пальцем залег в больницу. Тут его и повстречал отец Павел, пришедший соборовать одного старичка. Дедуля где-то упал и сломал бедренную кость, лежал на койке с ногой – на вытяжку, впрямь как летчик-испытатель после катастрофы.

Коля, радостный, вышмыгнул из соседней палаты, с бодрым кликом полез лобызаться к батюшке, засуетился возле него, норовя ему подсобить: зажег свечку и тут же, шумно вздохнув, загасил ее.

Закончив таинство соборования, отец Павел, морщась от ядерного духа, исходящего от старичка, спросил Шибаленку:

– Ты истинно верующий?

– Да! – Шибаленок, состроив торжественно-скорбную мину, торопливо обмахнулся заскорузлой щепотью.

– А слышал, что вера без дел мертва есть? – с лукавинкой посмотрел на него отец Павел.

Коля в ответ промычал что-то невразумительное, развел руками.

– Вот тогда за дедушкой поухаживай! Видишь, старичок не прибран, ни родных, ни близких! Ну как? Благословить тебя на доброе дело?

Шибаленку ничего не оставалось, кроме как согласно кивнуть...

Обихаживать деда он взялся с круто подсоленным матерком, не особо кого из соседей или врачей стесняясь. Созывая всех чертей на голову бедолаги, вытаскивал из-под него судна и «утки». Приставив из столовки поднос со скудным обедом, пичкал им старичка, совал тому в беззубый рот ложку с кашей, а то и мимо ее просыпал.

Все как бы ни было, но дед споро пошел на поправку, а Шибаленок потом обосновался у выписавшегося из больницы старика на топчане возле жаркого бока печки. Дедуля пенсию получал и делился по-отечески с Колей харчами, выдавая иногда ему и на винишко.

Жаль только, что «лафа» скоро кончилась: у старичка родственнички объявились, и Шибаленка без церемоний выставили за двери.

Тут он и вовсе стал возле отца Павла виться...

Дела от Шибаленки мало, он больше горазд был трескать еду в три горла в трапезной и молотить языком. Отец Павел поначалу избегал его, даже прятался, да разве скроешься от Коли! Притулится он на приступок возле двери настоящей каморки-кабинета и будет, ожидая, часами сидеть-рассиживаться тут, задирая пробежавших мимо по всяким надобностям служек. Потом все-таки батюшка смирился, особенно после того, как Шибаленок опять оказался бесприютным, приноровился, занимаясь своими делами, слушать его болтовню и пропускать ее мимо ушей, наподобие трепа диктора из радиоприемника на стене. И ночевать оставлял Колю в своем кабинете на старом диванчике.

Что поделаешь, раз послал Господь такое чадо духовное, надо же его окормлять и наставлять!..

В начале лета на острове посреди Святого озера в окрестностях города собрались восстанавливать монастырь. До настоящих насельников-монахов было еще далеко; несколько трудников – бригада заезжих реставраторов по благословению архиерея пыталась обустроиться среди хаоса из груд битого кирпича, завалов гнилых балок и бревен, всякого мелкого хлама, оставленного рыбацкими артелями.

Островок напоминал гигантский валун, зашвырнутый Всевышним при сотворении мира точно в середину озера. Вздмалась одиноко колокольня без креста с одиноким же большим колоколом с подвязанным «языком». На озере день тих, да час лих: налетит буря, вздыбит волну на мелководной, доселе вроде бы и безобидной, «луже», и держись тогда и Богу молись, зазевавшийся рыболов, коли не успел до беды добраться до берега!

И вот из сумрака, сквозь запыленный вой ветра и водяной рев до слуха отчаявшихся людей доносится звон колокола. Рядом – остров! Спасены!

В седые времена здешний удельный князь тоже спасся от бури на острове, едва не пойдя ко дну в утлой лодье. Монастырек в честь того основал, и несколько веков тихая обитель обреталась тут, пока в «безбожную пятилетку», угодливо обезьянничая с негодяев, взорвавших в Москве храм Христа Спасителя, здесь тоже местные «активисты» не раскололи взрывом собор. От громадных кирпичных глыб попытались было отколупывать по кирпичику, найдя вроде бы и применение – для постройки

скотных дворов в колхозе на «материке», да куда там – ломы беспомощно отскакивали от старо-прежней кладки.

Звонницу тогда не тронули и один колокол на верхотуре оставили: пусть послужит вроде маяка в бурю – Бог-то запрещен, да кто знает...

Теперь, бродя по монастырским руинам, кто-то из молодых реставраторов предложил:

– Вот глыбы-то эти соборные поднять да и смонтировать бы на специальный клей!

– Придет время... – откликнулся ему руководитель группы пожилой мужчина, московский профессор родом из села на берегу озера. – Нам бы сейчас тут зацепиться, осмотреться, обустроиться. Трудников бы! Сколько работы черновой, сколько разгрести всего!

– Вам – первый! – отец Павел легонько подтолкнул к нему Шибаленку, таскавшегося по острову за батюшкой по пятам со значительно скорченной миной на роже.

– Я? – Коля смешался, глазки его беспокойно забегали, и, когда отец Павел и Руф стали садиться в лодку, чтобы плыть обратно на «материк», и он сунулся было следом.

– Благословляю! Оставайся, трудись! – священник размашисто перекрестил Колю из отчаливающей лодки. – Здесь ты нужнее!..

9

Если бы не епархиальный водитель, знавший город как свои пять, вряд ли бы владыка Серафим разыскал квартиру бывшего уполномоченного по делам религии старого знакомого Акима Воронова. По слухам, былой «гроза» епархии обрелся в угрюмом одиночестве, заброшенный родственниками, парализованный, своей истовой борьбой с «мракобесием» не выслуживший даже «персоналки».

Что подвинуло владыку встретиться с давним врагом, он, с трудом поднимаясь по истертым избитым ступеням лестницы на пятый этаж, так просто бы и сразу не ответил.

В указанную квартиру служба-иподиакон долго без толку звонил, пока не приоткрылась соседняя дверь и не высунулась старушонка. Подслеповато вглядываясь, владыку она узнала и склонилась под благословение.

– Вы к этому ироду? – спросила. – Плох, кончается... От родни все пенсию под подушку прятал. Как задремлет, те деньги стащат. И в квартиру худую к нам из хором его выпихали...

Старушка шелестела и шелестела языком, едва можно было разобрать слова. Щелкнула в замке ключом, отворила дверь.

– Я-то тут обихаживаю его, обдрищется когда. Живой человек все-таки...

Из нутра квартиры шибануло затхлым запахом старости, властвовало там запустение: толстый слой пыли лежал на всем, косо висела линияяя штора на окне, лишь вокруг кровати, громоздящейся посреди комнаты, натоптана светлая дорожка следов.

В обтянутом желтой кожей живом скелете на грязной постели трудно было узнать прежнего румяного крепыша Акима Воронова. Он тоже узнал ли владыку Серафима: большие черные угли глаз на усохшем до костей лице оставались неподвижны, безучастны. И все-таки что-то едва уловимое мелькнуло в них, а лицо перекосило судорогой то ли боли, то ли отчаяния.

– Не крещеный, видать, был, что такие лютости церкви вытворял. Язык-то бы не отнялся, так бы покаялся, может, отпущения грехов попросил. Страшно, поди, пред Господом-то предстать... – не умолкала старушка-богоделка. – Надо бы его вам окрестить. Или крещен он родителями-то в детстве, да только прочно запомнил о том?..

– Да, не ведали, что творили! – владыка размашисто перекрестил лежащего. – Прости им, Господи!..

На улице, на чистом воздухе стало легко, свежо. Владыка вздохнул: завтра последняя его на епархиальной кафедре божественная литургия, последний совершаемый им чин хиротонии. И последним, посвященным им в сан священнослужителя, будет Руф Караулов, сын того самого иерея Петра, «благодаря» которому немало горького когда-то пришлось хлебнуть...

Но ведь покаялся отец Петр, дождавшись тогда Серафима в глухой темной аллее за храмом. И куда пропал потом, никто до сих пор не ведает. То ли сгинул где на чужой стороне, то ли в иноки подался грехи замаливать.

Пусть теперь сын его Богу и людям послужит...

спине, то в голове, а то и еще где, норовил с видом страдальца повалиться и погреться подольше на солнышке, но пуще – нес без умолку всякую околесицу, пересыпая ее просоленными словечками и заставляя брезгливо морщиться профессора и криво ухмыляться молодых.

Потому оказался вскоре Коля в подручных у кашевара, одинокого бобыля из прибрежного села. Тот тоже на старости лет вернулся в родные края, с разницей только, что профессор почти всю жизнь прожил в Москве, а кашевар «кантовался у хозяина» на суровом Севере. Шибаленок с боязливым почтением косился на вытатуированные синие перстни на его пальцах, заглянув в ощерившийся фиксами «под золото» его рот, беспрекословно мчался рубить дрова или послушно заседал чистить картошку. Впрочем, кашевар больше что-то делать Колю и не заставлял. Сварганив обед, он уходил с удочками на дальний утес, Шибаленка от себя не отгонял и, сосредоточенно глядя на поплавки, хмыкал в ответ на все того побасенки.

И Коля рад-радешенек: это тебе не в кирпичных завалах неведомо зачем день-деньской ковыряться. Тут слушает тебя старый «блатырь» вроде б и с интересом и еще довольно подхохотывает. Вот только со взглядом его – исподлобья, черные зрачки глаз, точно сверла, до донышка душу достают – лучше не встречаться...

Однажды сверлышки эти бесцеремонно и больно впились Шибаленку в нутро, отчего затрусил беднягу бездомным щенком перед волкодавом. Брякал языком, как обычно, Коля да и похвалился: дескать, батюшке-то Павлу он – друг самолучший, что бы с ним ни приключись, тут же примчится отец Павел на выручку.

– К тебе, фраерку?! – усомнился кашевар. – Да нужен ты ему сто лет! Они, попы, до «бабла» жадны, а у тебя, как у латыша – хрен да душа!

«Сам хренов... атеист! – Шибаленок поднахватался в церкви новых для него слов, но вслух, конеч-но, ничего сказал и, когда в черных глазах кашевара растеклась ядовитая насмешка, вздохнул: – Погоди уже!..»

Что там Коля задумал, что с ним случилось, но на другой день кашевар пришел к палатке реставраторов встревоженный:

– Слышь, начальник! – обратился он к профессору. – Там у меня этот придурок, напарник мой, в натуре погибает!

Шибаленок и вправду лежал в лачуге на куче тряпья и, страдальчески кривя рожу, прижимал сложенные крестом руки к груди.

– Хватанул, наверно, втихаря какой-нибудь «барды» у старух... Утром мы с ним плавали в село за продуктами. Может, продрищется? – предположил кашевар.

– Да тут что-то серьезное... – склонился над жалобно постанывающим Колей профессор и попытался разобрать его шепот. – Что, что?! Отца Павла зовет! Тут фельдшера, пожалуй, надо!

– Нет! – еле слышно прошептал Шибаленок. – Отца Павла... Хочу исповедаться и причаститься.

– Так не поедет, поди, попина-то! Что с этого «чушка» возьмешь! И не по суху еще добираться. Вон, какой ветерок по озеру тянет! – засомневался кашевар.

– Что ж! Позвоним! – решил профессор, доставая мобильник...

Подплывающую почти в сумерках к острову лодку слышали по стуку мотора. Уже можно было различить на ее носу нахохлившегося в рыбацком плаще отца Павла и Руфа на корме. На мелководе малоопытный кормщик неосторожно подставил разгулявшейся волне борт, и посудина перевернулась.

Руф вынырнул, отплевываясь, махнул было на «саженках» к острову, но опомнился, закружился на месте, а потом и вовсе легко достал ногами дно – воды только по горло. Увидел неподалеку от себя черное осклизлое днище лодки и... все. На острове перестали орать и бестолково бегать по берегу, кто-то уже плыл навстречу.

Руф громко позвал отца Павла, хлебанул воды. Его, подхватив с двух сторон, ребята-реставраторы повлекли к берегу. Позади еще плескались, ныряли.

На берегу, трясась от холода и недавнего страха, Руф увидел наконец, что и отца Павла островитяне вынесли из воды, стали делать ему искусственное дыхание.

– Поздно! – кашевар, приложив ухо к груди священника, горестно поморщился. – Сердчишко, видать, у бати было ни к черту.

Своим тяжелым, волчьим взглядом он нашел Шибаленку, до того голосившего громче всех и по виду – совершенно здоровым бегающего по берегу. Тот съезжился, захныкал жалобно и, ослабнув в коленках, повалился на землю.

– Батюшка! Отец Павел, друг родной, как я без тебя буду-у?! – Колю прорвало, тело его сотрясали рыдания. – Кому нужен, куда пойду? – ревел Шибаленок в голос. – Прости меня глупого!..

11

Руф эти дни бродил в полном смятении. Несколько раз он останавливался у крылечка Ленкиного дома, но зайти так и не решился.

И однажды увидел выходящих из калитки каких-то незнакомых людей, следом – Ленку.

– Все, продала дядюшкин дом! Прощай теперь, город детства! – высокопарно произнесла Ленка, когда, распрощавшись с покупателями, подошла к Руфу. Но не обняла, не расцеловала его, без всякого стеснения, как при первой встрече, только взглянула на него пристально, оценивающе, и сразу отстраняясь:

– Куда ты запропал? Меня избегаешь? Зря! Уезжаю вот сегодня... – она кивнула на свою иномарку. – Хотела уж к вам домой забежать, записку тебе оставить, – она помолчала. – Извини, взять тебя с собой не могу! У сына проблемы... Завел безродную шлюжку-девчонку, ребенок будет. Я давно сына отговаривала: распутайся, брось, тебе не пара эта подзаборная дурочка. И на аборт бы ее сама за руку стащила, и «бабок» бы отстегнула. А он уперся, ни в какую! Избаловала я его, от армии «отмазала», ни в чем нужды не знал. Позвонил, что уже поздно его подружке аборт делать, в квартиру мою ее привел.

Ленка встряхнула реденькими крашеными кудряшками. Смотреть в глаза Руфу она избегала и в бородатую щеку ему ткнулась холодными губами торопливо, ровно принуждая себя. И вовсе буднично добавила:

– Пора! Время – деньги! Извиняй, если что не так!

Она села в иномарку, захлопнула перед носом Руфа дверцу и напрочь отгородилась – разные мы с тобой люди.

– А я и сам бы с тобой никуда не поехал, – промолвил наконец Руф. – И я ведь – не игрушка.

Ленка посмотрела на него с удивлением, даже растерянно, но тотчас овладела собой и скривила презрительную гримаску на своем, наспех и чересчур наруганном и от того еще больше постаревшем лице.

На перекрестке она притормозила и, высунув голову из окна, крикнула Руфу:

– Я тебе напишу!

Руф, проводив взглядом иномарку, уже отвернулся и смотрел в другую сторону – туда, где над крышами кирпичных и панельных «коробок» домов родного города тепло золотился в лучах солнца крест над храмом.

Пусть уж лучше останется та конопатая, рыженькая девчонка в безвозвратном далеком далеке...

Александр РЕДЬКОВ

Три свечи

Я родился в начале второго десятилетия двадцатого века в Восточной Галиции – в местности, которую обычно называют Прикарпатьем. В то время она входила в состав Австро-Венгерской империи.

Наше маленькое горное село Залокице лежало в долине, разделённое небольшой горной речкой. Люди, живущие здесь, говорили на смешанном диалекте польского, украинского и словацкого языков. Они называли себя «бойками», исповедуя в большинстве своём греко-католицизм. Но мои родственники не относились к ним.

В середине XIX века четыре семьи металлургов-сталеваров приехали в это село из небольшого городка Тешин, расположенного на самой границе современной Польши и Чехий¹, с целью наладить здесь сталелитейное производство, так как эта местность была богата горными рудами. Среди них были и мои предки. Однако из этой затеи ничего не получилось, но переселенцы остались жить в селе. Их дети пережились, среди них были и мои мать и отец. Так Прикарпатье стало моей Родиной.

Деду пришлось поменять профессию – он стал лесником. Лесником был и мой отец.

Первую мировую войну я не помню. Лишь отголоском прокатилась она по нашим местам. В 1914 году в Австро-Венгерской империи усилилось национально-освободительное движение. Юзеф Пилсудский начал формировать первые легионы из физкультурных команд. Эти люди надеялись, что стареющий император разрешит создавать в Австро-Венгрии сильные армии, состоящие из одних только поляков или украинцев. Это была глупая затея – ни один правитель мира не захочет иметь на своей земле чужую и сильную армию. Поэтому созданные украинские национальные части не имели никакого реального значения.

В самом начале войны одно из таких импровизированных подразделений попыталось остановить наступление русских войск. Это была самоубийственная операция – иххватило на несколько минут, после чего они были сметены лавиной наступающей армии. Это случилось на соседнем перевале, километрах в пяти от села. Русские пробыли у нас недолго. Как говорили потом наши односельчане: «Москали пришли и ушли». Они двинулись дальше, на город Борислав. Затем казаки подожгли все нефтепромыслы и отступили на старые позиции.

На жизни села это мало отразилось. Но мясорубка войны требовала всё больше сырья. наших мужчин начали забирать на фронт. Не миновал этой участи и мой отец. Он оказался на Австро-Итальянском фронте. Ходил в атаки, сидел под обстрелом в окопах, был ранен в ногу. Но ему повезло избежать «запаха горчицы» – он не попал под ипритные снаряды². После тяжёлого ранения его демобилизовали и отправили домой.

Наступил ноябрь 1918 года, и на сельской сходке было объявлено, что Австро-Венгрия, Германия и их союзники капитулировали перед странами Антанты. «Мировая война» (как её называли тогда) завершилась.

Оставшиеся в живых начали возвращаться домой, привозя диковинные для наших мест вещи. Среди таких «новшеств» в нашем селе, а возможно, и во всей Галиции, были самогонные аппараты. Их привезли те, кто вернулся из русского плена.

После капитуляции Германии и её союзников по всей Восточной Европе начался передел земель и территорий. Гремели гражданские войны. Возродилась Польша, образовались Чехословацкое и Венгерское государства.

В это время на нашей территории украинские националисты провозгласили Западно-Украинскую Народную республику³. Между легионерами Пилсудского и «сечевыми стрельцами» (так называли себя бойцы украинских формирований) начались вооружённые столкновения. Это продолжалось несколько месяцев. Легионеры Пилсудского смяли «сечевых стрельцов», и те начали отступать в направлении Киева. Там их остатки влились в армию А. И. Деникина, а после его разгрома – в состав Красной Армии. Наше же Прикарпатье стало частью Польской республики⁴.

Наступил мир. Люди возвращались к нормальной жизни. Но эта передышка была короткая. Уже летом 1920 года покати́лась очередная война – на этот раз Польско-Советская. Снова пошли на фронт наши мужчины... Но эта война не затянулась и закончилась осенью того же года. Похоронок пришло

мало, и про неё стали забывать.

Мой отец хотел, чтобы я получил образование – я был единственным сыном в семье, а сестёр у меня было трое. Сначала я ходил в сельскую школу, где не было ни книг, ни учебников. Как и все остальные ученики, я запоминал уроки на память. В своей же сумке (её у нас называли торбой) я таскал из дому пару поленьев – для протопки печей в классах в зимнее время. По окончании начальной школы отец отдал меня в гимназию, которая находилась за несколько километров от нашего села.

Промышленность в здешних местах была развита слабо. К этому времени был заложен первый нефтеперегонный завод. Главным богатством был лес. Жили в основном огородами и молочными продуктами. Мясо и колбасу ели лишь на Рождество и Пасху. Летом ходили босиком, хорошую обувь надевали только по воскресеньям и в праздники. Деньги крестьяне получали, продавая лес в городе. Нам было проще – отец был лесником и получал государственное жалование. Иногда он тоже продавал лес, чтобы оплатить мою учебу. По сравнению с другими мы считались вполне обеспеченным семейством. Многие сельчане жили тяжело, уезжали на заработки в более развитые страны, в основном во Францию или Германию. Некоторым, исповедующим католицизм, удавалось устроиться на нефтепромыслы (началась добыча карпатской нефти).

В наших горах таилось ещё одно богатство – лечебная минеральная вода «Нафтуса». Поначалу туда никто не хотел вкладывать деньги, а знаменитые курорты Трускавца и Сходниці были тогда мало кому известны.

Но время шло. Я вырос. В 1934 году меня призвали в армию. Для большинства сельских парней армия была единственным окном в большой мир. Здесь они могли увидеть другую жизнь, не сравнимую с простым и убогим деревенским бытом.

В то время в наших деревнях не было ни электричества, ни радио, ни автомобилей, а поезда ходили далеко за горами. Но у нас был водопровод: дом стоял у горы, откуда стекал ручей. От него установили деревянный желоб, по которому вода попадала в дом, где были и кран, и раковина, даже сток для грязной воды. В других деревенских домах этого не было. Жили скромно. Потому-то и рвалась на службу деревенская молодежь. А если повезет – то можно получить в армии профессию и остаться в городе. Я очень переживал, что меня могут не признать годным к службе, здоровье должно было быть отличным. Отбор был строгий, и его проходил один из десяти. И этот шанс на другую жизнь – оказался моим. Я попал в Горнострелковые войска, а так как я окончил гимназию, меня сразу направили в школу младших командиров Войска Польского.

Служить я очень хотел и старался, так как думал остаться на сверхсрочную службу. А если повезет – то и поступить в офицерское училище. После первых месяцев безупречной службы я получил первое поощрение – кратковременный отпуск. Мой шестой полк (Стрельцов Подхаланских) был расквартирован в городе Самбор, в сорока километрах от моего села. Накупив подарков родным, я приехал домой. Родители пригласили соседей. После долгой отлучки было столько тем для разговора! Среди гостей оказался сослуживец моего отца. Это был средних лет мужчина, немало повидавший в жизни. Мы поговорили про армию, он вспомнил свою службу на советско-польской войне 1920 года. Затем выпили ещё. И тут он неожиданно предложил мне посвататься к сестре его жены, сказав, что та недурна собой, работающая, но родом из небогатой семьи и приданого у неё нет. И что она будет мне очень благодарна.

Мысль о женитьбе запала мне в душу. Наутро я поговорил с родителями. Они согласились и послали сватов. Девушка мне очень понравилась. Договорились, что после демобилизации сыграем свадьбу. Ни о какой сверхсрочной службе теперь не могло быть и речи. Я вернулся в часть. Но уже через неделю затосковал по своей невесте.

Я обратился к начальнику подофицерской школы – офицеру в возрасте, но ещё крепкому и не старому. Он много пережил на своём солдатском веку. Выслушав и по-отечески поняв, он ходатайствовал о том, чтобы мне выдали жалование за несколько месяцев вперед и разрешили жениться. Теперь я считал дни об окончании службы. Сразу по демобилизации у меня родился первый ребенок – дочь. Отец устроил меня лесником. Но делиться со мной лесом и землей он не стал. Земли у нас было не так много: 11 га леса и 4 га пахотной земли. Сказал: «Поживешь со своей семьёй, а там посмотрим». Нам пришлось переехать в дом к тётке моей жены. У них была добротная хата, построенная лет тридцать назад. Единственный их сын погиб, как тогда говорили, на «Великой войне». Нас они приняли с радостью. Помогали растить детей: через год у нас родился сын. В семье всё было хорошо, дети росли здоровыми, но денег постоянно не хватало.

После долгих размышлений я снова написал заявление о поступлении на сверхсрочную службу в Войско Польское. Шел 1938 год. В мире становилось тревожно. Германия все откровенней претендовала на роль великой мировой державы и требовала пересмотра Версальского мира и восстановления Германии в границах 1914 года. Польша тоже желала вернуть то могущество и размеры, какими когда-то обладала Речь Посполитая. Польша, Германия и хортистская Венгрия предъявили территориальные претензии к Чехословакии. Германия – претендовала на Судеты, Венгрия – на Закарпатье, а Польша – на чехословацкий город Тешин – родной город моих предков-металлургов⁵.

Я не принимал участия в разделе Чехословакии... Наше правительство хотело придать вводу Войска Польского в Тешин большую помпезность и внушительность. Были приглашены журналисты – как наши, так и зарубежные. Кинооператоры снимали, как наш танк утюжил чехословацкие проволочные заграждения. Это был наш танк – сконструированный, построенный и собранный поляками, в нашей новой Польше, на польских заводах. Его называли 7-ТР (семитонный танк польский, но его реальный вес достигал девяти с лишним тонн). Ни той, ни другой стороной не было сделано ни единого выстрела – чехословацкие войска покинули укрепления, не дожидаясь прихода польской армии⁶. Кто думал тогда, чем обернется для нашей страны захват этого города. Но дело было сделано, и Тешин стал «мясом польским». Страна праздновала победу. Но незадолго до этих событий наше правительство предъявило ультиматум Литве. Та в свою очередь попросила помощи в Лиге Нации, и после её энергичного вмешательства наше правительство отозвало свои требования⁷...

В марте 1939 года жертвой Германии стала литовская Клайпеда (по-немецки Мемель). Фюрер сказал: «Это наш город». Литовцы не посмели возражать, и снова Гитлер добился своего без боя. Маленькие страны Европы всё больше боялись стремительно растущей германской армии.

Следующим же объектом территориальных притязаний третьего рейха стала моя родина – Польша. Ещё весной 1939 года Германия предъявила ультиматум польскому правительству. Гитлер требовал совершенно неприемлемых для любой страны уступок. Наше правительство ответило отказом. Польша заручилась поддержкой Англии и Франции, обязанных теперь в случае нападения Германии вступить в войну на стороне Польши...

Но в нашем селе не знали об этом. Газеты сюда приходили редко, а радио и вовсе не было. В то лето у нас родился третий ребенок. Ему было около двух недель, когда ночью раздался стук в дверь. На пороге стояли сельский полицейский и вуйт⁸. Мне вручили повестку. Я был обязан прибыть на армейский сборный пункт на следующий день. Официально мобилизация ещё не была объявлена, но уже велась тайно. С начала лета молодые люди потихоньку исчезали из села. Говорили, что они выехали на заработки, но это была не правда. Они уже находились в казармах и не могли подать оттуда вестей⁹.

Утром я попрощался с женой и детьми, не ведая, что ухожу от них навсегда. Я надеялся, что на этот раз останусь в армии надолго. Мне не хотелось больше работать лесником. О близкой войне с немцами мы и не думали¹⁰. Никто тогда не мог представить, что наше государство рухнет так стремительно. Мы, польские солдаты, верили в нашу страну и считали, что польская армия самая сильная, а кавалерия – лучшая в мире¹¹...

Я прибыл в те же казармы, что и в 1934 году. Наш шестой полк Стрельцов Подхаланских включили в 22-ю горнострелковую дивизию, погрузили в железнодорожные эшелоны и передислоцировали в район западнее Кракова. Здесь, в лесу мы и встретили тот самый первый рассвет Второй мировой войны.

Нам повезло – мы не были в первой линии обороны. День первого сентября был для нас таким же мирным и солнечным, как предыдущий. Вдалеке мы слышали какой-то грохот, но не предавали тому значения. «Это гроза», – думали мы. Днем полк был построен на лесной поляне. Командир зачитал обращение польского правительства к народу. Так война началась и для нас. Четвертого сентября полк получил приказ построиться в походный порядок. Вместе со всей дивизией мы двинулись в путь, но только не на запад, а на восток. Таков был приказ командования. Где-то в середине дня мы впервые увидели фашистские самолёты. Это были монопланы – самолёты лишь с одной парой крыльев. Подобно коршунам, они в пикировании падали с высоты, ревя включёнными сиренами. На выходе из пике бросали бомбы и снова взмывали вверх... За лесом мы не видели того, что творили они на земле. Только грохот рвущихся бомб и густые клубы чёрного дыма.

Потом мы узнали, что они бомбили артиллерийский полк. После этой трагедии был отдан приказ двигаться только ночью. Ранним утром восьмого сентября наш полк после ночного марша готовился к привалу. Было туманно. И тут над нами очень низко пролетело несколько самолётов с белыми крестами –

это фашисты возвращались с бомбардировки Варшавы, и они не обратили на нас внимания. Но за ними, ещё ниже летели какие-то другие машины. Их было с десяток. И многие из нас без команды начали стрелять по этим самолётам, вкладывая в этот огонь всю ярость и боль нашего отступления и позора. Фронт трещал, а мы шли от него, и беженцы с презрением смотрели на нас. Мы все ещё не сделали ни единого выстрела по врагу, и вот... Вспыхнул и загорелся один, другой... Лица моих однополчан светились радостью. Многие плакали. Нам казалось, что наконец-то и мы что-то сделали для победы.

Позже историки напишут, что польская пехота часто открывала огонь по своим самолётам. Но это будет потом. А тогда мы не знали, что это были наши¹²...

По приказу мы продолжали отходить в составе армии «Краков», прикрывая её северный фланг. И тут командир дивизии принял решение самостоятельно, не согласовав с командованием армии. Суть его была в следующем: 22-я дивизия должна была атаковать небольшое немецкое танковое подразделение в городке Буско, и дальше¹³... Неизвестно что. Никаких дальнейших планов.

Мы отступали. Снабжение прекратилось, и ели то, что доставали сами: где накопаем картошки, где накормят крестьяне, где удастся отрезать кусок от убитой коровы или лошади. В ночь на девятое сентября командир роты приказал нам с рассветом сдать шинели и ранцы на ротные обозные телеги. Утром же объявили о предстоящей атаке. Ещё через полчаса наша артиллерия начала артподготовку. Артиллеристы стреляли бегло, торопливо и яростно. Разведка почти не велась, и я не думаю, что огонь был губителен для врага.

После артподготовки командир нашей роты отдал приказ. Мы пошли. Впереди нас была небольшая высота – холм. Мы не бежали – всё-таки мы были горными стрелками, а не пехотой. Рота быстрым шагом поднялась на вершину холма. И тут впервые за вторую неделю войны я близко увидел врага... Это была мотоколонна нацистов. Она шла неспешно, без боевого охранения. Нам повезло – танков в ней не было.

Перебежками мы быстро спустились вниз. Метров за сто пятьдесят рота залегла и открыла огонь. Единственное в полку противотанковое ружьё было в руках моего друга Блажея¹⁴. Это был здоровенный двухметровый парень, бывший до войны лесорубом. Он плохо представлял возможности своего оружия. Выстрелил в головной немецкий грузовик и попал в мотор. Машина встала. Одновременно вспыхнул под огнем наших пулеметчиков и замыкающий колонну грузовик. В ещё один грузовик попала мина, выпущенная из нашего миномёта. Взрыв был очень сильным – похоже, в грузовике находились боеприпасы. Среди немцев началась паника, и командир поднял нас в штыковую атаку. Я увидел наконец врага в лицо. Это был здоровый немец, с закатанными по локоть рукавами. В его руках тоже была винтовка. Я не стал колоть штыком, просто нажал на спуск карабина. Тот дернулся назад и осел на землю. А я побежал к середине колонны. Следующий фашист попытался сделать выпад штыком в мою сторону. Но я вырос в горах. В молодости участвовал во многих сельских потасовках. Дрались – село на село, улица на улицу. Были кулачные бои, но случалось драться и колющими. Я легко отбил его штыковой выпад прикладом своего карабина и снова нажал на спуск. Больше я ничего не успел сделать в том бою... Всё продолжалось минут десять.

Ощущался сильный запах гари: пылали машины, пахло горелым мясом, жженой резиной. Раздавались стоны. Наши солдаты собирали немецких пленных, бегали санитары – вперемешку и наши и немецкие. Мы не трогали их, хотя они помогали только немцам. Наши же санитары – не делали разницы между изувеченными и умирающими людьми. Пленные курили, кружком сидя на земле, и у нас не было злобы к ним. Мы были великодушны в минуты этой нашей первой победы, пришедшей к нам на девятый день войны.

Отдышавшись и перекурив, мы двинулись дальше. Войдя освободителями в маленький городок, удивились: нас никто не встречал и не приветствовал. Жители прятались в подвалах и не выходили на улицу. Рота остановилась в центре городка – на рыночной площади. К нам подошли ксендз и бурмистр и попросили поскорее покинуть город, показывая в небо, где кружил немецкий самолёт-разведчик. Они боялись, что, заметив польские войска в городе, он вызовет бомбардировщиков, которые разбомбят нас вместе с их городком.

Ротный приказал нам отойти в городской парк, под деревья. Через парк текла небольшая безымянная речка, через которую был переброшен широкий и прочный каменный мост. На другом берегу густо росли молодые ели. Тут мы и расположились на отдых, ожидая нового распоряжения. К нам подошли местные ополченцы. У них были охотничьи ружья, а на поясах висели бутылки с какой-то жидкостью. Горлышки были обмотаны тряпками, к которым были привязаны спички и чирканы.

Наши солдаты шутили, говоря, что «сейчас мы попьём самогонки», но они сказали, что в бутылках бензин, а для чего – скоро увидим¹⁵. Это было весьма кстати, так как у нас совсем не было противотанковых гранат. А те, что были, годились только против пехоты. У единственного нашего противотанкового ружья было мало патронов.

Мои товарищи беспечно раскинулись на траве, наслаждаясь последними тёплыми осенними днями. Мы и не думали, что немцы так скоро контратакуют нас.

...Сидя на пригорке, я вдруг увидел, как песок рядом со мной запрыгал маленькими фонтанчиками. По нам стреляли. Я быстро упал на живот и откатился в сторону, достал саперную лопатку, сделал небольшой бруствер и открыл огонь. То же сделали мои однополчане. Наш винтовочный огонь усиливался. Но толку от этого было немного – немцы вели огонь из еловых зарослей на другом берегу, и мы не видели их и стреляли наугад. Зато хорошо слышали свист пуль и нарастающий рев танковых моторов. Через несколько минут на мосту показался танк. Настоящий средний немецкий танк типа Т-3, а не танкетка, каких мы много видели на ученьях. Пушка его выстрелила, но снаряд пролетел над нами. Наши же пули свинцовым горохом сыпались с немецкого танка, не причиняя вреда. Он без помех проехал через мост, но тут произошло чудо. Ополченец из числа присоединившихся к нам бросил свою бутылку с бензином в танк и попал в моторный отсек. Танк загорелся, закрутился на месте и перекрыл дорогу через мост. Из горящего танка выскочили немцы и с воплями покатались по земле, пытаясь сбить пламя с горящих комбинезонов. Мы не стреляли по ним, добивая раненых. Мы были солдатами, а не убийцами. Эти трое танкистов потушили друг друга и, перейдя речку в брод, убежали в ельник. Другие танки не торопились, но теперь в атаку двинулась пехота. Солдаты, стреляя, перешли реку и были уже так близко, что я начал бросать ручные гранаты. После взрыва второй увидел в нескольких метрах от себя убитого немца. Большие медные гвозди на его сапогах блестели золотом в последних лучах уставшего солнца.

Атака захлебнулась. Немцы отошли на свой берег, а наш командир, воспользовавшись передышкой, отдал приказ об отходе. Пройдя несколько километров лесом, мы остановились на привал. К нам присоединился штаб нашего полка во главе с командиром. Здесь ротный сделал переключку и неожиданно вызвал меня из строя и назначил командиром 2-го взвода нашей роты, так как подпоручик, командовавший нашим взводом, не оказался в строю. Затем командир полка попросил мои документы и собственноручно вписал мою новую должность, сказав, что произведут меня в офицеры, когда это позволят обстоятельства. В моём взводе осталось четырнадцать человек.

Мы не знали ещё, что наша дивизия, далеко оторвавшаяся от основных сил армии «Краков», была с тыла атакована 27-й немецкой пехотной дивизией, при поддержке 5-й танковой дивизии. Командир нашей дивизии потерял управление и пытался застрелиться. Дивизия распалась на мелкие группы. Многие попали в плен, но некоторым подразделениям (в том числе и нашему) удалось прорваться из окружения. Одиннадцатого сентября наша рота вышла в расположение польских частей в районе села Осека. После проверки документов нас разметили на отдых. Здесь я увидел, что ещё не всё потеряно. В селе расположились пехота, кавалерия, много артиллерийских частей. У околицы стояли замаскированные машины с радиостанциями, а также танкетки, которых называли разведывательными танками. Привычные нам пулемёты были заменены 20-миллиметровыми орудиями... Ещё жива была польская армия, и ещё было чем сражаться с врагом.

Нашу часть временно включили в состав 55-й пехотной дивизии. Мы прикрывали переправы, по которым армия «Краков» переправлялась на восточный берег Вислы. Наша рота получила участок обороны. Мы начали торопливо окапываться. Очень скоро мы услышали растущий треск немецких мотоциклов. Потом увидели их. Очевидно, они считали нашу армию уже несуществующей, так как были веселы, горланили песни, играли на губных гармошках. Мы уже приготовились открыть огонь, но в этот миг открыла огонь артиллерия. Наша артиллерия. Возможно, несколько артиллерийских дивизионов. Это был настоящий огненный вал. Немецкие походные колонны смешались: мотоциклы на скакивали друг на друга, взрывались и горели бронетранспортеры. Земля дрожала от взрывов, и по воздуху всё гуще плыл уже знакомый нам запах гари – запах беды и военного лихолетья...

Потом мы пошли в атаку. С нами поднялись и наши соседи с обоих флангов, и мы увидели, как нас много. И тут я услышал слова нашего гимна: «...пока мы живы, Польша не умрёт...» Я подхватил его, и слёзы радости выступили у меня на глазах. Мы бежали вперёд, и наши растерянные враги остановились и побежали на запад. Мы преследовали их, и гимн нашей Родины катился над полем. Сейчас нам казалось, что нет ничего невозможного. Это звонкое пленяющее чувство победы легко и просто

несло нас по полю...

Но это было недолго и мимолетно! Километра через два или три теперь уже перед нашими цепями вырос такой же огненный вал огня немецкой артиллерии. Сначала мы залегли, а затем отступили в свои окопы и приготовились к новым атакам врага. Но их не было. Убедившись в прочности обороны, немцы воздержались от лобовых атак.

К вечеру нам приказали отступить, и, выставив боевое охранение, мы отошли к Висле. Подойдя к такой большой реке, я почувствовал что-то подобное страху – я не раз видел смерть и кровь, огонь и грохот, но я жил и рос в горах. Наши речки были маленькими и мелкими, хотя и стремительными. Я почти не умел плавать. К тому же мы не знали, как будем переправляться – по мосту или на лодках. Но саперы ещё не подорвали мост, и мы спокойно перешли по нему. Я не знаю, сколько километров мы прошли лесами за следующую неделю...

Примерно восемнадцатого сентября мы оказались в районе Томашува-Любельского. Наша рота вместе с другими частями армии «Краков» стояла на привале в лесу. Разжигать костры было запрещено. Командование опасалось немецких воздушных разведчиков. Немецкие войска, превосходя нас техникой, постепенно обгоняли наши отходящие части, постоянно вися на флангах. Единой линии фронта уже не существовало, и наше положение быстро ухудшалось. Поэтому мы с такой тревогой слышали растущий гул танковых двигателей. Но это были наши танки. Они шли ночью с зажженными фарами – и в их свете мы увидели на их броне наших родных белых орлов с короной. Это были 7ТР – новейшие танки польского производства. Они могли на равных сражаться со всеми типами танков, которые имела на вооружении немецкая армия. Но в сентябре 1939 года в Войске Польском их было всего 135 штук.

Вскоре поступил приказ: мы должны были атаковать и выбить противника из города Томашува-Любельского. Ночная атака началась с артиллерийской подготовки, с рева и грохота танков. Впервые в ходе войны, которую потом назовут «Второй мировой», произошло встречное танковое сражение. Десятки немецких и польских танков сошлись в жестоком бою. Польские танкисты опрокинули в нём врага и на плечах его ворвались в город. Но именно этого и не надо было делать: удел танка – бескрайние поля и широкие дороги, а не тесные улочки городов. Немцы подтянули артиллерию. Потеряв маневр, наши танки откатились из города, неся большие потери. Штурм города продолжили мы – пехотинцы. Мы продвинулись до центра города, но были остановлены плотным пулемётным огнём противника. Не добившись успеха, польская пехота получила приказ оставить город. За ночь мы произвели перегруппировку и с утра возобновили штурм. Но новый штурм повторил в точности вчерашнюю атаку: снова мы залегли в центре, не в силах продвинуться дальше, и снова получили приказ на отступление. Командир нашей 55-й дивизии отказался от продолжения боя и решил прорываться в направлении Львова. Это было 20 или 21 сентября.

Но было уже поздно: мы не знали, что ещё 17 сентября Красная армия перешла восточную границу Польши на всем её протяжении. Дальнейшее сопротивление было бессмысленно. Наш Верховный главнокомандующий отдал приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы, Модлина и Хеля, которые должны защищаться от немцев, – без изменений»¹⁶.

Но командир нашей дивизии попытался прорваться к Львову и помочь ему, ничего не зная об этих приказах. Командование 55-й дивизии надеялось, что фронт под Львовом стабилизировался.

Однако было слишком поздно: не желая капитулировать перед немецкой армией, Львов 21 сентября капитулировал перед советскими войсками. 22 сентября в районе веси Улув авангард немецкой армии «Юг» вышел на пути отхода 55-й дивизии. Снова был встречный бой, и прорвавшись, мы заняли оборону в перелеске. Затем началось что-то непонятное. Часами тянулось ожидание, ждали приказа на марш или на бой, но приказы не приходили. Мы не знали ещё, что командиру дивизии стало известно о падении Львова и вторжении Красной армии.

Я увидел, как небольшой отряд польских кавалеристов выехал навстречу немцам. Я попросил бинокль у командира роты и заметил в руках первого всадника флаг. Белый флаг. Я спросил его, что будет дальше, но он знал об этом не больше меня. Мы стали ждать, так как ничего другого нам не оставалось. Вскоре на дороге, ведущей на запад, показалась колонна польских солдат, все при оружии. Мы, взводные и командир роты, вышли на дорогу и переговорили с командиром этого подразделения. Он сообщил нам, что командир 55-й дивизии решил капитулировать, но так как наша

рота не была официально включена в состав дивизии, то наш ротный волен сам решать, что делать дальше: воевать ли, капитулировать, уходить ли за границу или распустить солдат по домам. Мы вернулись к роте. Командир спросил мнения нас, его взводных. Когда очередь дошла до меня, я, не ведая о приказе Главнокомандующего, предложил идти на юг, в Венгрию. Я не боялся смерти, но инстинкт самосохранения начал просыпаться во мне.

Командир промолчал. Он вывел нас на дорогу. Рота построилась в походную колонну, и мы тронулись. Пошли на юг – это получилось как-то само собой. Флага в нашей колонне не было – ни польского, ни белого. А по дороге навстречу нам ехали немецкие мотоциклы. Они остановились в голове колонны. Один из них на польском языке спросил ротного, кто мы и что мы собираемся делать: воевать или сдаваться? В ответ наш командир расстегнул кобуру и сдал личное оружие. На этом оборонительная война 1939 года для меня закончилась.

Нас разделили: офицеров направили в офицерские лагеря. Как подофицер, я попал в обычный лагерь польских военнопленных. Мы оказались в Восточной Пруссии. Вскоре группу, в которой находился и я, определили на работу к немецкому фермеру. В хозяйствах не хватало мужских рук. Кто-то должен был пахать, сеять и убирать урожай.

Охрана привезла нас к бауэру и уехала. Но перед этим старший конвоя предупредил, что в случае побега каждый третий из нас будет расстрелян, а пойманный беглец или беглецы будут повешены¹⁷. Литовско-германская граница была недалеко, но никто не собирался бежать: в Литву уже вошла Красная Армия.

Хозяин выделил для нас старый сарай. В нём было холодно, но всё же гораздо лучше, чем в лагере. На следующий день он вывез нас в поле, объяснил, что надо делать, и уехал по своим делам. Посоветовавшись, мы решили не работать, посчитав, что работа на врага – ущемляет наше солдатское достоинство. Настало время обеда. Приехал фермер и, увидев, что ничего не сделано, оставил нас без обеда. Так продолжалось три дня: мы не работали, а он не кормил нас. Но при этом не бил и не ругался. На четвертый день несколько человек начали убирать свеклу. Хозяин оценил это и накормил нас. На шестой день все работали с утра до вечера и получили вполне нормальный обед и ужин. Немец ел вместе с нами, из такой же тарелки, в которую кашевар накладывал из общего котла.

...Места, где я родился и вырос, в это время окончательно закрепил за собой Советский Союз. Там были проведены «выборы» за присоединение к СССР. Русские объявили, что чуть ли не все мои земляки решили жить в советской стране. Эти бывшие польские территории стали называться Западной Украиной. Немцы тоже перекроили захваченную ими часть Польши, довершив её «четвёртый раздел»: часть они присоединили к своему «Третьему Рейху», а всю остальную территорию объявили «польским генерал-губернаторством», сохранив в нём свой оккупационный режим¹⁸.

СССР и Германия заключили между собой соглашение о взаимной передаче военнопленных польской армии, западной или восточных областей Польши. Это означало, что русские должны передать Германии польских солдат, родившихся на территориях, оккупированных Германией. Так же должна была поступить и Германия¹⁹.

До нас дошли слухи, что переданных в СССР польских солдат и офицеров домой не отпускают, а везут в советские лагеря в глубь страны – до самого Урала и дальше. Семьи их тоже подвергаются репрессиям, но каким – мы не знали. У меня остались дома жена, трое маленьких детей, родители, а также три сестры (к этому времени они все уже вышли замуж и уехали из села). Беспокоясь и опасаясь за них всех, я решил скрыть своё происхождение, чтобы не быть выданным русским. Я не писал им писем, боясь выдать себя почтовым адресом, и они ничего не знали обо мне. Жив ли я, погиб ли, попал в плен или ушёл за границу, как тысячи польских солдат – оставалось неизвестно для них²⁰.

Летом 1940 года, под напором немецкой армии, капитулировала Франция. На фронтах наступило недолгое затишье. В отпуск из армии приехал молодой сын нашего фермера. Он считал себя нашим господином, а нас – своими рабами, с которыми он волен поступать, как пожелает. Через день после приезда он увидел, как мы шли через двор на работу. Заулыбался, а потом взял пастуший кнут и принялся без разбору бить нас. И тут во двор выбежал его отец. С перекошенным от ярости лицом он вырвал из его рук кнут и с силой швырнул на землю. Не заботясь о том, видим ли мы это или нет, широкой ладонью он с размаху ударил его по щеке.

Остановившись, мы смотрели, что будет дальше. Наш хозяин заговорил с ним резко и жёстко. Он яростно выговаривал сыну, что когда Германия вела первую мировую войну, как и сейчас она побеждала вначале. «Колесо поворачивается», – сказал он. Победы сменились поражениями, продолжал

он, твой отец попал в плен, как и они (он показал в нашу сторону), и он знает и помнит, каково быть пленным. Всё может случиться на войне, и ты тоже можешь в один миг стать на место этих несчастных поляков. «Подумай хорошенько об этом», – закончил он. После этого случая молодой барин уже не бил нас и даже старался избегать...

В июне 1941 года немцы напали на Советский Союз. У нашего фермера был репродуктор, и очень скоро я узнал, что фронт откатывается на Восток. Прикарпатье было оккупировано немецкой армией. «Значит, – подумал я, – моим родственникам больше не грозят советские лагеря, и я могу дать знать о себе». Я написал жене и родителям, что жив, здоров и нахожусь в немецком плену. Через пару месяцев мне пришло письмо из дома. Жена не могла поверить, что я жив. Она посылала запросы в Красный Крест, где ответили, что я погиб в сентябре 1939 года. Рад был и отец, что я жив, хотя бы и в плену.

Время шло медленно. Я продолжал работать у фермера, а в мире уже шел второй год войны. Письма из дома шли долго и не приносили особой радости. Сначала отец, потом жена сообщили мне, что через девять месяцев после моего ухода из дома у нас с женой родился четвёртый ребёнок – мальчик. Плен есть плен, и меня все больше тяготило, что я – крепкий, здоровый мужчина, не могу вернуться домой и ничем не могу помочь своей семье. Наши голодали, жаловались на бедность, которую ещё больше усилила война. Ещё больше меня томила неизвестность. В то небольшое свободное время, что оставалось после работы – я всё чаще усталое смотрел на бревенчатую стену.

Дела третьего рейха шли все хуже, Великая Война вводила из дома всё больше тружеников и работников. На их место теперь брали не только подневольных военнопленных: теперь с нами работали французы, голландцы, бельгийцы. Кого пригнали насильно, кто приехал на заработки... Вся «Festung Europe» – как вещал нам по радио доктор Геббельс.

Я подружился с пожилым поляком-работником, жившим недалеко от Львова. Он рассказывал, что в наших местах немцы стараются поссорить меж собой украинцев и поляков, давая работу только украинцам. «Войне не видно конца, – говорил он, – жизнь пройдет, и радости от неё не увидишь. Живи здесь и сейчас. Случай будет сойтись с какой паненкой из угнанных – живите. Война спишет». Но это коробило меня.

Годы шли, я старался беречь себя до возвращения в свой дом. Мысленно я спускался с горы, шёл через мост, делящий пополам наше село. Вот и наш дом, около которого так много дикой черешни. И дети, бегущие мне навстречу. Я знал, что они выросли за эти годы, но в моих мечтах они оставались такими же, какими я видел их последний раз. Мысленно я пытался представить себе четвёртого ребёнка, но никак не мог это сделать... Я писал жене, чтобы она спокойно растила детей и ждала меня. А я – обязательно выживу и вернусь домой. И мы все заживем, как жили до войны – без страданий и голода, и всё будет у нас хорошо. Она отвечала мне такими же теплыми письмами.

Настало лето 1944 года, и поражение Германии становилось все очевиднее. Даже пленные знали, что немцы терпят поражения на всех фронтах и в рядах союзников доблестно бьётся возрождающаяся польская армия.

...В это утро годами заведенный порядок нарушился. После завтрака мы построились и двинулись на работу в поле. Мы пошли от того же сарая, в котором жили с 1939 года. Мимоходом оглянувшись, я и не предполагал, что больше никогда не увижу этот фольварк.

Вдали поднялся огромный столб пыли. Послышался гул моторов и скрежет гусениц. Шли танки. Они остановились, и когда пыль рассеялась, мы увидели, что это совсем другие танки, не похожие на те, которые мы видели до сих пор. Они были гораздо крупнее, и их орудия были длинные. Да и калибр их был гораздо мощнее. Они были выкрашены в зелёный цвет. На башнях у них были большие красные звезды и русская надпись: «ВПЕРЁД, НА БЕРЛИН!» Это были русские.

Головной танк въехал во двор усадьбы и остановился. Мы стояли, ожидая, что произойдет дальше. Из открытого люка вылез танкист и с удивлением посмотрел на нас: немцы разрешали нам ходить в лагерях в военной форме. На нас были польские мундиры и фуражки. У некоторых даже сохранились кокарды с польским орлом и короной. Командир танкового десанта спросил, кто мы такие. Мы ответили. Он сказал, что возглавляет танковый рейд по немецким тылам и не может задерживаться здесь. Сам же русский фронт ещё далеко и находится в Литве. Чуть помедлив, он сказал, что тот, кто здоров и желает присоединиться к ним, может вместе с этим отрядом присоединиться к основным силам Советской армии.

Времени на раздумье не было, но никто из нас не колебался. Сначала около сорока польских бойцов разместились на броне этих двух русских танковых рот, а потом мы пересели в три трофейных

немецких грузовика, захваченных русскими. Я плохо запомнил наш путь по немецким тылам. Два дня мы кружили по Восточной Пруссии, прежде чем командир получил по радио приказ об отходе и благополучно провёл свою часть через линию фронта. После придирчивой проверки советской контрразведкой нас направили на сборный пункт. К нам даже приставили охрану, хотя и маленькую. К этому времени часть Польши уже была освобождена от фашистов. В Люблине было сформировано временное правительство Польши.

При помощи СССР оно спешно воссоздавало Войско Польское²¹. Через сборный пункт мы попали в 1-ю польскую армию. Предъявив сохранившиеся у меня документы с последней записью, сделанной в сентябре 1939 года: «Назначен командиром взвода», я получил звание подпоручика и должность командира взвода, так как новой армии очень не хватало офицеров. Только боевой опыт позволил мне стать офицером, не окончив офицерского училища...

Война шла уже пятый год, и почти всё это время Польша была оккупирована. Много офицеров находилось в плену. Многие воевали в составе союзных войск на Западе, где тоже сформировалась и воевала большая польская армия. Офицеры были нужны и в составе подпольных польских сил, продолжавших борьбу на всё ещё оккупированной немцами территории Польши. Мы ещё не знали тогда, сколько наших офицеров пропало в первый год оккупации и название местечка Катынь ни о чем не говорило нам²².

...Получив назначение и прибыв в действующую армию, я оказался на правом берегу Вислы – около самой Варшавы. При приближении фронта Варшава восстала, и мы слышали – там шёл бой. Нацисты окружили город, расстреливали его тяжёлой артиллерией, яростно бомбили, до основания снося квартал за кварталом. С самого начала они отсекали восставших от берега, и мы ничем не могли помочь им. Союзники и русские на парашютах сбрасывали оружие и боеприпасы. Но этого было слишком мало!

В сентябре удалось освободить Прагу – восточную часть Варшавы, расположенную на правом берегу Вислы. Командование фронтом разрешило части наших сил форсировать реку для поддержки восставших. Переправившись, польские воины захватили небольшой плацдарм. Немцы навалились на него огромной силой, отрезали наших от реки и быстро уничтожили его. Все последующие попытки закрепиться на левом берегу окончились неудачей. Само же восстание было безжалостно подавлено, и последние защитники Варшавы капитулировали 2 октября 1944 года.

Первая польская армия была отведена в тыл для пополнения и перегруппировки, выполняя приказ советского командования, которому была организационно подчинена, входя в состав Советской армии. В январе 1945 года Советская армия возобновила наступление против немецкой группы армии «Висла». В её составе были и наши части. Наступление развивалось успешно. Мы по льду форсировали Вислу и 17 января 1945 года вошли в истерзанную Варшаву²³.

...Кому-то представлялось, что теперь мы войдем в Варшаву парадным маршем, с развернутыми знамёнами и оркестрами. Этого не случилось. Мы шли по бывшим улицам в скорбной тишине, с болью на лицах глядя по сторонам. Город был мёртв. В отместку за мужество восставших нацисты разрушили город, не щадя никого. Даже те, кому было суждено выжить, были угнаны из опустевшего города. Ни одному из нас не были нужны цветистые речи «политруков» – так теперь называли русские своих комиссаров. Мы желали только одного – поскорее покончить с этой жестокой войной, шестой год терзавшей нашу Родину.

Наш порыв был неудержим. Наступая, мы стремительно прошли до самой границы с Германией. Остановились только на Одере, примерно в сотне километров от Берлина. Логово фюрера было так близко, но командование приказало перейти к обороне и начало подготовку последнего, смертельного удара в самое сердце третьего рейха.

Немцы быстро воспользовались этой передышкой и нанесли сильный контрудар на северном фланге наших фронтов – в Померании. Первую польскую армию перебросили в Померанию, и мы встали в стальную оборону плечом к плечу. Шли тяжкие бои. Через неделю мы остановили фашистов и шаг за шагом начали теснить их к Балтийскому морю. У нас были свои «политруки», как у русских, – только назывались они по-другому. Они говорили, поднимая наш дух, что мы приходим на этот берег навсегда, возвращая столетиями назад отнятые у нас земли. Что Поморье станет берегом нового Польского моря, берегом великой и свободной Польши... Мы приблизились на расстоянии артогна к немецкому городу – порту Кольбергу. Но, конечно же, все мы называли его по-славянски, по-польски – Колобжег. Немцы решили оборонять его до последней возможности: порт был прекрасно укреплен,

а отлично вооруженный и многочисленный гарнизон посчитал позорной для себя саму мысль о сдаче его полякам. Им предложили капитуляцию и гарантировали жизнь и медицинскую помощь. В ответ же немецкий комендант спесиво изрёк: «В 1807 году Наполеон не смог овладеть Кольбергом, а полякам тем более это не удастся!» Они сделали свой выбор.

Мы начали подготовку к штурму. Русские усилили нашу армию частями гвардейских минометов – «Катюш», добавив к ним небольшое количество самолетов морской авиации. Несколько раз польские летчики топили немецкие корабли. Прямо на наших глазах. Советские же корабли почему-то не решились поддержать нас с моря, но сил было достаточно и без них. Решительному штурму города предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка: пронзительно ревели «Катюши», тяжко ухали огромные осадные пушки. Десятки штурмовиков крутили над врагом такую же «карусель», какую мы видели шесть лет назад.

Мы поднялись в атаку и вошли в город. Форт, стоивший нам столько крови, – был мёртв. Ни одного выстрела не раздалось из его развалин. Но бомбить сам город мы не могли и не смели – слишком много в нем оставалось мирных жителей, среди которых было немало и поляков. Улицы здесь перекрывались баррикадами, все перекрестки и площади простреливались не только пулемётным, но и артиллерийским огнём. Нам приходилось брать штурмом каждый дом.

Бои здесь шли упорные, окружённые и прижатые к морю, немцы сопротивлялись особенно рьяно. Им ещё раз предлагали капитуляцию, но ответа опять не последовало. Остатки немецких войск оказались блокированными на территории морского порта. У них осталась небольшая полоска земли шириной около трех километров и глубиной всего лишь метров восемьсот.

Колобжег пал. Польские солдаты ещё раз показали своё мужество и знание военного ремесла. Они высоко подняли нашу былую славу, затоптанную было немецким сапогом, подбитым блестящими медными гвоздями. Когда затихли выстрелы и были преданы земле сотни павших в битве за Колобжег, к маяку подошли полки 3-й пехотной дивизии, чтобы дать клятву Балтийскому морю: «Клянись тебе, польское море, что я, воин своего Отечества, верный сын своего народа, никогда тебя не оставлю! ...Это – воля народа, и она привела меня к тебе, польское море! Я клянись, что вечно буду охранять тебя, не щадя ни крови, ни жизни, и никогда не отдам тебя чужеземцам-захватчикам!..» Зазвучал гимн, знаменосцы двинулись к морю. Войдя по колено в воду, они повернулись лицом к строю и медленно опустили полотнища в бьющие о берег волны. И тут один солдат снял с пальца золотое обручальное кольцо и с возгласом «Нех жие Польска!» бросил его далеко в море. У нас, поляков, с незапамятных времен бытует обычай «венчания с морем». О нём и вспомнил теперь солдат, геройски сражавшийся за Колобжег и только что получивший «Крест храбрых».

В это время Люблинское правительство начало создавать 2-ю польскую армию. Несколько офицеров нашего полка были переведены в неё. В их числе был и я. До двадцатых чисел апреля мы готовились к новому наступлению. Все понимали, что оно будет последним: с востока армии союзников стояли в сотне километров от Берлина – на Одере, а на западе англо-американские войска быстро продвигались в глубь Германии. Наша же армия, находясь на южном фланге Берлинской группировки, готовилась к нанесению глубокого флангового удара. В течение 10-15 дней нам предстояло, совместно с Советской армией, дойти до Дрездена и занять его.

Наступление началось 16 апреля. На сотни километров вдоль Одера ночь стала днём. Сила, обрушенная на остатки гитлеровской армии, была велика. После первых дней тяжёлого, но успешного наступления фланг нашей армии контратаковал немецкий 57-й танковый корпус, поддержанный механизированными частями парашютной дивизии «Герман Геринг». Здесь находилась уже потрёпанная нами дивизия «Бранденбург», а также другие, не менее именитые части нацистской армии.

Ничто уже не могло остановить нас. Мы верили и видели, что эта проклятая война доживает последние дни. Германия была разгромлена, но несколько теряющих связь и управление армий ещё продолжали бессмысленное сопротивление. Одним из самых больших и сильных таких обломков – немецкая группа армии «Центр» под командованием фельдмаршала Шернера. Мы пошли на Дрезден и взяли его.

Узнав о падении Берлина и смерти Гитлера, чехи подняли восстание в «Златой Праге». Но силы пражан были несоизмеримы с остатками немецкой армии. Фашисты бросили в атаку на город танковые и мотопехотные дивизии. С радиостанции восставших раздался зов погибающей Праги. Город молил о помощи. Нас повернули на Прагу. Эти двести километров мы пролетели на броне русских танков с польскими белыми орлами за два дня.

Но Прагу спасли другие, а нашу часть развернули в другом направлении. Война завершалась на

глазах: фронта уже не было, но отдельные немецкие части всё ещё пробивались по нашим тылам на Запад, чтобы сдать англичанам или американцам. Я с удивлением увидел, что мы оказались в районе города Тешина. Может быть, это было угодно самой судьбе, чтобы помирить соседей – поляков и чехов. Чтобы именно здесь забить большой осиновый кол и этой войне, и старой обиде, посеянной когда-то между нами...

Без боя наша дивизия освободила несколько чешских городков. Моя рота была выделена для охраны моста через ущелье. Недалеко в тылу находилась чешская деревня. Тут я и встретил день победы над Германией. Ночью с восьмого на девятое мая со всех сторон началась беспорядочная стрельба вверх. Стреляли из стрелкового оружия, пускали ракеты: сигнальные, осветительные. В округе раздавались радостные крики. В расположение нашей роты пришли жители соседней деревни. Они рассказали нам, что по радио передали сообщение о том, что представители главного немецкого командования подписали капитуляцию Германии. Война в Европе закончилась.

Однако радость была не долгой: боевое охранение доложило, что прямо на наши позиции движется механизированная колонна противника. На бортах их боевых машин были нарисованы эсэсовские эмблемы в виде двух молний. В колонне было несколько танков. Мы понимали – эти не сдадутся, они будут прорываться на Запад. Им терять уже нечего. Когда немецкие машины показались перед позициями моей роты, я отдал приказ открыть огонь. Колонна смешалась. Остановилась. Несколько машин и танков загорелись. Немцы стали отстреливаться. Начался жестокий бой. Но силы были неравны: у нас заканчивались боеприпасы. Нашлись такие смельчаки, которые лазили на нейтральную полосу и забирали у убитых немцев оружие, боеприпасы и отстреливались ими. Шел второй день сражения. Наше положение становилось все более серьезным. У нас была рация, но вокруг горы, связь была очень плохой. Пришлось посылать связных в штаб.

...И вдруг из-за горы выскочили наши самолёты. Пройдя над нами, они засыпали эсэсовцев реактивными снарядами, вспороли землю очередями авиационных пушек. Каждый снаряд попадал в цель, и земля стала огненным морем для наших врагов. Повторив заход, они улетели. Стало тихо, были слышны лишь стоны раненых и гул моторов у нас за спиной. К нам шла помощь. Из грузовиков выпрыгивали солдаты, совсем еще мальчишки. У них были длинные винтовки, они беспорядочно стреляли, им хотелось хоть что-то успеть в этой войне...

Мы радовались, обнимались и плакали от счастья. Но я ещё не знал, что эта война никогда не закончится для меня. К мосту подъехал «виллис». Из него выпрыгнул хорунжий – почти такой же юный, как эти солдаты. Он спросил: «Кто командовал подразделением, оборонявшим этот мост?» Я представился. Он отдал мне честь и сказал, что имеет устный приказ командования – доставить командира этого подразделения, «героически отстоявшего мост», в штаб дивизии. Мы поехали. Но в штаб не попали: по дороге наша машина подорвалась на mine.

Я очнулся в госпитале. Ранение оказалось тяжёлым: контузия, травма позвоночника, повреждение нервной системы с частичным параличом правой стороны тела. После длительного лечения врачи вынесли приговор: жить я буду, но инвалидом останусь навсегда²⁴.

В скитаниях по госпиталям прошло несколько лет. Мне дали инвалидность, назначили пенсию. Я оказался в доме инвалидов войны в городе Душник-Здруй. Здесь нас было около 300 человек – в основном уроженцы восточных областей Польши. Тех областей, которые вошли в состав Советского Союза. Мы – польские солдаты, победили в этой войне, но путь домой для нас был закрыт. Нам выпала незавидная судьба – мы стали жертвами послевоенного передела Восточной Европы. Наш дом остался за границей. Многие скрывали, что у них есть родственники, которые могли бы забрать их и заботиться. Вернуться туда мы теперь тем более не могли: на Западной Украине шла гражданская война. Украинские националисты организовали отряды УПА (Украинской повстанческой армии) и вели безжалостную партизанскую войну. Это была жестокая война, и больше всего от неё пострадало мирное население. Бойцы УПА жестоко обращались с теми, кто служил в Войске Польском, и часто даже убивали их. Особенно польских офицеров. Уже понемногу становилось известно о Катини...

Я снова боялся, что своим приездом причиню страдание моей семье и родственникам. Одновременно с этими событиями в наших странах шло принудительное перемещение тысяч людей. Из Польши выселяли на Украину живших здесь украинцев, а навстречу им двигался такой же поток выселяемых с Украины поляков. И я опять скрыл, что с той стороны границы у меня остались жена и четверо детей, указав при заполнении анкеты только престарелых родителей.

Я не знал, что в нашей семье в 1945 году произошла трагедия. В дом, где жили мать моей жены и

вместе с ней ещё девять человек, зашли два бандеровца и потребовали продовольствия для своего отряда УПА. В это время рядом с домом проходил местный милицейский патруль (из жителей нашего и соседних сёл). У бандеровца сдали нервы, он выстрелил по патрулю. Началась перестрелка. Националисты выпрыгнули в окно и убежали в лес. «Ястребки», так называли местных милиционеров, стали бросать в дом ручные гранаты. Дом загорелся. Сгорели все, кто находился внутри. Может, поэтому мою жену и детей не выселили на запад. Власти решили после такого преступления на время оставить моих родных в селе.

Прошло ещё несколько лет. Из газет я узнавал, что гражданская война на моей родине затихает, жизнь нормализуется. У меня была приличная пенсия, которую я высылал на имя отца. Правда, она была хорошей для Польши, а в Советском Союзе были другие цены и другие деньги. Мне казалось, что, окончив гимназию, имея опыт руководства людьми, я смогу работать на родине даже в моём положении и не буду обузой для семьи. В письмах я писал, что один не смогу добраться, так как скопилось достаточно багажа. Наконец отцу удалось уговорить родственника жены поехать с ним за мной в Польшу. Они даже выехали, но беда снова оказалась быстрее нас. Границу закрыли. Нужны были визы. То, что вчера за полчаса решалось на таможне, сейчас надо было долго и сложно решать через Москву и Варшаву. У них опустили руки, и они вернулись домой. А я так и остался в доме инвалидов в Польше. Дальше ещё хуже: в СССР как «врага народа» посадили и отправили куда-то в северные лагеря родственника жены. Теперь за мной боялись ехать, чтобы не очутиться в тех же местах, что и мой родич. Только мой старый отец был согласен, но у него не было на это сил. Конечно, о нас, героях войны, здесь достойно заботились. У меня даже была сиделка, на оплату которой государство выделяло отдельную сумму. Но это не было моим родным домом. Здесь не было моей семьи.

Здоровье ухудшалось, мне всё труднее становилось ходить. Но я старался всё делать сам: мне, офицеру, было стыдно своей беспомощности. Я надевал свой мундир и сам носил письма домой на почту.

Наступил 1951 год. Была глубокая осень, ударили первые морозы. Стало скользко. Я поскользнулся и сломал ногу. Травма оказалась серьёзной: рентгеновский снимок показал перелом бедра. Затем произошла закупорка сосудов в лёгком, и я умер²⁵. Меня похоронили с офицерскими почестями на местном кладбище. Обо всем позаботилось государство. На могиле поставили крест, прозвучал воинский салют, легли венки и цветы²⁶.

Очень хлопотал за меня мой земляк и однополчанин Блажей. Тот самый Блажей, с которым мы приняли наш первый бой в сентябре 1939 года и с которым много лет спустя встретились в доме инвалидов. Почему он не вернулся домой? Я не знал и не узнаю никогда. У каждого своя судьба ...

Шли годы. Сначала по праздникам к нам на могилы приносили цветы харцеры. Потом и они пропали. Спустя десятки лет надписи на наших крестах стерлись, и их уже невозможно прочитать. Затерялась и запись о захоронении в кладбищенском архиве. Пропали вообще все записи того 1951 года. Как будто никто и не умер в том далеком году в курортном городке Душник-Здруй.

Через двадцать лет после октября 1951 года приезжал мой сын, но он не знал, где моя могила²⁷. Старый кладбищенский смотритель показал ему три старые могилы, сказав: «Это здесь, а в какой из них ваш отец – я не знаю». Мой сын зажёл три свечи и поставил по одной на каждую могилу, прочел молитвы.

Пройдет еще какое-то время, и на месте старых бесхозных могил похоронят новых умерших – согласно существующему закону. Хочу верить, что найдутся затерявшиеся документы и кто-то вспомнит и о нас – солдатах Польши, умерших в доме инвалидов, так и не вернувшихся домой с той далёкой войны. Что нас, переживших май 1945 года, и наши могилы помянут и почтят вместе с нашими однополчанами, не дожившими до Победы. Ведь для нас, солдат, не вернувшихся домой – та война не закончилась и по сей день...

Примечания

¹ 1.10.1918 г. в Цешинском княжестве образовался национальный польский совет, объявивший 30.10.1918 о возвращении этой территории Польше.

Пишибыльский А. Войны польского империализма 1918-1921. М., 1931. С.50-51.

² Иприт – отравляющее вещество кожно-нарывного и общетоксического действия. Технический иприт имеет слабый запах горчицы. Впервые применён немцами в ходе Первой мировой войны (1914-1918) у г. Ипр (Бельгия), откуда и получил своё название.

³ 18.10.1918 г. был создан Украинский Национальный совет во главе с Е. Петрушевичем, провозгласивший Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). М. И. Мельтохов. Советско-польские войны. М., 2001. С.18.

⁴ М. И. Мельтюхов. Советско-польские войны. М., 2001. С.23.

⁵ В январе 1920 года там проходили столкновения чехословацких и польских войск, прекратившиеся после вмешательства Антанты. В итоге 28.7.1920 г. на конференции послов было решено разделить эту территорию примерно пополам. Сам Тешин был передан Чехословакии, получившей и часть польского населения.

М. И. Мельтюхов. Советско-польские войны. М., 2001. С.107.

⁶ На границе с Чехословакией поляки развернули отдельную оперативную группу «Шлёнк» под командованием генерала Бортновского. В её состав входили 4, 21, 23 Пд, Великопольская КВбр, 10-я механизированная бригада. К 1.10.1938 г. группировка насчитывала: 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка, 9 бронемашин и 103 самолётов. Район и город Тешин (80 000 поляков и 120 000 чехов) был передан Польше.

Zgorziak M. Op. cit. S.284, 287-289.

⁷ Граница Польши с Литвой являлась, по сути, демаркационной линией между войсками Польши и Литвы. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1938-1941. М., 1999. С. 96.

⁸ Гмина – это начальная единица административной власти. В сельских гминах председатель называется вуйт, в небольших городках – бурмистр.

⁹ Скрытое мобилизационное развертывание польских войск, начавшееся 23.3.1939 г., затронуло четыре Пд и одну Квбр. 13.8.1939 г. была объявлена мобилизация ещё 9 соединений. С 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. 31.8.1939 г. была официально объявлена мобилизация польских ВС. Jurga T. Obrona Polski, 1939. С.39.

¹⁰ Бек, министр иностранных дел Польши, в 1939 г. полагал, что любые действия Германии – «это блеф Гитлера», он старается запугать Польшу и тем самым вынудить её пойти на уступки. Гитлер не начнет войну.

Мосли Л. Указ. соч. С. 258-259.

¹¹ Хенсон Болдуин. Сражения выигранные и проигранные. М., 2002. С.22.

¹² 8.9.1939 г. истребители P-11 III\2 дивизиона армии «Краков» преследовали группу немецких бомбардировщиков He-111 и попали под обстрел своих войск. Четыре самолета были сбиты.

Операция Вайс. Минск, 2003. С. 239.

¹³ Буско – небольшой город в Свентокшиских горах.

¹⁴ Противотанковое ружьё – тяжелое нарезное ружьё. Предназначено для борьбы с танками и другими бронированными целями. Калибр п\р – 7.9-20.0. мм. В сентябре 1939 года с польской стороны в боях приняло участие 200 противотанковых ружей. Остальные остались на складах из-за большой секретности и были захвачены немцами или Красной Армией. Операция Вайс. Минск, 2003. С. 16.

¹⁵ Бутылки с горючей смесью стали атрибутом уличных боёв. Впервые были широко использованы во время Гражданской войны в Испании. Хенсон Болдуин. Сражения выигранные и проигранные. М., 2002. С.482.

¹⁶ Grzelak S. K. Op. cit. S.214-223.

¹⁷ Военнопленные: лица, входящие в состав вооруженных сил, ополчений, добровольческих отрядов и др. во время войны, попавшие во власть неприятеля и задержанные им. Режим военного плена, установленный приложением 4-й Гаагской конвенцией 1907 года и Женевской конвенцией 1929 года грубо нарушался фашистской Германией во Второй мировой войне (1939– 1945).

¹⁸ М. И. Мельтюхов. Советско-польские войны. М., 2001. С.354.

¹⁹ В 1939-1941 годах Германии были переданы 43 054 человека, уроженцы Западной Польши, Германия же передала СССР 13 575 человек – уроженцев восточных польских воеводств.

Лебедева Н. С. Ук. соч. С.73.

²⁰ Как ныне установлено, в 1939-1941 гг. с этих территорий в глубь СССР было переселено 320 тыс. человек.

Гурьянов А. Е. Польские спецпереселенцы в СССР. 1939-1941 г. С.114,136.

²¹ 27.7.1944 г. на освобожденной территории Польши был образован П.К.Н.О. (Польский комитет национального освобождения). 31.12.1944 г. П.К.Н.О. был преобразован во временное правительство Польской республики, признанное вскоре правительством СССР. Резиденция правительства находилась в Люблине.

²² 15 131 офицеров В.П. было расстреляно весной 1940 года в Катыни. 7 305 офицеров В.П. и полицейских расстреляно в тюрьмах западной Украины и Белоруссии. Лебедева Н. С. Катынь: преступление против человечества. С. 215-216, 517-603.

²³ В Варшаве в 1939 году проживало 1,3 миллиона человек. В начале 1945 года в городе осталось 162 тысячи.

²⁴ I nwalidzka Komisja Rewizyjnj-Lekarska wo Wroclawiu-16.03.1948

²⁵ 57 340 Duszniki Zdroj STATYSYKA MEDYCZNA.

Zaswiadezenie wydano na podstawie wpisu z ksiegi glownej Nr 2325/51.

²⁶ Miejsce i data pogrzebu 04.10.1951, Dusznik Zdroj.

²⁷ Urzad stanu Cuwilnego 57-340 Dusznik Zdroj. Tel. 593 Znak Aktu № 6243/02/91

²⁸ На 7.4.1993 г. перезахоронение не было произведено, так как была произведена резервация места захоронения на последующие 20 лет (Оплата места – 200 тысяч Злотых, в ценах 1993 года, по существующему местному законодательству в г. Душник-Здруй). Квитанция Urzad Mieiski, 57-340, Dusznik Zdroj, № 325 630.

Надежда САВЧУК

Родилась в 1962 году в Украине, Волынская область, село Городок. Окончила Тернопольский финансово-экономический институт. В Молдове проживает с 1985 года. Экономист по образованию, работает главным бухгалтером МП.

Андрейка

Маленькая повесть о героях нашего времени и немодных нынче явлениях

– Здравствуйте! Вы даже не спрашиваете, кто там. Это я. Зашла вот... Спасибо, что помогли мне дойти до дома. Я знаю, вы подумали, что я совсем потерянная... Но я не пью. Просто так получилось. Можно зайти? Спасибо. Вы думаете: вот явилась и мешает работать. Не думаете? О-о-о-о! Сколько книг! А что вы сейчас пишете? Это тайна? Да? Вовсе нет?! Знаете, я и не думала, что для того, чтобы писать, надо так много читать! Можно поближе посмотреть книги? А у вас есть Маркес? Да? Не то чтобы люблю... А он что, писал о пиратах? Почему вы смеётесь? ...А можно вон ту, самую тонкую, взять почитать? Спасибо! Я тоже частенько читаю! Скоро мне принесут роман «Парфюмер». Слышали, да? Вообще-то я пришла поговорить. Хочу попросить вас... Скажите, у вас есть время?.. Совсем немного? То есть... (С чего начать, – не знаю)...

...За несколько дней до Нового года меня вызвал главврач. Вы, наверное, знаете, что я работаю медсестрой в городской больнице. Не знаете? Так вот... Я окончила медицинский колледж в прошлом году.

Я ещё подумала: почему он меня вызвал? От начальства «добра не жди, не жди свободы». ...Если бы я знала. О! Если бы... В кабинете был ещё один мужик (мужчина то есть, такого странного вида, на костылях и весь толстый). И начали они меня уговаривать, что я должна (именно я!) дежурить в новогоднюю ночь. Это вообще!

(Зачем я приняла эти сто долларов? Главврач, похоже, что-то тоже положил себе в карман. Он думает, я стану развлекать умирающего... С какой радости? Так вот, навозный жук, я ничего такого делать не буду. Только то, что требуется от медсестры. Больному вообще-то могли бы и телевизор поставить. Заодно и мне было бы веселей...

Толкнув дверь палаты, я вошла и, встретившись взглядом с пациентом, почувствовала, что мне стало не по себе. Серые глаза излучают серый взгляд (о, Господи!), и ты волей-неволей превращаешься... в серый пепел. Образно говоря. Однако поздороваться нужно поласковее, раз уж взяла деньги.

Он ответил кивком и отвёл взгляд. Так-то лучше... Волосы его тоже серые от седины.

В карточке видела, что он моложе моего папы, то есть не совсем ещё древний).

– Здравствуйте!.. Как странно, только что подумал о вас, – говорит он тихим голосом, но я вздрагиваю от неожиданности. (Надо быть вежливой...)

– Скажите, Бача, как вас по отчеству?

В сером пепле глаз вспыхивает смешок.

– Николаевич...

– Бача Николаевич... Хорошо. Мне надо поочерёдно установить две капельницы...

– Почему «Бача Николаевич»? Меня Михаилом зовут...

– А-а-а-а... Простите... Ваш друг называет вас «Бача»...

– «Бача» с афганского означает просто «парень»... Ну, наверное, молодой или не старый ещё.

(Какая же я глупая – не посмотрела в историю болезни. Буду вежливой до конца).

– М-м-м-м... Михаил! Как себя чувствуете?

– ...Как человек, у которого «печень вылезает через рот», – он криво улыбнулся.

– Мрачная шутка, – отвечаю ему, устанавливая штатив.

Мы перекидываемся словами, словно отбиваем ненужный нам мяч.

– Так шутили мои друзья когда-то в Афгане, в лазарете...

– Ясно, – говорю я и умолкаю.

(Теперь он должен молчать, потому что, даже если бы у него были хорошие вены на руках – а они у него исколоты до предела, – он мне мешает. Я отличная манипуляционная сестра. Это все знают. Поворачиваю его пассивную руку ладонью вниз и делаю прокол. Да, это больнее, чем в вену на локтевом сгибе, но верно).

– Наступает новогодняя ночь. Идите, девушка, отдохайте... Я сам отключу. Догадываюсь, вас прошил мой друг Николай. Вот ещё – новоиспечённая «мафия»... Идите... В конце концов можно сделать завтра...

– Вы мне мешаете, – отбиваю подачу.

(Из истории болезни знаю, что он дважды болел Боткина. Да, он обречён – цирроз печени, кахектическая стадия...)

– Вы... напоминаете мне девушку... из моего прошлого, – он произносит эти слова в вязкой тишине.

(Я проверила герметичность упаковочного пакета, срок годности, цвет и прозрачность раствора. Всё это для следующей системы, а эта уже на штативе. Я всё сделала правильно. Бриллиантовые капельки весело проносятся в капельнице и исчезают, сливаясь друг с другом, чтобы попасть в кровь. Он рассматривает меня. Терпеть этого не могу, хотя уродкой себя не считаю. Отрываюсь от системы, но он тут же делает вид, что смотрит в окно. Теперь опять украдкой переводит взгляд на меня).

– Ну! Так кого я вам напоминаю?

(Я постараюсь быть ласковой, весёлой, любезной, терпеливой, заботливой и даже нежной, раз уж суждено мне гробить свою молодость в этой потерянной палате, а Толик может переметнуться к Наташке, к той... проститутке, с которой всё можно).

– Вы идите, девушка, развлекайтесь... Я вас уверяю, что полную тайну мы сохраним и никто ничего не узнает. Я ведь сам отказался отпраздновать Новый год с семейством Николая. Не хотел никому портить праздник, а вышло ещё хуже...

– Давайте так: я всё равно никуда не уйду и вы никуда не можете уйти! Так что сам Бог велел нам общаться до утра. Давайте что-нибудь в этом направлении предпримем. Вы же не грудной ребёнок, у которого режутся зубки, и он сам не знает, чего хочет. Что вы так смотрите?! Теперь я не напоминаю вам вашу девушку?

Он смеётся и слегка мотает головой, типа «Ну и ну!»

– Андреану! Мою... Андрейку...

– Рассказывайте! Я очень люблю слушать всякие такие истории. Вот моя бабушка мне всегда обо всех своих парнях рассказывает... Иногда забывает, что это уже говорила, но всё равно интересно, и главное, я знаю, что это всё истинная правда, – я перевожу дух и улыбаюсь ему. – Ваша девушка была медсестрой?

– Нет. Официанткой... в госпитале. А может, вы сначала расскажите о себе?

– Не-а... – говорю ему. – Только после вас. Как это официанткой в госпитале?

(Заметив мой удивлённый взгляд, он объяснил, что да, на самом деле она была учительницей литературы, просто после окончания института временно устроилась официанткой, пока её муж был в Афганистане; к сожалению, у неё был муж...

Тут у меня всё пошло-поехало, завертелось. Но для продолжения разговора я вставила:

«Ничего не понимаю! Извините, начните издалека! Время ведь есть!» «Ну да! – сказал он. – Как Маркес, начну с нападения пиратов...» И я снова ничего не поняла, но надо же отрабатывать деньги).

– ...После ранения в Афганистане нас, немного «заштопов» в Кабуле, отправляли в госпиталь в Ташкент, а потом – кого куда для дальнейшего лечения... В нашей партии было тринадцать человек. В основном одноногие, безруко-безногие и только двое таких, как я – безногие совсем. В тот год нас в Афгане сильно «мяли», а бить в ответ по-настоящему было нельзя. Да я не о том...

После взрыва, который потрянул меня, оглушил и бросил об землю, я не сразу понял, что ног у меня нет. Попытался встать, но там, где были ноги, остались лишь оборванные, изгаженные кровью и грязью пустые брючины. Я опешил, поначалу до меня «не дошло» и боли ещё не чувствовал, потому не подумал о том, что если автомат рядом – стреляться надо сразу. Потом автомат у меня забрали, я плавал в горячем озере крови, как мне казалось... В вертолёте я вообще вырубился. Почему-то ма-

терил санинструктора. Очнулся – всё вокруг белым-бело от простынь и халатов медсестёр. Смотреть вниз было невозможно, потому что там... ничего не было. «Кто решил, что я должен жить?» – и я выдёргивал иглу капельницы из вены, опрокидывал штативы, отказывался от уколов. Однажды, когда сестра со слезами на глазах побежала за доктором (после очередного срыва), пришёл здоровенный хирург и как врежет мне по лицу. «Баба ты, – говорит, – раз не застрелился, так живи и не мешай, мать твою... других спасать! Умирать будешь в другом месте! Не здесь! Или тебя сразу в психбольницу?» И я затих. Ничему больше не препятствовал, но не ел и только молчал. Меня и ещё двенадцать раненых отправили во Львовский окружной военный госпиталь... Восемнадцатое отделение...

О чём я говорил? Ну да. Во Львов... «Мрачный старый город, и люди неприветливы», – так говорили наши, выглядывая из окон «скорой помощи», пока мы ехали из аэропорта в госпиталь. Здесь всё было по-другому. Нас встретили как героев. Доктор сказал речь прямо в палате, на каждой тумбочке цветы, сок, минеральная вода...

Мне, впрочем, всё было безразлично: есть мне уже давно не хотелось, фантомные и просто боли мучили меня постоянно... Дело в том, что на многие препараты у меня аллергия: на анальгетики, на большинство применяемых тогда антибиотиков... Новокаин, и тот нельзя... Ах да! Вы читали в карточке!..

Когда меня высадили из «скорой», ко мне несмело приблизилась какая-то девчонка в белом, не по размеру большом халате и, чуть не грохнувшись в обморок, называя меня «Ванечкой», заплакала, а потом убежала прочь, закрывая лицо белой косынкой. Мне объяснили, что это жена афганца, наши её называли Гнюмиком; на самом деле у неё было редкое и странное имя – Андреана... Мы называли её Андрейкой, Андрюшкой... Ильин говорил о ней: «Голубоглазая Улыба с белой чёлкой»... Потом...

– О чём я говорил? – спрашивает он меня тихо-тихо.

– Как вы себя чувствуете? Может, будете отдыхать? Вы сказали: «Улыба с белой чёлкой».

– Нет! Не спать! Я хотел бы немного рассказать о ней с самого начала. В первые дни она постоянно бегала по коридору. Как маленькая девочка... Наши говорили, что Андреана смешная, а по мне она была (да так и было на самом деле) похожа на принцессу из одного мультика... Руки у неё такие нежные на ощупь, что держать их даже было невозможно, как шёлковые они «протекали» сквозь пальцы... Что вы улыбаетесь? На самом деле... Глаза её были голубыми и бездонными... И взгляд... как у ангела!

Андрейка была замужем, и её муж-лейтенант служил в Афгане. Мы узнали это по «солдатской почте». Она разносила нам еду, убирала посуду, мыла её, чистила всё в столовой и так далее. Никогда не видел, чтобы она просто сидела... Но самое удивительное было то, что при виде Андрейки сердце моё начинало неистово колотиться, я краснел, терялся, становился ещё более угрюмым и злился на себя, что нелюбезен с ней. Я-то думал, после взрыва – всё! – никогда не стану даже смотреть на девушек... Но тут... Она ведь – жена афганца, то есть причислена к лику тех женщин, на которых (я так считал) нельзя смотреть по-иному, чем как на сестёр. Это для меня поначалу было железно. Потому и злился на себя... За то, что хотелось, чтобы она прикоснулась ко мне, погладила по лицу, крикнула что-то (пусть даже «Ванечка!»)

Сердце (оно ведь глупое) колотилось уже и тогда, когда я просто слышал её голос.

Андрейка была учительницей...Что? Что вы так смотрите? А... Я что, говорил об этом? Видите, не одна ваша бабушка повторяется... Итак, сердце уже колотилось по поводу и без, и вовсе не от высокой температуры. Чудно, но я начал подумывать о том, что умереть я всегда успею, хотя всё так же продолжал плохо есть, отказывался от лекарств... Она спрашивала: «Что бы вы хотели покушать завтра?»

Меня никто и никогда не спрашивал об этом раньше. Моя мать жила отдельно со своей семьёй, отца официально не было, а бабуля так бедствовала, что мне и в голову не приходило чего-то просить...

...Когда Андрюшенька ко мне обращалась, я опускал глаза, боясь, что она увидит в них не то, что можно ей видеть, и отвечал хмуро: «Мне всё равно» или «То, что и все»... Однако что-то во мне менялось. Умирать уже не очень-то и хотелось. Я терпел капельницы, и швы потихоньку затягивались, температура падала.

Был у нас один безногий – Моксин. Так вот, он чуть не стал законченным наркоманом от уколов. Часто добивал всех своими истощными криками: «Поставьте мне укол, сволочи!» Когда вводили, должно быть, другой препарат, он выжидал минут десять, а потом опять по-бычьему ревел: «Это не то!!! Не то!!!» Однажды мы его прижали, одноногие посадили этого позорного козла в инвалидное кресло, отвезли «под пальму» (был у нас такой тихий уголок в вестибюле) и дали по голове, а потом тут же заставили выпить полбутылки водки... и он спал всю ночь. Просто храпел, как трактор... А утром...

Но не будем об этом. Так вот... Устал я! Нет, не спать! Я... Всё нормально, девушка!

...На чём я остановился? Ах, да! Наш Моксин чуть не стал наркоманом. Мы его «вылечили». Насмотревшись на это всё, я отказывался от многих обезболивающих препаратов, чтобы не стать таким, как он, да и потому, что пить я в жизни почему-то совсем не мог, ну разве что десять граммов... Тошнота начиналась, рвота... На группу пенициллиновых, на анальгетики у меня была аллергия, то есть я моментально начинал задыхаться, – анафилактический шок. Да вы сами знаете, что это такое. Кажется, я об этом уже говорил.

Река боли... Она течёт, и ты плывёшь в её горящих берегах. Боль непривычна, и с ней тяжело сживаться. Я обливался потом в её горячих объятиях и... старался терпеть. В Ташкенте было хуже. Мне иногда становилось очень жарко, потом окатывало холодом. Швы опять гноились и почти не заживали. Однажды вечером, в сумерках, появилась моя принцесса-мультишка с лотком со шприцами. Мы опешили... Она тихо подошла ко мне. Я подумал: «У меня бред». А она говорит: «Повернитесь! Я должна сделать укол». «А почему вы?» – спросил я хриплым голосом. «А почему нет?» – тихо улыбнулась Андрейка и совершенно неожиданно нагнулась и прикоснулась к моему лбу губами: «Опять горячий, Мишенька. Ничего, укол поможет». Наши молча переглянулись. Сердце моё тогда впервые замерло от счастья и, казалось, улетело. Я ещё немного препирался для вида, но Андрейка серьёзно объяснила нам, что их в институте готовили как медсестёр по краткому курсу и мне, мол, бояться не следует, потому как она не первый раз помогает Ирме.

Утром я проснулся в бодром настроении, но мне сказали: «Жена Афганца моет полы в коридоре», а Ильин, которому не сняли гипс с единственной ноги (второй, понятно, у него не было), тихо произнёс: «Я вообще есть не буду! Что, жена афганца будет выносить моё судно?!» Я с ним согласился. И решил: не буду есть совсем, пока не вернётся наша нянечка – Ефимовна. А может, дадут снова какого-то солдатика для уборки коридора.

...Часто отказывался от уколов, как прежде, не принимал еду... Но стоило Андрейке подойти, и я менялся. Я снова повторяюсь? Да?

...Я тоже пробовал «анестезию»: выпить стакан водки, но сначала подъехать к стене вплотную и врезаться головой... Но вы же знаете, что пить я не в состоянии... Втихомолку мечтая о принцессе-мультишке, словно подросток, влюблённый в свою учительницу, я никому не открывал этой жгучей тайны и даже во сне боялся выдать себя, иначе – наши засмеют, а Андрейка станет презирать...

С трудом перелезал в инвалидную коляску и молча, в одиночестве ездил по коридору только для того, чтобы мельком заглянуть в столовую...

– Скажите, девушка, а когда капельница закончится, вы уйдёте?

(Я отрицательно мотаю головой).

– Нет? Спасибо вам... Да! С Новым годом! Вы обязательно будете счастливы! Нет! Лучше идите... Встретите нормально Новый год, за столом... Ну как хотите... Спасибо вам...

(Он умолк и закрыл глаза. Потом открыл и внимательно посмотрел на меня).

– Что было дальше? – подсказываю ему.

– Действительно интересно? Так вот: среди нас, безногих, безруких, был один парень. За ранение в горло мы его так и прозвали – Горло. Каким-то чудом осколок застрял в шее, не повредив ни одной артерии, ни вены, не затронув серьёзно шейных позвонков. Шея и грудь у него были в гипсе, а ниже ключицы... даже трудно мне это объяснить, у него торчала прикрытая салфеткой какая-то кишка. Он так и кушал, накладывая туда ложечкой месиво, которое готовила для него в кастрюльке Андрейка, а изо рта во время еды текли слюны... Мы брезговали. Молодые были, глупые.

Но вот в это вникла Андрейка. Она порозовела от негодования. «Тимурчик! – говорит (его звали Тумурдык или как-то так), – вы будете кушать здесь, в столовой!» Наши психанули, противно, мол, но Андрейка своё: «Кто из вас, герои, ещё и человек? Кто не станет оскорблять товарища за то, что у него ранение иного рода? Ну, кто?!» В ответ – тишина... Мне стало жаль её, да и наших я знал, – не уступят, – и я подъехал к столу, где она усадила Горло. Он сидел спиной ко всем остальным, а прямо перед моим носом красовалась кишка. Поначалу мне тоже было противно. Даже чуть не вырвал, но обошлось. Зато как я был вознаграждён! Андрейка взяла меня и Горло за руки и, наклонившись к нам, сказала шёпотом: «Теперь мы как три мушкетёра!» Все с издевкой смотрели на меня, а я был так рад и счастлив... Горло вообще ополоумел. Наши его третировали постоянно за то, что он смотрел на жену афганца, так он вставал в пять утра, тихо одевался, а потом прятался на первом этаже, встречал Андрейку и помогал ей нарезать хлеб, носить ведра и кастрюли с едой... Я глядел на них с третьего

этажа. Идут они: Андрейка что-то говорит, говорит, а Горло только сгибается всем корпусом, потому что кивнуть головой не может.

Андрейка приносила книги. Разные. Первая из них была «Оцеола, вождь семинолов». Она принимала нас за детей, за учеников... Читать я любил, но до армии брался только за фантастику. Андрейка же читала, наверное, обо всём на свете. Иногда в свободные минуты мы с ней разговаривали, обсуждали прочитанное, Горло горящими глазами смотрел на принцессу и (понятное дело!) молчал, а я... пытался высказаться, но мой язык был косным и бедным. Я окончил политехнический техникум. но... Поэтому я слушал, внимая её приятному голосу и такой необыкновенно красивой русской речи. Вы не представляете, до чего она была приятной собеседницей! Остальные обитатели нашей 14-й палаты презрительно плевали в нашу сторону и больше не звали выпить. Да я и раньше этим не баловался. Для меня каждый день стал полон счастьем, светом и Андрюшенькой...

Она была так добра и внимательна ко всем. Ковальчук из Молдавии случайно рассказал ей, что до армии, мол, мечтал стать моряком, а теперь всему конец. Так вот. Андрейка принесла журнал «Огонек», и мы втихую прицепили вырезанную из него цветную фотографию: море, будто живое, волны разбиваются о берег, одинокий маяк, освещающий в непогоду путь кораблям... Потом Ковальчук дни и ночи напролёт только и смотрел на свой маяк. А уезжая, картинку домой забрал.

...Что было дальше?! Была Настя. Нет! Что вы! Я Андрейку никогда не смог бы разлюбить. Вы, верно, догадались, что я её уже тогда любил, с первой минуты. Настя – это невеста Ильина. После ранения он ей написал: прости, мол, я тут встретил женщину одну, влюбился и собираюсь жениться, а ты – свободна. У Ильина не было левой руки, левой ноги, глаза, и вообще он слева был весь сначала чёрный от ожогов, потом стал красновато-розовый, и волосы слева на голове не росли, выставляя напоказ изуродованное ухо. Он обычно лежал и просто смотрел своим единственным глазом в стену. Наши привыкли к тишине в том углу и лишь изредка доставали его, пытаясь дать выпить или просто развеселить. Но он на это не поддавался. И только Андрейка, пробегая мимо его койки с подносом, горестно и молча смотрела, останавливаясь на несколько секунд, и тихо качала головой...

Настя появилась внезапно. Она встала на пороге, критически оглядывая всех, и вдруг крикнула: «Ильин! Свинья! Я из-за тебя притарабанилась сюда из Свердловска! Я обшарила весь Союз, чтобы дать в морду твоей бабе!» Ильин от неожиданности кувыркнулся с постели, схватил костыли и всё поворачивался к Насте правой стороной. Она обняла его, они поцеловались, при этом Ильин всё отворачивался влево. Потом прекрасная гостья со всеми знакоилась; меня, шутя, чуть не стащила с постели.

Это было нечто! После того как жена прапорщика Синиченко (он обитал в соседней палате, но постоянно находился у нас) бросила его только за отсутствие одной ноги (может, и не совсем поэтому, а просто действительно полюбив другого), мы твёрдо уверовали, что такими, какими мы стали, никто из женского рода не заинтересуется, ну разве какие-нибудь даже себе не нужные... Наши громко материли всех баб, а когда, стоя посредине палаты, прапорщик Синиченко хриплым голосом требовал: «Анестезия!», – с сочувствием подносили ему стакан с водкой, если, конечно, таковая была, потому что доктор наш и Андрейка вели против сего питья жестокую войну. Однако все жили надеждой, часто судачили о бабах, всё-таки чего-то ждали от жизни. Кроме Вантеева, которому осколок попал «по центру», говорили, что у него не будет детей.

... Настя и Володька Ильин поженились там же, во Львове, и провели свою первую ночь у нашего доктора в квартире. Глаз новобрачного горел счастливым огнём. Андрейка и Вантеев были свидетелями на их свадьбе. Вечером Андрейка принесла нам разные угощения со свадебного стола – жена нашего доктора постаралась... Принцесса смешно танцевала с Горлом и поздно убежала домой, оставив меня в ужасной тревоге, потому что была такая красивая с распущенными светлыми волосами, её глаза излучали голубое сияние, и я опасался, чтобы кто-то её не обидел там, в большом и чужом городе. Дураков и подонков везде хватает. Тогда я ещё наставлял Тимура: «Эх, Горло! Не смотри ты на Андрейку такими глазами! Понял? Она замужем! Не просто так, – жена афганца!» Поведал я ему, зная, что мой молчаливый друг был нем, как стена, о моей бесконечной любви к Андреане. Горло смотрел на меня широко открытыми раскосыми глазами со страхом и преданностью. Стали мы с ним закадычными друзьями: он помогал мне пересаживаться в коляску, из коляски на стул, даже на унитаз, мыться, стирать подворотнички для госпитальной пижамы. Он драил полы за Ефимовну, пока та болела, чтобы освободить от этого Андрейку.

...Я никому не сказал о том, что видел, как плакала Настя. Это было на второй день её приезда. Пока Горло с Андрюшенькой пошли за обедом с ведрами, я хотел втихую покурить, пока никто не

видит. Качу по аллее госпитального парка и слышу, как будто тихонько скулит щенок, словно попал в западню. Подъезжаю ближе... А там – Настя, спрятавшись за скамейкой, зажав рот ладонями, тихо скулит, и потоки слёз, смешанные с тушью, стекают по её побелевшим от напряжения пальцам. В отделение я с трудом вернулся сам и долго не мог найти себе места. Глядя на счастливого Ильина, я думал о том, кого оплакивает Настя: своего любимого, себя или их общее будущее? Я знал, что это Андрейка вызвала её, подглядев адрес в записной книжке Ильина; всё так хорошо складывалось. Я об этом никому не сказал, даже Горлу... На следующий день Настя объявила, что они женятся. Мне сорок один, но тогда, даже без ног, больной, с плохо заживающими ранами, я был так счастлив, как никогда более в моей жизни. И что бы я ни делал – учил играть в шахматы Горло (он был способный ученик), читал книги, принесённые Андреаной, нарезал хлеб, помогая ей, просто просыпался по утрам, лежал под капельницами, страдал от боли, кусая уголок полотенца, – я был счастлив, потому что моя любимая улыбалась мне, она была рядом и я мог смотреть на неё... Первые два месяца пролетели быстро. Мы с Андреаной никогда не оставались одни, но часто исподволь подолгу смотрели друг другу в глаза и, конечно, разговаривали.

Однажды я сидел возле окна и наблюдал, как носятся ласточки – и под крылышками животики у них светло-коричневые, а грудки белые-белые... Подошла Андрейка, грустная и задумчивая. «Окно, – говорит, – вымыть надо». Я возьми и спроси: «Скучаешь по своему мужу?» А она мне и отвечает, что очень мало его знала до замужества – три дня... Ивана бросила невеста прямо в день свадьбы... Он одинокий и печальный сидел в парке, на лавочке, а через три дня должен был следовать для прохождения службы в ТуркВО, то есть в Афганистан, где шла война, о которой тогда мало писали.

Андрейка выслушала лейтенанта, посочувствовала, а через два дня он предложил ей выйти за него замуж... Военных расписывают сразу... Иван уехал, так вышло, что муж он ей только по документам. Брачной ночи у них не было. Так получилось из-за путаницы в проездных документах и в предписании. «Однако так оно и лучше, – заключила Андрейка, – он будет знать, что я девушка и верно его жду».

Я открыл рот, не зная, что сказать, но почему-то буйная радость захлестнула меня. Не то чтобы я любил бы Андрейку меньше – просто это почему-то дало мне тайную надежду... «Ты считаешь меня глупой? Да? Скажи! Ты ведь мой друг!» – вопрошала моя милая принцесса, а я искренне отвечал, что думаю о ней как о самой умной девушке на свете. Я обещал никому не рассказывать об этом, а для себя наконец решил загадку, почему Андрейка приняла меня за Ивана – она его плохо помнила.

«Знаешь, ласточки никогда не ходят по земле, они касаются её, грешной, только когда берут материал для своих домиков», – сказала мне тогда Андрейка.

Потом... Я упал в столовой. Промохнул, когда хотел сам пересест с коляски на стул. Ударился культями об пол и чуть не завыл от боли. Андрейка бросилась ко мне, плачет и (такая смешная!) обняла меня под мышки, силясь поднять и посадить в коляску... В столовой наступила гробовая тишина, наши даже дышать перестали, наблюдая такую картину, а я вообще вознёсся на небо от счастья. «Что ты делаешь, милый друг Андрейка! – заулыбался я. – Я сам...» А она всё плачет, и мы невольно обнимаемся... Потом наши, конечно, сказали, что я понарошку упал, но это ложь... После этого дня что-то, словно разряд, пронеслось между нами, и мы чаще стали смотреть друг на друга. Даже непроизвольно. О! Я был счастлив. Стояла прекрасная погода, знаете ли: Андрейка, солнце, госпитальный парк... Маленький котёнок, шебаршащийся у меня на животе под пижамой... Андрейка... Она подобрала его во дворе и дала мне спрятать от доктора, отогреть... Каждая минута была наполнена ею, а в те дни, когда у моей дорогой принцессы был выходной, то есть её не было в отделении, было счастье ожидания...

Теперь я просыпался утром раньше всех, бросал полотенце в Горло, он помогал мне пересест в коляску, умывшись, мы шли встречать нашу Андриюшеньку... Как-то раз я подговорил Горло нарвать цветов на клумбе. Он и наломал дров. Его привёл за ухо начальник госпиталя и отпустил только тогда, когда узнал, что наш Горло – афганец.

Я говорил, что Тимур очень быстро научился играть в шахматы, гораздо лучше меня. Он часами сидел над ними и думал, передвигая фигуры и шевеля губами. В его глазах отражались квадратики доски, но стоило мне взять Андрейку за руку, как он тут же выпрямлялся, забывая о шахматах, свирепо и немо пялился на меня.

Потом Горлу сняли гипс, убрали кишку. Он стал парень хоть куда, но первое время всё равно не поворачивал шею, утвердительно кивал, нагибаясь всем корпусом, словно складной ножик, и (увы!)

был немым. Когда Горло на несколько дней поместили в реанимацию после операции, мы с Андрейкой ходили его навещать. Плутая коридорами, мы попали в административный корпус и оказались в тихом тупичке... Там впервые поцеловались. Я был не в состоянии разомкнуть объятия. «Как необыкновенно хорошо целовать любимого человека!» – прошептала мне Андрейка. (Объяснение в любви произошло у нас раньше).

Потом мы бежали к Горлу. Пристально взглянув, он печально ткнул в каждого из нас указательными пальцами обеих рук, соединил их и осуждающе посмотрел мне в глаза... Андрейка растерялась, всплакнула и сказала, чтобы Тимур не думал о нас плохо. Тогда мы опоздали к ужину...

Тот тупичок впоследствии стал настоящим пристанищем нашей любви. Сколько мы там говорили-переговорили... Обо всём в нашей жизни поведали друг другу. Конечно, был у нас пособник в этом деле – Вовка Ильин. Он выходил с нами будто бы гулять, а потом садился где-нибудь и читал, оставляя нас наедине.

Андрейка всем толковала, что теперь для нас выход один – учиться дальше. Она взялась меня и Горло готовить по русскому языку и литературе для поступления в институт. Потом к нам присоединились Ильин и Вантеев. Андрюшенька диктовала, мы писали, потом разбирали ошибки, получали домашнее задание. Горло (до последней операции) бегал, словно ошпаренный, помогая нашей принцессе, чтобы она побыстрее управилась со своими делами и позанималась с нами. Но, по-моему, только Вовка Ильин к занятиям относился серьезно. Я учил правила грамматики, потому что так хотела наша милая учительница, Вантеев – от скуки, ну а Горлу всё равно что было делать, лишь бы быть рядом с Андрейкой.

Ещё раньше этих событий произошло вот что...

Как-то к нам приходили выступать молодые артисты. На концерте Андрейка, умилённая красивыми голосами певцов, положила мне руку на плечо, а я нечаянно её поцеловал. В этот момент на нас посмотрели доктор и Ирма, Андрейка смутилась, покраснела и убежала... Несколько дней она почти не глядела в мою сторону, а я боялся приблизиться к ней. Что же мне было делать? Как попросить прощения за свою выходку? Взял я тетрадку для сочинений и написал: «Прости меня, Андреана, так получилось. Мне ампутировали обе ноги, но почему-то оставили сердце...» Потом она плакала над моими словами, а я всё ещё не решался приблизиться к ней. Как-то попросила она написать об Афгане, предложив несколько тем. Я выбрал тему: «Питание советских военнослужащих в Афганистане». И написал более-менее правду: «Кормили нас хорошо, сухой паёк, конечно, был в виде чёрных (словно мыльных) сухарей и тушёнки в состоянии сплошного растопленного жира, борщ или суп не остывал в той жаре до самого вечера...» Гляжу – открыла Андрейка мою тетрадку, и слёзы покатались по её щекам. Мне хотелось, чтобы она улыбнулась, прочитав о супе, а она – плакать! Жалостливая была очень... наша Андрюшенька. Иногда она оставалась ночевать в отделении (если дежурила вместо Ефимовны), а мы с Горлом помогали ей, потом в сумерках рассказывали всякие истории... Точнее, рассказывал я. О том, как мы стояли в карауле, как хотелось спать, но этого делать было категорически нельзя. Горы таили столько опасности, особенно ночью. Однажды на нас напали, но мы успели занять позиции... Впрочем, это неинтересно.

(Мой рассказчик замолчал, а я уставилась в окно. Скоро мне невыносимо захочется спать. За окном светло, бело, празднично. А я здесь... Слушаю этого человека. Зачем мне это? Но я прошу его продолжать. Мне на самом деле интересно, что было дальше).

...Я подарил Андреане теннисный шарик... Она обрадовалась, и мы, воображая, что книги – это ракетки, начали играть. Играли долго и весело. Одноногие, гонявшие самодельный мяч в коридоре, потянулись к нам, мешали, галдели, стучали костылями, пока я не послал их куда подальше. Андрейка приносила нам радость, но я так ревновал её (глупец!) к каждому взгляду, к каждой улыбке...

Потом был отъезд Горла. За ним приехал какой-то мужик, видимо, родственник. Всем нам были положены сопровождающие, которым оплачивали стоимость проезда. Так вот: Горло молча подошёл к Андрейке, встал перед нею и шевелит губами, она протянула ему руки, поцеловала в щеку: «Прощай, дружок! Будь счастлив, пиши!» А когда она поправила ему воротничок, он вдруг схватил её за руки, прижал к груди и будто окаменел, только слёзы катились из глаз. И смех и грех... Минуты летят, тот мужик что-то на туркменском лепечет: «Гыр-гыр-гыр!» А Горло все стоит и плачет. Наши сначала посмеивались, потом зашептались, головами качают. Вот такой он был, наш Горло, молчаливый и упрямый. Вантеев не выдержал, подошёл к Горлу сзади и прошептал: «Баран! Отпусти руки!» О! Как я понимал Тимура! Я не представлял, как сам буду прощаться с моей любимой! Я не вынесу

разлуки. Это было очевидно. И прокручивал в мозгу разные варианты прощания. Единственное, что мне остается – это надежда когда-нибудь её увидеть. Но, увы! Этому не суждено было случиться...

Однажды, когда мы мыли в растворе шприцы (как обычно помогали Ирме), случайно вошёл наш доктор. (Мы целовались после каждого вымытого шприца). Я видел его, а Андрейка – нет, так вот он тихонько вышел, а я решал, сказать принцессе об этом или нет. И не сказал...

(В голове у меня крутилась мысль: «Какая древность – мыть шприцы!» А Михаил замолчал и закрыл глаза. Потом открыл их, взглянул на меня, на капельницу и, вздохнув, сказал: «Идите, девушка! Празднуйте! Новый год ведь!» Но я, помня просьбу главврача «не покидать ни на минуту этого больного», спросила: «А что же такое случилось?» Он поднял свои серые глаза и пристально посмотрел на меня).

...Чего греха таить, попав однажды в тот тупичок в коридоре административного корпуса, мы стали частенько туда наведываться, чтобы побыть наедине. Я словно рехнулся от счастья... Она сказала, что очень любит меня, и мы решили быть вместе, а Иван, если вернётся, поймёт. Скрываться от всех было уже невозможно, иногда я в порыве нежности ловил её нежную руку и целовал тонкие пальцы. Даже наши смирились, не обзывались больше, не глумились, а говорили, выглядывая во двор: «Твоя сегодня в голубом, иди, встречай!» Было необыкновенно хорошо. Как-то отмечали мы двадцатилетие нашего молдаванина Гицу, супруга доктора испекла торт, включили музыку, и кто-то полушутя-полусерьёз пригласил Андрейку на танец, но она сказала: «Спроси у Миши!» «Я против! – крикнул я. – Разрешаю только с Павлом Ивановичем!» Андрейка закружилась передо мною, весело смеясь и танцуя с собственной тенью, а я невольно испугался, подумав: «Какая она красивая! Они (я не подумал, кто именно "они") мне её не отдадут». Хотелось разрыдаться от невыносимой душевной боли, от безысходности...

Оставалось мне находиться в госпитале около двух месяцев. Поначалу я очень скучал по Горлу, моему немому собеседнику. Андрюшеньке никто не помогал таскать вёдра с едой, но постепенно и это уладилось: привезли новую партию таких, как и мы, так что даже к доктору не пришлось обращаться за содействием – нам прислали в помощь солдатика... Мы с Андрейкой ждали моих новых ног – протезов.

Однажды там, в нашем тупичке я рассказывал своей принцессе об аистах, которые живут на крыше бабушкиного сарая; о том, как они выбивают дробь длинными красноватыми клювами, запрокидывая голову, и о том, как эти красивые птицы верны друг другу. Мне в детстве всегда хотелось знать, что они думают о нас, глядя с высоты... Андрейка внимала моим рассказам, ей хотелось знать всё. Я сидел на своём любимом дереве, когда бабушка поругала, а меня искали по всей округе; и как завелись муравьи в бабушкином отрезе натурального шёлка... Мы даже не заметили его – начальника госпиталя. Я знал этого толстяка: он частенько заходил к нам в отделение, чтобы распекать своими нравоучениями нашего доктора и сделать всем «разгон демонстрации». Боров, одним словом, хряк. Он встал, упёршись руками в бока: «Ну-ну, голубки! Какого чёрта вы здесь творите?!» и так далее. Мы спешно собрались уйти, извинившись, но он, видимо, уже давно подслушивал и подглядывал. Боров приказал мне подождать здесь, а Андреане следовать за ним, и я слышал, как он кричал (свинья!) на мою принцессу. «Ну что, развлечение нашла! У тебя муж в Афгане, а ты времени зря не теряешь!..» И так долго ещё... Моя милая Андрюшенька не заслужила таких оскорблений! Я двинулся к кабинету (он даже не закрыл дверь), а оттуда как рявкнет: «Иди с глаз! Завтра в девять ко мне!» Андрейка пробежала мимо меня в слезах... Он вышел, позвал меня и начал говорить совсем другим тоном, а я сидел пригвождённый своим увечьем к коляске и молчал... Мне хотелось броситься на него и загрызть, но во многом он был прав... И в том, что я – «безногий», «полмужика», «какой прок от меня будет семье», «даже на первых порах красавица эта вынуждена будет превратиться в няньку», «никакой перспективы», «а у неё муж – офицер!»

Да, он был прав. Я с тоской подумал о том, что не успел перед армией сделать новый туалет и он стоит там, на семи ветрах, подпёртый бревном, чтобы не рухнул совсем... И домик у бабушки ветхий. Что я предложу ей, моей любимой? Работа... Там своих учителей хватает, никого не выгонишь, а детей становится все меньше... Одним словом, перспективы никакой. Сапу в эти нежные руки и в соххоз? Но я слишком люблю её, Андрюшеньку, чтобы обрекать на неудобства и мучения. Она достойна лучшей участи. У меня опустились руки. Я люблю её, отдам жизнь за мою принцессу, так неужели же я не перенесу боли разрыва с нею?

Тогда я ещё не знал, что эта боль будет нестерпимее той, которая уже давно была рядом со мной... И почти не слышал, что рассказывал Боров о своей бывшей жене, которая как сыр в масле каталась,

а когда тот убыл в Афганистан, снюхалась с каким-то сопляком-лейтенантом и по сей день мотается с ним по разным отдалённым гарнизонам. Худая как щепка и страшная как облезлая кошка.

Я молчал. Мне нечего было сказать. Сердце обливалось кровью. Это был конец. Мучительное прозрение. Я был слеп и глуп. И чуть не испортил жизнь моей Анрюшеньке.

Покидая кабинет Борова, я всё-таки рассчитывал, что мы ещё встретимся с Андейкой.

Неужели всё так и закончится? За ночь я много передумал, глаз не сомкнул. Наступило утро вместе с самым горьким разочарованием – Андейки больше не будет в нашем отделении. Я случайно услышал это от новой официантки. Мучаясь неизвестностью, я не ел и не спал. Когда Ильин тихо спросил меня, что случилось и где Андреана, я поднял на него глаза, и он сразу всё понял и умолк. Никто меня больше не трогал. Не нарушая обещания, данного Борову, я всё-таки увидел ее...

Однажды, когда солнце клонилось к закату, а ласточки, готовясь к отлёту, шныряли в небе, я немо сидел в коридоре и смотрел в глубину госпитального двора. Мимо прошла Ирма и приказала мне убраться, потому что она собиралась включить кварцевую лампу. Андейка появилась внезапно (говорили, что она теперь работает где-то в административном корпусе). Зачем я только пообещал Борову никогда не подходить к моей милой учительнице?!

Андейка была в светлом плащике, тоненькая, маленькая... Она остановилась и, подняв голову, несколько минут смотрела на окна моей палаты. А меня там не было! Рванул окно – не открывается! Сердце готово вырваться из груди... Вот она уходит... Заплакав от бессилия, я подумал: «Правильно! Правильно, любимая моя Андейка! Лети, моя беленькая ласточка! Как ты попала, моя нежная, в эту афганскую круговерть? Зачем тебе всё это? Он всё-таки лейтенант, твой муж, офицер. Перспектива... Вот Ирма ходит по коридору и всё тело на ней вздрагивает при каждом шаге, но замуж – только за офицера! Интересно, где она его возьмёт целого-то у нас, в 18-м отделении?»

На какой-то миг я даже возгордился тем, что так страдаю и всё-таки отпускаю мою принцессу.

А потом снова заплакал.

(Сонемного отступил, настолько эмоционально рассказывал Михаил. «И это всё?» – разочарованно подумала я. Но он продолжал тихо и монотонно).

...Прошёл ещё месяц, и меня вместе с девятью нашими отправляли в Саки, в санаторий, на месяц-два для окончательной поправки. Кое-как я всё-таки встал на протезы, мало-помалу ходил с костылями, в день отъезда молча собрал свои малочисленные пожитки, и меня первого усадили в «скорую», которая должна была подвезти нас к поезду. Ветер гонял жёлтые листья... Вот и всё. Сердца у меня уже не было, – оно умерло без Андейки...

Доктор, Ирма, Ефимовна и ещё пару медсестёр – все стояли на пороге, провожая нас грустными взглядами. Свыклись за столько месяцев. И вдруг появилась Андреана. Она молча кивнула, приветствуя всех, и подошла к «скорой». Я было рванулся, но наши толкнули меня обратно: «Уже едем!» Андейка, увидев меня, улыбнулась одними губами и, подойдя совсем близко, приложила ладонь к стеклу. (Мы так приветствовали друг друга, прижимая ладонь к ладони). Я приник губами в том месте, где была её рука. Андейкины губы произнесли что-то вроде: «Я жду тебя!» или «Я люблю тебя!» «Я вернусь! Обязательно вернусь!» – ответил я. «Скорая» тронулась.

Потом было море, Саки... С первого дня сел писать письмо моей Андреане. Хотел утешить её тем, что речь моя – вполне литературная, что она, моя дорогая учительница, не зря тратила время, занимаясь со мной. И чтобы слова звучали получше и красивее (ведь впервые буду объясняться в любви в письменной форме) и не было ошибок. Написал шесть страниц, порвал. И так несколько раз. Мне нравилось сидеть на балконе и, замерзая, слушать рокот моря (его я видел впервые). Мы с Андейкой мечтали поехать в Афганистан. Потом, когда всё уляжется... Я обдумывал, что скажу Ивану, когда буду с ним объясняться. Эх, лейтенант! Ты не можешь любить её так, как я!

(Я вдруг задала вопрос, о котором впоследствии пожалела: «И зачем только вы там воевали? Кому это всё было нужно?» Его взгляд стал жёстким и презрительным).

«Нас послала Родина! Это как мать. Что бы было, если бы сыновья перестали выполнять заветы матери?! Были, конечно, подонки, которые откупались от службы, предавали нашу страну, сдаваясь в плен, но таких, к счастью, было мало. О них и говорить не стоит!» – Наш замполит перед боем всегда повторял эти слова. Мы не хотели воевать – мы шли помочь... А наш ротный (его убили в последнем бою) сказал: «Хлопцы! Не будем здесь мы – будут американцы! А нам разве нужны американцы под самой границей?» Вы видите, время показало – прав был ротный!

(Он так разволновался, что я опешила. Я проверила капельницу и невольно придерживала его

руку. Он успокоился, устало замолчал и закрыл глаза.

Я посмотрела в окно: где-то там было шумно и весело, гроыхали петарды, а мне было тоскливо и хотелось спать. «Не спать! Не спать!» – тоже повторяла я себе. Капать осталось совсем немного).

... В ослепительно-белом коридоре стояла «ватная» тишина, неприятная такая. В детстве, когда у меня болели уши, мне их закапывали, потом закладывали ватой, и я чувствовала себя оставленной всеми и очень одинокой. Я кричала: «Не хочу! Не хочу!», а слышала только голос, который был внутри меня. И вот теперь я иду по этому коридору и не слышу собственных шагов. Вдруг впереди себя вижу двоих: кто-то (может, из соседнего отделения? Какого чёрта!) в белом халате толкает инвалидное кресло. Мне так странно. С негодованием хочу догнать этих двоих. Кто они? Что здесь ищут? Это женщина, а в кресле – мужчина. Я медленно приближаюсь к ним...

О, Боже! Он оглянулся. Бача! Моё сердце остановилось, опрокинулось от непонятного ужаса...

Я проснулась так резко, казалось, что-то сломалось у меня внутри. Кинулась к пациенту. Фу-у-у-у! Как же я испугалась! Капельница была отключена. Может, он сам её отключил? А может, это сделала я? Михаил спал. Лицо его стало каким-то незнакомым, черты заострились. Кто же ему подал судно? После таких капельниц это необходимо. Взглядом отыскала протезы и костыли – они стояли далеко от кровати. Странно. А когда обнаружила у себя на плечах кофту, успокоилась – её я оставила вчера на посту, потому что мне было жарко. Всё ясно. Он встал, сходил в туалет и принёс мне кофту, пожалел будить. Но ведь ему это не под силу! Михаил дышал спокойно, размеренно. И я отправилась сдавать смену. «Спите спокойно, Бача! Послезавтра опять мое дежурство, и я расскажу вам свой странный сон», – подумала я.

Когда наступило послезавтра, я первым делом, приняв смену, пошла в седьмую палату. Она была пуста. Матрац сложен, постельное бельё убрано. Я кинулась за объяснениями. «Афганец умер позавчера», – сообщили мне. Не может быть! И вот я стою у дверей главврача. Слёзы непроизвольно текут. Бача умер! Его больше нет! Я же сделала всё как надо! Что же произошло за те полчаса, пока я спала? Не нужны мне эти сто долларов! Не хочу! Верну сейчас же... Благо, я их не потратила.

Главврач был недоволен, что я его жду с самого утра. Услышав мои объяснения, он невольно поморщился: «Я думал, с вами что-то произошло! Успокойтесь. Пациент был обречён. Ну успокойтесь же. Это переходит всякие границы!» Но я снова расплакалась и повторила, что сделала всё как нужно. Со мной такая истерика началась, что мне, по его настоянию, пришлось принять двойную дозу ново-пассита, но и это не помогло. В итоге меня отстранили от дежурства.

* * *

Я и не знала, что большой дом под зелёной черепицей принадлежит тому самому Николаю – другу Бачи... Такой уж я человек. Если я решила вернуть те деньги – значит, должна это сделать обязательно, иначе мне житья от себя самой не видать... Не стану вам рассказывать о том, что, когда я без труда проникла в тот самый дом – меня чуть не разорвала собака. И о том, что хозяин собаки одиноко сидел в таком же большом, как и дом, зале, один, за уставленным разносолами столом. Он был слегка пьян.

– Ты – журналистка! – недовольно изрёк он.

– Да нет же! Я была в новогоднюю ночь с Михаилом ... – мне было обидно, что так всё вышло, и внутри у меня всё ещё колотился страх, который нагнала эта собака.

– А-а-а-а... Девушка! А я всё прикидываю, где вас видел? – сказал он. Я заметила, что возле каждого прибора на столе стоит стакан, наполовину наполненный и прикрытый куском хлеба. – Шурави! – продолжал этот странный хозяин странного дома. – Сегодня к нам пришла прекрасная девушка. Она не журналистка! Она... просто девушка!

Вдруг он вытянул руку, указывая на первый стул справа возле себя: «Знакомься!

Вадим Новиков... с Украины! Бадре Цкипурашвили ...»

– Здравствуйте! Здравствуйте... – кивала я каждому пустому стулу.

Хозяину это чрезвычайно понравилось. Он представил меня всем стоящим здесь пустым стульям. А когда рядом с ним слева оказался Бача, он же Миша Дегтярёв, – я всё поняла и сквозь слёзы посмотрела на этого уже немолодого человека.

Он крикнул:

– Я попросил, чтобы моя жена выпила со мною за моих ушедших друзей, но она... Сучка крашенная! Просто развернулась и ушла! А я вот скоро тоже умру! Фиг я ей после смерти что-нибудь оставлю! Она настроила против меня дочь. Понимаете, пионеры (или кто там теперь у них!) пригласили меня выступить перед детьми и рассказать о том, как мы воевали в Афганистане... Так дочь мне заявила: «Если ты пойдёшь, то больше моей ноги там не будет! Я брошу школу...» Вот! А я думал... Оставлю ей все заправки, мне принадлежащие... Друг Бачи продолжал:

– Пацаны! Помните, мы, лёжа на пузе в той «смешной» операции, так хотели жрать, что казалось, земли наелись бы! А ничего ни у кого не было... Так вот, девушка, наливай! Хлопцы есть хотят! Поддержи компанию!

Мы выпили, закусили. Друг Бачи матерился вслед каждому произнесённому слову. Но этим меня удивить невозможно. У нас в медколледже так матерились, что даже директору приходилось вмешиваться.

Он не мог мне много рассказать о Баче и его большой любви, потому что был уже изрядно пьян, денег обратно, конечно, не взял, но произошло кое-что другое – когда я укладывала его в постель и отстёгивала протезы, он вдруг представился: «Прошу любить и жаловать – Николай Моксин!» Я с удивлением уставилась на него и чуть не брякнула: «А! Знаю, знаю! Вы тот, кого лечили от наркомании таким своеобразным способом!»

А знаете, что произошло с безногим пареньком Мишей Дегтярёвым и Андреаной? Они больше никогда не встречались, потому что, когда Миша приехал во Львов, за два дня до этого Андреану увёз муж в неизвестном направлении. Письмо Миши пришло в отделение с большим опозданием... Она его, разумеется, не читала. Бача сильно напился, и его, еле живого, доставили в комендатуру, потом, разобравшись, в госпиталь, а там уже не могли его принять (не положено!), и доктор лечил его у себя дома: ставил капельницы, уколы... А потом, сколько Бача ни искал Андреану – напрасно изводил бумагу, – никто ничего не знал. Он был женат два месяца на какой-то журналистке (она была светленькая и с голубыми глазами), которая просто прописалась у него в квартире, а потом каким-то образом выписала Михаила оттуда. Последние годы жил в одиночестве, в старом доме своей бабушки и уже не работал в школе (он стал, как и Андрейка, учителем), потому что детей в деревне стало уже совсем мало и школу закрыли.

Знаете, Моксин отдал мне личные вещи Бачи. А там... тысяча писем! Они адресованы одному и тому же человеку – Тюриной Андреане. Разве можно не искать эту женщину, которая осветила всю его жизнь? Она должна его оплакать! Одно письмо вскрыто. Его прислала Ирма в ответ на письмо Миши, не знает ли она чего-нибудь об Андрейке. Ирма оправдывалась, что тогда просто хотела спасти семью. Письмо без даты, но, судя по марке на конверте, – написано ещё при Советском Союзе. На конверте нет адресата. Это единственное письмо Андреаны к Мише. Вот оно:

«Милый друг мой, Мишенька!

Зачем ты отрёкся от меня? Что тебе наговорил этот Толстяк? Я не верила ему, что ты больше никогда не приблизишься ко мне. Он взял с меня слово, что я первая не стану нарушать это обещание. Приехал мой муж. Он вовсе не такой, каким я создала его в своих мыслях. Обращается ко мне просто: «Женщина!» Мишенька, он пьёт. Пьёт постоянно. Сядет сам, смотрит в одну точку и пьёт, пьёт. Я плачу, но никто не хочет видеть моих слёз. «Ваня! – говорю. – Поделись со мной: что с тобой произошло! Не пей! Это плохо закончится!» «Не твоё дело, – говорит, – женщина!» Что он такое увидел в этом Афганистане? Где тот юноша с печальными глазами?

Я так скучаю по тебе, любимый мой! Вспоминаю твои губы, руки. А ночью ...

С тобой у нас всё было бы по-другому. Наверное, было бы прекрасно! Я поссорилась с мамой. Она и слышать не хочет о тебе. Ей, видите ли, нравятся все: и Иван, и его родители. Я должна бороться за своего мужа. Мне его никто не искал... И так далее...

Почему ты молчишь, Мишенька?! Я хотела убежать к тебе в Саки, но так и не дождалась письма. А потом подумала: а может, у тебя другие планы, в которых нет меня. И снова плачу. Хотя так оно и лучше, если твоё сердечко не болит так, как моё.

Ты хоть думай обо мне иногда, Мишенька!

Андреана.

PS.

Мы уезжаем куда-то в Молдавию (!). Письма от тебя так и нет. Прощай».

Почему я пришла к вам? Вы ведь писатель. Я кратко рассказала всё то, что рассказывали мне Бача и его друг... Помогите всё это воссоздать...

Понимаете, тогда, 3 января, я вернулась очень выпившей домой. Но вы же это видели! Ужас! Такое было впервые в моей жизни. Притащилась и, смотрю, – опять 100 долларов у меня! И письма... Вспомнила, Моксин всучил мне их, чтобы я сожгла... Представляете! Эти злосчастные доллары опять у меня! Расплакалась от отчаяния. Разложила письма Бачи по всей комнате: он писал ей все двадцать лет! У меня не поднималась рука их сжечь! Ну и случай! Так было с нашим дворником. Сосед из 3-й квартиры всё давал ему «на бутылку», чтобы тот топил слепых котят его плодovitой кошки, а дворник подношения брал, но несчастных эмбрионов сдавал сердобольной учительнице биологии, которая выхаживала их, кормила из пипетки... Потом всё открылось – учительница заболела, и во дворе появились штук двадцать потомков породистой кошки... А дворник, напившись, орал, что он «не палач, не палач!»

Я смешно и непонятно рассказываю, да? Не могу сжечь эти письма! Даже за 100 долларов! Тогда, 3 января, я сидела, закрыв лицо волосами, и плакала. Что должны подумать родители, когда дочь в таком состоянии сидит и оплакивает лежащие перед ней 100 долларов! Смешные, они меня обнимали и говорили, что любят, что бы со мной ни произошло! А письма... они лежали вокруг... тихо и обречённо. Все эти белочки, растения из Красной книги, знаменитые учёные и так далее, изображённые на конвертах, замерли в ожидании своей участи. Но я же не палач! Надо найти Андреану! Вот я и обратилась к вам.

Дело в том, что есть (или уже нет?!) передача «Жди меня». Так вот. Надо написать так, чтобы читающие это разжалобились и нашли Андрейку. Я вручу ей письма или перешлю...

Интересно, какая она? Помнит ли Бачу?

А я вам за это... дам 100 долларов! Ну что? Помогите...

2008 г.

Владимир СИЛКИН

Родился в г. Рязске Рязанской области 14 октября 1954 года. Заслуженный работник культуры РФ, Секретарь Правления, председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России, председатель Правления Союза писателей баталистов и маринистов, заместитель председателя Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов, директор Военно-художественной студии писателей. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий, в их числе «Соловьи, соловьи...» имени А.И.Фатьянова, «Прохоровское поле», С.Есенина, В.Маяковского, «Золотое перо Руси». Автор более 25 книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен. Кавалер ордена Почета. Почетный гражданин города Рязька, Почетный краевед Рязжского района. Его имя носит Рязжская городская библиотека №2 и литературный салон в Рязжском краеведческом музее. Кандидат педагогических наук.

В имени Скобелевых в Заборове

М.Д.Скобелев – первый губернатор Плевена. В Болгарии ему открыто более 450 мемориалов и памятников.

Здесь каждый лист о нем напоминает
И даже пыль на узенькой тропе,
Но где тут конь лежит Геок-Топе,
Никто уже, наверно, не узнает.

Пред ним, святым, Болгария чиста!
Как чтит его благоговейно Плевен!
Когда-нибудь и мы зерно от плевел
Очистим, чтобы он сошел с креста.

19 декабря 2008 г.

В тайге

Голосует солдат – тормозят.
– Как там, в армии, есть «дедовщина»?
А водителю лет пятьдесят,
И, похоже, что он не мужчина.

Не служил и ему все равно,
Есть там гладиться чем или бриться.
– Вот посмотришь, такое кино
В этой армии самой творится!

А попутчик в ответ ни гу-гу,
Только лишь желваками играет.
И бежит колея сквозь тайгу,
И водитель всю завирает.

В упоении давит на газ,
Кроет взводного, кроет главкома,
И не в первый, наверно, раз
Отслуживших подвозит до дома.

Развернется и снова в тайгу,
И другого в кабине устроит,
И солдату, как будто врагу,
Он об армии тайну откроет.

18 марта 2009 г.

Воспоминание о Вене

Холодно. Ветрено. Вена.
Фото на память вдвоем.
Встретимся мы непременно
И помолчим о своем.

Что-нибудь вспомним, напишем,
Что-то забудем сказать.
Будет с оранжевой крыши
Дождик на землю сползать.

Будет с деревьев сочиться,
Будет и нас целовать.
Встретимся, чтоб научиться
Радость другим отдавать.

14 декабря 2008 г.

Шестая рота

Рота может развернуться –
В бой пойти и не вернуться,
В камне, бронзе жить в веках.
Рота может содрогнуться,
Но от боли не согнуться,
Удержать себя в руках.

А еще врага держать
И пред смертью не дрожать.
Рота может в землю лечь,
Чтоб гора в Генштабе с плеч.

5 марта 2009 г.

Поэты

Была страна и нету,
Но живы до сих пор
Советские поэты
Расул, Кайсын, Егор.

Но чтоб ни говорили,
Их Родина жива.
Они нам подарили
Заветные слова

О матери и чести,
О поле и горах.
Они поныне вместе
И в бедах, и в пирах.

И в радости, и в боли
Они в одной стране.
Шагают диким полем
В оглошей тишине.

Других за ними нету,
Никто так не поет...
Пока живут поэты
И новый день встает.

Пока следят за нами
Седые лики гор,
Останутся друзьями
Расул, Кайсын, Егор.

* * *

Скоро, скоро заметет,
скоро
Чистым снегом зарастет
город.

Буду мерзнущих кормить
уток,
Будет мало, чтобы жить,
суток.

Перед пулей не дрожал
Клятой,
Никому не задолжал
злата.

Может, близких я любил
Мало?!
Но ведь сыном добрым был,
мама!

Егору Исаеву

Что ж хоронят-то меня
рано?!
Я копченный от огня,
в ранах.

Я еще вернусь в родной
город.
Скоро снег пойдет стеной,
скоро...

15 декабря 2008 г.

* * *

Научусь и я прощать,
Все обиды позабуду,
Хмурых встречных превращать
Я в людей веселых буду.

Улыбайтесь! Ваш черед!
Посмотрите, как светает.
И болезнь нас не берет,
И душа не отлетает.

Без души нам грош цена,
И она жива покуда,
Если все-таки страна
Сохранила столько люда.

15 декабря 2008 г.

* * *

Снег превращается в грязную жижу,
Сны обращаются в явь.
Встану, когда позабуду, на лыжи
Или попробую вплавь

5 марта 2009 г.

Через Дунай, пароходные трапы
И через снежную тьму.
Я приползу к тебе хоть через Альпы,
Я тебя сразу пойму.

Что ты лопочешь, ведь ты сибирячка,
Зальцбург же город не твой...
Дождь на Дунае, опасная качка,
Ты не вернешься домой.

14 декабря 2008 г.

На тонком бокале ожоги заката

На тонком бокале ожоги заката,
На тонком бокале от глаз ее свет.
Глядит на меня, как глядела когда-то
Любимая женщина... Или же, нет?

Наверное, кажется, грезится это,
Чужие глаза обживают бокал.
Зачем же сюда я из прошлого века
Сквозь сказку забытую снова попал?

Горюнутся в вазе и сохнут гвоздики,
Уже засыхает пятно на столе.
Но блики в бокале, но грустные лики,
Но женщина с давней тоской на челе.

23 мая 2008 г.

Одиночество

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнется весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

Полая вода

В полночь подморозит и тогда
Речка в берега свои вернется,
А на утро полая вода
Снова, просыпаясь, встрепенется.

На лугу, оставив тонны льда,
Через пару дней она уймется.
– До свиданья, полая вода! –
Крикнуть в след ей только остается.

Сколько раз, как полая вода,
Безоглядно, прямо в сердце била
Черная бездушная беда
И без спроса в дверь мою входила.

Вот и снова льдины на реке,
Но печаль какая-то другая...
Половодье в нашем городке,
И оно проходит, дорогая.

10 марта 2009 г.

Чешское пиво

Сергею Левицкому

В Австрии чешское пиво
Пьем из бутылки одной,
Рядом проходит лениво
Год уже очередной.

Сколько их в жизни осталось,
Сколько дано сочинять?!
Главное, жизнь состоялась,
Не на что в жизни пенять.

Все, что хотели, случилось,
Но, дорогой человек,
Счастье мое отлучилось
И оказалось – навек.

Что ему, шляется где-то,
Видно, к другим пристаёт,
Глупое, даже с поэтом
Чешское пиво не пьет.

Выпьем за счастье скорее,
Нету его ни шиша,
Пусть никогда не стареет
Даже в несчастье душа.

31 декабря 2008 г.

Роза собачья*

Григорию Ивлиеву

У деревни Лошаки,
Возле речки Паники
Рвали розы мужики,
Уминали пряники.

Роза колкою цвела
И звалась собачьею,
И в руках она была
Высшею удачею.

Подари ее жене,
Сразу станет кроткою.
Довелось столкнуться мне
С этакой находкою.

Роза алою была,
А точней – пунцовой...
Сколько лет она ждала
Счастье непутевое.

А пришел и-на тебе,
Засмущалась, прячется.
Что-то есть в ее судьбе,
Если часто плачется.

Рвать не стану и уйду,
Больно слушать плачь ее.
Родилась да на беду
Розою собачьею.

6 августа 2008 г.

* В Государственном природном заказнике регионального значения «Милославская лесостепь» в долине реки Паника у деревни Лошаки растет роза собачья – редкое в Рязанской области растение.

Сергей ГОРА

Родился и учился в Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых постсоветских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX – начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Начинается гроза...

Небо чёрное как чернь...
Воздух спёрт до духоты...
Злая рябь – пролива червь,
И топорчатся мосты...

Вот и первая слеза
На поминках сонных штор:
Начинается гроза, –
Долгожданный звонкий шторм!

Гром повёл басов раскат
Над альтами струнных струй:
Громче, мол, дождя парад
По асфальту маршируй.

Заблестели, как глаза,
Капли с каждого листка.
Начинается гроза,
И кончается тоска.

Крыльев молнии размах –
Цветомузыки разлёт, –
Пусть покой молчит в умах,
Раз в душе гроза поёт.

Растворится в буре чувств
Штор седое полотно.
И, глядишь, не разучусь
Отворять весне окно...

...Просветлеют небеса,
И припомнятся с трудом
Грозовые полчаса
В сонном цикле годовом.

Станут мягкими мосты...
Тишь пролива – бирюзой...
В ней мелькнёт маяк мечты
Долгожданною грозой...

Пешков или Пёшков?...

Посвящается Светлане Пешковой

Однажды на Волге, на Сормовской зорьке,
В краю петушиных лихих гребешков,
У матери-ленинца, с привкусом горьким,
Родился младенец, товарищ Пешков.

Он сахара в жизни не съел ни кусочка,
Не ведал пирожных и прочей халвы.
Была ли у Горького сладкая дочка?
Нейтральный ответ недоступен, увы.

«Пешков» или «Пёшков»? – Где в лад ударенье?
«Пешков» – значит двигай пешком, – не рули.
А «Пёшков» – извечное в дамки стремленье
По полю, где лошади и короли.

И стоит ли рифме вменять этикетки,
Когда намечается в рай колея?
К тому же по полю несясь через клетки,
Есть шанс от восторга упасть за края.

Тогда даже сахар покажется горьким
И в ужасе вновь предстоит вспоминать,
Что где-то на Волге, на Сормовской зорьке,
Родился однажды строчащий про «Мать».

Долой Челкашэй, Изергилей и Павлов –
Пусть сгинет в аду пропаганды дитя!
Избавив всех горьких от сладости лавров,
Давайте совкам улыбаться ...метя.

...На вкус не распробуешь сути ответа.
Где сладко, где горько – пойди, разбери.
«Пешков» или «Пёшков» по имени Света
В желанье моем от зари до зари...

Где гонка любви? Где её проволочка?
Навряд ли к ответу примчится Пегас.
Была ли у Горького сладкая дочка?
Навеки молчат повенчавшие нас.

Весёлые мальчики... весёлые девочки...*(Размышления после выпускного бала)*

Во двореке – праздники.
Там прыгают мячики:
Играют проказники,
Весёлые мальчики.
А тут же поблизости
Пестреют скамеечки:
Играют капризницы,
Весёлые девочки.

Закроются ларчики
Со светлыми вёснами:
Весёлые мальчики
Окажутся взрослыми...
Знать, годы – не семечки:
За зимами тусклыми
Весёлые девочки
Становятся грустными...

Пусть старая истина,
Но как же случается,
Что так вот бессмысленно
Веселье кончается?
Ответа-признания
Не вырвешь у Истины:
«За что наказание
Весёлости искренней?!»

Качай гушу в чашечке,
Найми дух тарелочки:
...Молчат души-мальчики
...Немы тени-девочки.
Шамань с ворожеями:
Хоть с Вангой, хоть с Глобою:
...Молчит отражение
Судьбы твердолюбое!..

...Судьбы созерцание –
Фантазии месиво.
К чему восклицания?
Всё, вроде бы, весело:
Листают журнальчики,
Считают копеечки...
Весёлые мальчики,
Весёлые девочки.

Неважно, как сложится
Дорога за школою:
Зачем нам тревожиться?
Мы все ведь весёлые.
...Украшены пальчики.
Отглажены стрелочки:
Весёлые мальчики...
Весёлые девочки...

Застольный экспромт*(Новогодний тост-импровизация)*

Все расслабленно вздохните,
Пот забот со лба смахните, –
Пусть нас больше не печалит жизни раж!
Распрямите шире плечи,
Пусть усталость в этот вечер
Исчезает как обманчивый мираж.

...Старый год был крайне тошным,
Но он скоро станет прошлым, –
И поэтому напрасно мы грустим.
Ну их, мысли-баламуты... –
Вспомним лучшие минуты,
А виновников плохих минут простим.

Наш поход по жизни труден,
И среди ненастных буден
Ждут в пути числом бессчётным сорняки.
Но в метели и в морозы
Мы в снегах отыщем розы,
Потому что мы ещё – не старики!

Так поднимем же бокалы:
Повод пить у нас – немалый.
Первый тост, конечно, дамы, в вашу честь!
Но ещё хлебнём впридачу
За любовь и за удачу,
И потом за то, что все-таки мы есть!

Ектенья

*Кто в просветленье, кто в тени, –
Все одинаково ранимы,
Когда рефрены ектеньи
Несут к Престолу херувимы.
Перед иконами наги, –
Рцем совестью, что сердце гложет
И от лукавства, – вдруг поможет:
Подай, Господь, и помоги.*

*

Раздай «сестрам всем по серьгам»,
А братьям – по монете звонкой,
Чтоб нищие, взалкав в потёмках,
Не кланялись иным богам,
Из храма обратясь в вигвам...

*

С житейской бурей совладай,
Чтоб этот храм стоял, не падал.
Нет от врага надёжней надолб.
Под клуб и склад его не сдай,
Поддай нам, Господи, поддай...

*

Все церкви матушки-Руси
И прочих поднебесных вотчин
Свечой своею днём и ночью
Ты Крестным ходом обноси.
Спаси их, Господи, спаси...

*

В свои скрижали запиши
Родителей отшедших подвиг, –
На каждого с зачатя по две
Родные навсегда души.

Тревоги их о нас лиши.
Спешу к ним, Господи, спешу...

*

Грехи неволи отпусти, –
Неволю вольно выбирая,
Мы отдаляемся от рая.
Из виду нас не упусти.
Прости нас, Господи, прости...

*

Верни нам, Господи, верни
Хранителя души заблудшей
Не ментором, но другом лучшим.
Гонителя ж его гони.
Храни нас, Господи, храни...

*

Дух слабый правдой утверди, –
Убереги от расстворенья.
Восстанови нам слух и зренья,
От миражей освободи.
Войди к нам, Господи, войди...

*

Надёжный щит установи
От склонностей, природе чуждых.
От гнева нас избавь и нужды.
К достатку мира и любви
Зови нас, Господи, зови...

*

Явись недуги обуздать.
Когда же умирать случится,
Оставь минутку причаститься,
Чтоб навсегда не опоздать
В завещанную благодать...

*

Открой Спасения пароль,
Чтоб в судный час грядущей Славы
Карающей не встретить лавы
За слабую земную роль.
Позволь нам, Господи, позволь...

*

Код человеческий исправь,
Закравшийся низвергни вирус.
Вновь заповедей взяв папирус,
Сканируя, в Программу вставь.
Наставь нас, Господи, наставь...

*

Не наказуй, не покидай
Унылых чад чадающий вертеп,
Чтоб мы могли до самой смерти
Молить Тебя: не пропадай.
Поддай нам, Господи, поддай...

*

Спаси... поддай... наставь... храни... –
Старательно выводят губы
Рефрен священной ектеньи
Великой, Малой и Сугубой
Рцем по субботам ...от семи,
Невольно задержавшись в храме,
Как взломщик под прожекторами:
Пойми нас, Господи, пойми...

*

Христа не просят обо всём, –
Он слишком нами перегружен.
Мы Богородице несём
Сплетенья исповеди кружев.

О, Пресвятая, исцели,
Пусть горб грехов оставит спину.
И просьбы, посланные Сыну,
Благословеньем надели.
Всели надежду в нас, всели...

Уходят родные...

*Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во
веки веков. Аминь!*

Уходят, явно не дожив,
От нас любимые родные.
Три дня над нами покружив,
Их души – мимы неземные.

Их путь – в тоннель, на вечный свет,
Где не гнетёт земное бремя.
Счастливых Вам небесных лет
От остающихся на время!

Уходят, близких передав
На попечение воли рока,
Под плачи траурных октав, –
Всегда уходят раньше срока.

Желанны неба этажи:
Там ждёт высокая свобода.
Но в чём же, Господи, скажи
Причина раннего ухода?

Звенит как звон, гремит как гром
В душе настойчиво и шало
Вопрос, поставленный ребром:
Что вдруг дожить Вам помешало?

На каждом времени печать,
Узлы у времени – тугие.
Но нужно ль свечи выключать
До окончанья Литургии?!

Не остудить ответу чувств,
Быть любопытству без награды:
Молчанье тайны предпочтут
Очей их ангельские взгляды.

За наш удел священный страх
Не исчезает с их уходом,
Но возвращается во снах
Предупреждением невзгодам.

Да разобьётся горе в хлам,
Как об пол брошенное блюдо, –
Они уходят, чтобы к нам,
В раю очистившись, вернуться.

Пускай приглушены огни
И похоронную играют, –
Я точно знаю, что Они
Уходят, но не умирают.

Туда, где нет календаря,
Где каждый миг блаженством мечен.
Уходят, молча говоря:
– Прощаем Вас, до скорой встречи...

Евгения ГУДКОВА

Родилась в Кыргызстане в 1988 году. Спустя 5 лет переехала на Украину, в Чернигов. Школу окончила с серебряной медалью. Училась в Киевском национальном университете культуры и искусств, получила диплом Магистра культурологии. Увлекается рисованием, делает красивые вещи из ткани, полимерной глины и других подручных материалов. Одним из хобби является работа в детском лагере вожатой. Стихи пишет с 12 лет. В своём большинстве они о любви и о счастье. В настоящее время работает в полиграфии.

* * *

Я уже не скучаю. Совсем ни минуты в день.
Даже кажется, что не ревную тебя к другим.
Наше лето кончилось на пороге у ноября.
Ты один. Я одна. И никто никем не любим.

* * *

всё-таки расстояние, как ни крути.
просто не получается жить на полпути.
ни ему, ни мне сейчас сил не найти
на заплатки, верёвки и клей.
он меня просит «только там не болей»,
а я его ни о чем не прошу.
он мне «занят по уши, времени нет»,
а я могу ему «главное, что всё хорошо».
а сама себе шепотом
«боже, ну пожалуйста, чтоб он другую себе не
нашел.
ведь не так часто тебя о чём-то прошу».

* * *

Я возьму паспорт, деньги и теплый шарф,
Термос с чаем имбирным
и крекеров полкило,
Может, книжку какую-то или кроссворд.
Все сложу в рюкзак
и оденусь тепло-тепло.
Наберу номер дяди – он возит в Россию груз.
Пусть подкинет меня
на своём Ford Transit в Москву...
Посидим, помолчим, посмеёмся, поговорим...
Ты обнимешь меня – я почувствую, что живу.

* * *

Бегом, бегом, бегом!
А то тебя обгонят.
Работа – дом – работа.
Оставь жизнь на потом!
Спеши, вперёд лети:
карьера, деньги, дети.
И цели, цели, цели –
попробуй не дойти!
А я остановлюсь!
Что, не имею права?
Что, я не по стандарту?
Системе вопреки?
А мне не интересен
ваш гнусный список правил.
Хочу остановиться,
чтоб вовремя прийти.

* * *

Рисуй! Иди вперёд! Мечтай!
Но только не бездействуй.
Целуйся! Пей вино! Читай!
И пой шальные песни!
Гони вперёд свой мотоцикл,
Авто, а может, мысли...
Ломай всё то, что портит жизнь,
Ломай все вмиг, как выстрел.
Пей воду, если хочешь пить.
И водку, если выпить.
Бей в морду, если стоит бить
И если хочешь выжить.
Смеши друзей и смейся сам,
Играй всю жизнь, как действо.
Всегда будь волен выбирать,
Но только не бездействуй!

* * *

Море...Тихий шёпот волн...
 Берег и прибой.
 Море, я тебя люблю,
 Я живу тобой.
 Синь, дыханье, глубина,
 Бесконечный взгляд...
 Лишь однажды полюбив –
 Нет пути назад.
 Море вдаль, и море вширь,
 И за горизонт.
 Море – это много волн
 И солёный фронт.
 Море – каплей по щеке,
 Чайки на снегу.
 Море-ты и море-я –
 Врозь я не могу.
 В море, как в моих глазах,
 Видишь синеву.
 Море. Солнце. И песок.
 Море. Я живу.

* * *

От такой любви вою я...
 От такой любви плачу я...
 Без тебя жизнь ничтожная,
 Ничего не значащая.
 Нас с тобой жизнь спутала,
 И теперь мучаемся.
 И хотели б распутаться,
 Но уже не получится...
 И хотели бы разойтись,
 Но навеки срослись душами.
 Только скальпелем, Бог нам в помощь.
 Падёт дождь кровавыми лужами.
 Покалеченными, покорёженными
 Разойдёмся. Но не забудем.
 Будут годы идти этапами.
 Не забудем и не разлюбим.

Любовь – тяжесть невероятная.
 Мощнее любви нету сил.
 Она приходит к уже подготовленным
 Годами напрасных усилий.
 Кто-то ищет любовь полжизни,
 Кто-то вовсе не находил.
 И вот как же меня угораздило!
 Мне всего лишь двадцать один.

* * *

С чего начинается секс?
 Со взгляда,
     с походки,
             со звука?
 А может, уже с голых тел?
 Или с каблук, может, стука?

С чего начинается секс?

Со слов чересчур откровенных?
 С лукавой улыбки твоей?
 С ошибки,
     решенья,
             момента?

С чего начинается секс?..

Когда под дождём вы промокли...
 Когда вдвоём в лифте застряли...
 Когда в одно время замолкли...

Да правил-то нет никаких.

А секс начинается с чувства,
 Того, что щекочет внутри,
 Не в сердце. Там может быть пусто.

* * *

Уходи! Ты мне больше не нужен.
 Уходи! Я почти что кричу.
 Уходи! Ни любви и ни дружбы
 Между нами уже не ищу.
 Уходи! Я забуду улыбку.
 Уходи! Уходи навсегда.
 Уходи, и бывшая ошибка
 Утечёт, как сквозь пальцы вода.
 Уходи! По щекам хлещут слёзы.
 Уходи! И не верь, что люблю.
 Уходи, и не слушай вопросы.
 Уходи же скорее, молю.
 Оглянувшись, не сможешь решиться,
 Оглянувшись – уже не уйдёшь.
 Через слёзы уходит привычка.
 Я тебя не люблю. Это ложь.

* * *

Шаг. Шаг. Вдох. Вдох.
 Я – сон. Ты – Бог.
 Взгляд вскользь. Звук ввысь.
 Мой кот? Нет – брысь!
 Цвет – в тон, тон – в цвет.
 Я – за, ты – нет.
 Нимб – прочь. Снять мех.
 Сердца стук – как у всех.
 Крылья – в шкаф. Или сжечь.
 В жизнь играть – стоит свеч.
 Взрыв. Звук. Рана вдоль.
 Пальцы. Кровь. Насквозь боль.
 Ты – Бог. Я – прочь.
 За окном – ночь.

* * *

Как хочется кричать! Стихами.
 Как хочется – словами – жить.
 Как хочется любить! Руками.
 И взглядом молча говорить.
 Как хочется обжечься! Снегом.

Замёрзнуть – около огня.
Как хочется стоять с разбега
И чувствовать в тебе меня.

Как хочется заплакать! Смехом.
И с парашютом понырять.
Чтоб была грубой твоя нежность
И, находя, тебя терять.

Как хочется соврать! Но правдой.
Ходить умея – вновь учиться.
Стоять наедине с толпой...
Давно любя, в тебя влюбиться!

* * *

Избавление – значит, принятие.
Избавление – значит, надежда.
Избавление – значит, без боли.
Избавление – значит, как прежде.
Принятие своего одиночества.
Надежда на лучшее дальше.
Без боли воспоминания о тебе.
Как прежде веселье без фальши.
Избавление – значит, снова.
Избавление – значит, вера.
Избавление – значит, без слов.
Избавление – значит, не меря.
Снова хочется просто жить.
Вера в то, что боль пройдёт.
Без слов этот мир любить.
Не меряя слёз. Жизнь идёт.
Избавление – значит, ветер.
Избавление – значит, мне.
Избавление – значит, солнце.
Избавление – значит, конец.
Ветер снова в моей голове.
Мне пора уж себя любить.
Солнце будет светить вечно.
Конец сказки. Пора уже жить.

* * *

Больно? Больно. Грустно? Грустно.
Страшно? Нет. Но пусто. Пусто!
Слёзы? Слёзы. Стоит? Стоит.
Может, сердце успокоят.
Ходишь, взгляд не поднимаешь.
Слышишь, но не понимаешь.
Не горят глаза огнём...
Мысли все – о нём, о нём.
Есть – не хочешь, спать – не спится.
Хочется пойти напиться.
Только боль-то не пройдёт!
Пей – не пей. А в сердце лёд.
Ты попробуй измениться:

Спорт освой, решишь подстричься,
Брось работу, вспомни жизнь,
Ну а главное – влюбись!
Путь к себе – он самый трудный,
Не широкий и не людный.
Старым дорожить не стоит.
Брось! Жизнь новое построй.

* * *

Пламя – боль, тепло и воля.
Пламя – пепел и пожар.
Пламя – зажигает звезды.
Пламя в сердце – тоже дар.

Каждый человек, как пламя,
Но сначала огонек,
А потом горит все ярче
Или тухнет. И – дымок.

Кто горит все время ровно,
Кто – рывками, кто – за раз.
Кто-то греет год за годом,
Кто-то все сожжет за час.

Пламя сравнивать негоже.
Главное – во всем гореть.
Лучше пламенем – секунды,
Чем годами тихо тлеть.

* * *

Провожу ладошкой по щеке шершавой...
Без тебя я точно не смогла бы жить.
Без тебя – не нужно, без тебя – ничтожно,
Просто невозможно без тебя прожить.
Ты заснул, спокойно шелестит дыханье...
Без тебя не думать, без тебя не быть.
Не могла нарочно я себе представить,
Что смогу так сильно я тебя любить.
В пламени свечи на стене играет
Тень моя с твоею, словно с мышкой кот.
Разве знала, что буду так счастлива,
Я тебя касаясь. Знала наперёд?
Над тобой склонившись, я дышу бесшумно.
Навсегда запомню милое лицо...
Ты сегодня ночью – чувств порыв безумный –
Подарил реликвию – бабушки кольцо:
Крошечка металла – серебра полоска –
Просто, незатейливо. Дороже не найти.
Обручились мы без церквей и ЗАГСов.
Мне ведь от тебя некуда идти.
Без тебя нет мира. Без тебя нет солнца,
Не хочу свободы, нет и смысла жить.
Только ночью тихой, над тобой склонившись,
Слушая дыханье, я смогу творить.

Артур МУКОМИЛОВ

Родился в 1986 году в г. Дондушень. В 2002 году с золотой медалью окончил гимназию в г. Симферополе, потом – с красным дипломом отделение политологии Симферопольского госуниверситета. Имеет научные публикации. Кандидат в мастера спорта по шахматам. Автор поэтического сборника «Дитя озона». Член Крымской писательской организации.

Незапятнанный трон!

На волокнах Вселенной
Вдохновителем роз
Возвисяет смиренный,
Не рожденный Христос!
Незапятнанным тронном
Для дерзающих сесть
Он – и Сын, и Мадонна,
И голгофа, и крест!
Его зов – скорость света
Обгоняет, как столп.
И не только в поэте –
Пробуждает восторг!
Стихотворной молитвой
В это солнце попав,
Я в священную битву
Начинаю вступать!
Словно в этой молитве –
Начертался, любя,
Вместо вьющихся литер –
Каждой клеткой себя!

Я

Я – нетронутый дланью счастья.
Я – изгой для ковчега Ноя.
Я – слепец, даже крот – глазастей.
Я проспал свой счастливый поезд.

Обо мне на века забыли
Легионы крылатых весен.
Одинокий заложник пыли
Свою душу как бремя носит.

В стороне от вселенских ливней,
Изгоняющих ложь разлуки,
Я тоскую по горным гимнам,
Что грохочут в запретном круге.

Галатея моя разбита,
Но не сделала даже вдоха.
Я в плену типикона быта –
Это он заглушает грохот.

Все впустую. И Бог спиною
Повернулся ко мне бесстрастно.
Я – титан. Но застыл горою.
Для меня это хуже казни...

Купание в Стиксе

Держа за пятку, купает в Стиксе.
Я извиваюсь, но боль терплю.
Она из грота, она – Калипсо.
Из чрева Этны – ее салют.

Она купает, не отпускает,
И недовольно ворчит Харон,
А из Тартара собака злая
Встречает лаем мой каждый стон.

Нагой и бледный, хлебаю воду,
Как будто лаву в кошмарном сне,
И через вечность Хью Уинстен Оден
Срифмует, может, и обо мне.

О том, с кем Гадес играет в прятки,
Кого пугает из темноты.
Держи же крепче меня за пятку,
Вонзай шипами свои персты.

Угри как цепи облепят тело,
И, атакуемый роем Гелл,
Обмякну гроздью и перезрелый
Вгляжусь в беззвучный чертог легенд.

А хохотунья забавы ради
Хлопком в ладоши живому дну
Меня подарит, а там подхватит –
И в ней уж точно я утону.

Маршрут

С патетических высот
Проливается маршрут
Прародителя аздов,
Чье нутро – веселый суд.

Маршрут гремит: «Вперед!»
Как бедовый командор,
Умирая, настаёт
Несгораемой звездой.

Зацеловывает миг,
Обгоняя пустоту,
Пролетает напрямик
Он – смородина в цвету.

В нерожденные глаза
Зароняет блеск лучей,
Успевая рассказать
Про огонь, что он – ничей.

Если это Саваоф,
Умножается на ноль,
Значит, есть граница снов,
Где и Сатана – не зол.

Тиран

Под бездушно немеющим сводом
Обветшалых и пресных пророчеств
Принимают конвейеры роды
Патриотов – носителей отчеств.
А пророчит Тиран и планету,
Как юлу, неустанно вращает,
Не призвать гегемона к ответу.
Его цель – чтоб холопы молчали.
Подминая катком самовластья,
Только Он – самоличный прожора,
Прозой жизни кромсает, и баста...
Сверлит души машинкою борной...
В каждом сердце тучнеет тревога,
И напуганы ею Хариты,
Проза жизни – устав для острога,
Если ты не влюблен в nereиду.
Если ты и живя по наклонной,
Не гостишь на Сатурне подолгу,
Огибая курсив эталонов,
Словно с самого первого вздоха.

Разгоняя свои биотоки
Баюном что на дубе не дремлет
Пеленой на всевидящем оке
Парадоксом взрывающим время...

Запал Григория Распутина

Запал Григория Распутина!
Не дай не дай мне успокоиться
И в бой нацеливая спутником
Трезвонь в душе моей как звонница.
Запал Григория Распутина!
Несись гонцом по всем галактикам.
И пусть земля сильнее закрутится
И тают Антарктида с Арктикой.
Запал Григория Распутина!
Ты – Рим над блудными дорогами
И все неслыханное сбудется
Когда продрогших перетрогаешь.
Запал Григория Распутина!
Твоя подножка ставит на ноги
И сидней трезвых перекутаных
Творит раскутаных пьяными.
Запал Григория Распутина!
Венец казанской богоматери
Тебя ни с чем не перепутают
Ни есаулы ни писатели...

Расхохочусь

Расхохочусь себе в лицо,
Как сверхъестественный задира,
Расхохочусь, как Виктор Цой –
Суперзвездой иного мира!
Как шут Господень, как Гомер,
Вновь сочинивший Илиаду,
Переставляя низ и верх,
Мешая зацепиться взгляду.
И новоселье между букв
Отметив сольным фейерверком,
Я оседлаю каждый звук
Незацелованным берсерком.
И Афродиты пьяный блик
Извивом губ перед глазами
Набросит свой ажурный флирт,
Который небосводом замер.
Набросит мыльным пузырем,
Готовым тут же раствориться,
И будет колокол по нем
Не плакать, а, как сердце, биться.
Но вместо неземной тоски
В погоню за его эпохой
Отправлю злой на пустыки
И галопирующий хохот!

Наталья ВЕСЕЛОВА

Продолжение. Начало в №1.

Город подсолнухов

– Какой ужасный, длинный, нескончаемый день! Потерпи, Коша! – Лена крепко сжала ватное туловище дракончика. – Это просто людская гроза. Я ещё к ней не готова, а бабушка моя сильная, всё выдержит! – шептала дракончику Лена.

– В ящик для брака! А с тебя, Дмитриевна, премию снимем! – громкий голос контролёра заставил Лену залезть дальше, под стол.

– Бедные мои игрушки! Как теперь достать вас из ящика, набить ватой и вынести из цеха? Но как унести, если вы ростом с меня? Придётся простить Серёжке испорченную жвачкой юбку и другие шалости. Без него точно не обойтись! Позвоню ему на мобильник попозже.

Время тянулось невыносимо долго. Игра помогала его скоротать. Вот и конец смены. Подшучивая друг над другом, швеи покинули цех. Да вот незадача: только Ленуца хотела выбраться из-под стола, пришла уборщица. Женщина включила музыку и орудовала шваброй в такт песне, громко подпевая. «Скоро она и под столом будет мыть, – размышляла девочка. – Куда бы спрятаться?» И тут ей пришла мысль. Лена тихонько стащила шкурку медведя и залезла в неё, как в одежду. Сквозь мех ничего не было видно. Она повертела дырки для глаз шариковой ручкой. Пока уборщица меняла воду, Лена залезла на полку и села рядом с игрушками. Хорошо, что они с неё ростом! Никто и не заметит. Остаётся только ждать, но как это утомительно!

Прибежала испуганная бабушка, закричала уборщице:

– Соня! Моей Ленки дома нет! Где же мне её искать? Чувствую, моя егоза сюда прибежала! Кто, кроме неё, мог нашить этих чудовищ?! Явится домой, отругаю!

Бабушка заглянула под стол.

– А вот и ранец! Хороша! Убежала со страху и ранец забыла!

Работницы вышли, прихватив ранец. К ужасу Лены они закрыли двери на ключ. Вот тут-то ей стало страшно по-настоящему. «Что делать? Что делать? – думала она, сидя на полке в шкурке медведя. – В этом тёмном и пустом цехе мне придётся ночевать. А ведь я просто девочка. Даже, можно сказать, трусливая девочка. Вдруг тут мыши бегают? Мобильник остался в ранце. Серёжке позвонить не могу. И домой тоже. Как не догадалась вытащить мобильник?!» – Она слезла с полки. «Простите меня, пожалуйста! – мысленно просила Лена родных. – Наверно, я совсем бессовестная! Бес-со-вест-ная!»

Похлюпав носом, невольная пленница успокоилась и, чтобы набраться смелости, стала петь:

*Я отважна! Я смела!
Я всегда такой была!
Мыши! Вы не появляйтесь!
Вы меня остерегайтесь!
Знайте: я в мышей хвостатых
Точно целюсь из рогатки!
Вам же лучше, это точно,
Отсыпаться тёмной ночью!*

Было ещё светло, но половинка солнца уже провалилась за горизонт. Тени от столов и другой мебели стали вытягиваться, словно старались дотянуться до стеллажей с игрушками. Пока можно было ещё различить предметы, Ленуца достала из ящика свои неудачные создания, поцеловала их и принялась набивать ватой. Первым был Слонолёт. Его большая голова с хоботом красовалась на полосатом желто-коричневом туловище пчелы. Хорошо, что лапы пришила от гуся, а то тонкие пчелиные не удержали бы его из-за огромной головы.

Потом принялась набивать безымянную зверюшку. Ткань, из которой была сшита спинка, была колючая, Ленуца поцарапала руки.

– Колючка – имя твоё! – недовольно выкрикнула она, но, посмотрев в её большие и до-

брые глаза, передумала. Голова напоминала мягкие домашние тапочки с заячьими мордашками. Захотелось привычно сунуть ноги в эти тапки! Слёзы солью обожгли губы. Дома хорошо, светло... Родные ужинают. А на столе всё такое вкусное!

– Не буду звать тебя Колючкой! Имя потом придумаю!

Подошла очередь Котофея Кенгуровича. Хитрая мордочка кота была пришита к стройному туловищу кенгуру. Полюбовавшись им, загордилась: «Я сшила эти существа. Ничем не хуже тех, что сидят на полках. Даже лучше! Похожи на мультяшные персонажи! Такие чудесные звери получились, а никто в городе не знает об этом!» И даже страх перед наступающей ночью не мог омрачить её прекрасного настроения.

– Посмотрите хотя бы вы, звёзды! – Ленуца усадила своих новых друзей на подоконник.

А в это сумеречное время родные и друзья, теряясь в догадках, где же она, искали непослушную девчонку, вовремя не пришедшую домой.

* * *

Маленький город Подсолнцево располагался недалеко от границы. За городом зеркальной лентой отражала облака река Альфа, которая впадает в реку Прут. За рекой искривлялись высокие холмы, на них по левую сторону рядами красовались виноградники, справа, через поляну, темнел лес, с южной стороны – поля, засеянные подсолнечником.

Как в любом другом маленьком городке, в Подсолнцево была своя достопримечательность: старинный фонтан, по углам которого четыре кита выпускали струи воды. В центре возвышались усечённой пирамидой три уровня. На третьем когда-то стояла скульптура: фигура девушки, но года два назад её украли, а может быть, разбили. Местная художественная школа каждый месяц выставляла на пустующий уровень скульптуры воспитанников. Львы, кони и рыбы хоть и были несоразмерно малы, нравились ребятам, и уже больше года в городе царил бум керамического творчества. В конце апреля фонтан был включён впервые в этом году и был облеплен школьниками, которые старались попасть под мелкие брызги. По широким дорожкам парка носились на роликах дети, в наколенниках на модных рваных джинсах, с плеерами на шеях. Старушки семенили, перебегая дорожки, боясь быть сбитыми.

– Ох уж эта детвора! – вздыхали они, понимая улыбаясь.

Однако спокойствие города было нарушено... На улице Тупиковой жили три пятнадцатилетних парня. Они дружили с детского сада, и все трое ходили в одну группу. Пели, рисовали солнце и деревья, играли вместе пошли в школу. В третьем классе на пути Романа, Руслана и Егора (а именно так их звали) появился хулиган Кузьма и предложил украсть футбольные мячи из спортивного зала. Они не возразили, решили: когда есть мяч – это просто отлично!

И понеслось: они крали всё, что хотели, а хотели многого: деньги, ранцы, мобильники. Потом велосипеды и мопеды. Словом, было не до школы. У каждого было свое прозвище: очень коротко подстриженного Романа называли Лысым, узкоглазого, похожего на китайчонка Руслана прозвали Джеки Чаном, или просто Джекич, а Егора, по фамилии Феропонт, звали просто Понт. Если первым двум их прозвища нравились, особенно Руслану – он даже старался полностью копировать знаменитого актера – то Егор был не доволен, но на «Понт» все же откликнулся.

Однажды утром «работали» в маршрутке. Изучив пассажиров, воришки остановили выбор на хорошо одетой даме. Им показалось, что женщина чем-то озабочена и рассеянно смотрит в окно. И сумка у нее кожаная, должно быть, в кошельке денежки водятся.

Все шло по обычному сценарию: Джекич наблюдал за пассажирами, Понт стоял спиной к даме, чтобы она ничего не заподозрила, а Лысый – лицом к Понту и даме. Его рука добралась к дорогой сумочке и уже стала её открывать, когда была схвачена тонкими пальцами.

– Это же надо, белым днём в сумку лезут?! – истерично завизжала женщина.

Все замерли. Лысый вырвал из цепких пальцев свою руку, стоял не шевелясь, словно его это не касалось. «Не докажет! Кошель-то на месте. Жаль, не получилось!» – думал Лысый и успокоился.

– Такой молодой, а уже вор, – продолжала вещать дама. – Какую гнусную работенку выбрал! Как же себя нужно не любить, чтобы хотеть стать вором! Не понимаешь, что жить за чужой счет – грех! Ну вот подумай: дарит один человек другому вещь какую-то, а ему в от-

вет: БЛАГО ДАРИЮ! Поразмысли, если слово «благо» столетиями существует, может ли быть бессмыслицей? Да, его не видно, но оно есть! Люди, которым часто говорят «Благодарю», – более счастливы в жизни. Благо их и оберегает!

– Надо его в полицию сдать! – категорично заявил гражданин в белом, неподвижно сидящий на первом сиденье.

– Не пойман – не вор! – пробасил кто-то рядом.

– Мальчик дорогой! Подумай! Можешь ли ты быть счастлив, вбирая одни проклятия?! – втолковывала женщина Лысому, а Понт боялся даже обернуться, чтобы взглянуть на неё, хоть очень хотелось.

– Не бойся, так просто говорю, жалко тебя, – голос звучал уже примирительно. – Бог тебе судья!

Тройка воришек проехала две остановки. Вышли по отдельности, потом встретились за киоском печати. Лысый и Джекич хихикали. Для них это было просто приключение, но вот Понт шел угрюмый: он поверил этой женщине. Ночью, ворочаясь в постели, он вспоминал этот случай. «А вдруг и правда – проклятия не просто слова? Как узнать? Может, надо благодарности собирать? Что для этого нужно делать?» – думал он.

Но ничего не менялось в жизни Понта, она катилась по наезженной колее, и ждать, что произойдёт чудо, было глупо. От безысходности Егорка стал один ходить к берегу Альфы, садился на наклонённую к самой воде иву и мечтал. Отрывая тонкие ивовые прутьки, Понт бросал их в прозрачную воду, и они уплывали вниз по течению. Ах! Как хорошо было бы и ему уплыть вниз по реке в незнакомый город, где бы он, Егорка, был бы другим, уважаемым человеком. Как хотелось ему полностью изменить свою жизнь: иметь других приятелей, дружину, лучшую, школу. Всё другое! И чтобы в этом незнакомом городе найти друзей, которые бы называли его не Понтом, а Егором.

Прутья уплывали, их уже не было видно, а он всё сидел на дереве и мечтал. Но опять возвращался к своим друзьям, к своим привычкам. И горечь поселилась внутри.

Задумал как-то Джекич ограбить фабрику игрушек. Подбил на дело Лысого и Понта, втроем они сидели и продумывали детали будущей операции.

– Лучше ночью, после двух.

– Мешки прихватим и верёвки.

Для храбрости выпили пива.

– Пойдём через лес, а вдруг нас кто-то встретит и узнает?

– Тебе, Лысый, надо найти парик! Хи-хи! Да где его взять? А тебя, узкоплечий, – говорил Джекич худосочному Понту, – ночью и по силуэту узнают!

– Давайте мы его в старый ватник обрядим, будет казаться толстым!

– Понт! Понтово выглядишь!

И хотя ночь была по-весеннему теплая, пришлось недовольному Егорке обрядиться в чужую, довольно грязную куртку. И опять он промолчал... Подождали до ночи, отправились по узкой тропинке вдоль леса, оставаясь незамеченными. Только колючие ветки кустов шиповника хватили их за рукава, словно пытаясь остановить.

* * *

Скоро ночь! Чёрно-фиолетовая темнота вползала в цех бесформенным чудищем и растеклась между столами и машинами. Ленуца ощутила себя беззащитной и маленькой в пустом цехе. «Отчего я дрожу?! Не так уж и холодно! – думала она, ощутив, как руки под мехом предательски покрылись пупырышками гусиной кожи. – Страшновато...

– Не буду хныкать! Во время войны жили в землянках, а тут такая огромная крыша над головой! Всего одну ночь в цехе провести! Не буду бояться! – девочка вскочила, запрыгала, упрямо мотая головой, и тёмные косы, летая, били ее по лицу.

– Шкурку снимать не буду и не замёрзну. – Лена подбежала к раскroечному столу и схватила оранжевую ткань. – Вот я и монах Шао-Линьского монастыря! – завернулась в материю и взяла в руки швабру: – Я вооружена. Если кто нападет – буду защищаться!

– Ах! Это ты, темнота левого угла! – кричала она, наступая. – Ну держись! Моя волшебная швабра – это острый меч в ловких руках! Кто устоит передо мной?!

– А! Это вы, тени справа! Я не одна! С друзьями. Мои верные друзья – отличные воины. Вместе мы непобедимы!

Со стороны это походило на военный танец с прыжками, резкими поворотами и боевым криком. Через два часа, подустав носиться по цеху, боясь оставаться внизу, Лена посадила своих зверей на самую верхнюю полку и залезла туда сама. «Высоко-то как! Страшно! Но живут же на большой высоте белые крылатые птицы! Я видела, как птица легко уместилась в гнезде, под самой крышей школьного бассейна. Привыкну, – успокаивала себя девочка: – Как жалко, что вы не живые и не умеете разговаривать! Но вы не бойтесь, я всегда сумею вас защитить!» – она обняла заячью голову, прижала к себе мягкое ухо и зашептала:

– Ты не бойся, что я дрожу! В темноте любому станет страшно... Ну стань же мне другом! – и от желания оживить плюшевую игрушку, Лена прижалась к его мягкой мордочке и, дрожа от страха, вдунула в него свое дыхание. Положив мягкую заячью голову себе на колени, откинувшись на Слонолёта, Лена уснула.

Проснулась от толчков. Полка, на которой она сидела, сильно тряслась:

– Что такое? Землетрясение? Ой!

– Нет! Это я дрожу, – слышался голос рядом. Лена ощутила под рукой дрожание мягких заячьих ушей.

– Кто ты? – не сразу вспомнила она.

– Ты ещё не придумала мне имя... Но вдохнула в меня жизнь...

– Что?! У меня получилось вдохнуть жизнь?! – она погладила колючую шкурку. – Но почему так сильно дрожишь?

– Когда ты вдыхала в меня, сама тоже дрожала от страха. Твой страх и поселился во мне. Теперь я всего боюсь! Такой характер!

– Ой! Как жалко! Я не хотела, чтобы ты был такой, – Лена вздохнула. – Но какой получился, такой получился. Пожалуй, тебе подойдёт имя Дрожалка! Я тебя, Дрожалка, и таким люблю. Не бойся. Смотри, не так уж и темно, луна сегодня, как фонарь, ярко-ярко светит. У тебя ко всему есть ещё и иголки на спине. Есть чем защищаться.

* * *

В это время воры подходили к фабрике. Понта оставили на стрёме, возле здания. Двери открыли заранее приготовленными отмычками и бесшумно вошли в цех. Включив фонарик, Лысый и Джекич с интересом рассматривали стеллажи с игрушками.

– Много-то как! Давай брать мелкие, больше унесем.

– Давай! Только я прихвачу вот тех больших чудиков! – луч фонарика скользнул вверх. – Таких ещё не видел!

Вдруг с верхней полки спрыгнуло непонятное создание в развивающемся оранжевом плаще и с копьём в руках. Парни перепугались. При лунном свете фигура казалась большой и страшной. Толстые меховые лапы, держащие копьё, заставили воров отпрыгнуть от ужаса:

– Лысый! Назад! Засада! – кричал Джекич.

другая тень метнулась в тёмный угол. Джекич попятился назад и, споткнувшись, сел на Дрожалку. Иглы вонзились в тело парня. Вой пронёсся эхом, отражаясь от стен цеха. Лысый закрыл лицо руками и завопил:

– Звери-привидения! Игрушки ожили! Спасайся!

Зверь в плаще размахивал копьём, и удары сыпались на Лысого градом. Парни схватили раскрытые детали, лежащие на длинном столе, и стали отмахиваться. Лене уже нечем было дышать, и она сбросила с головы мех.

– Джекич! Не бойся! Это девчонка! Обыкновенная!

Лена сражалась храбро. Трусливый Дрожалка забился в угол. И тогда ей пришла в голову спасительная мысль: пока воры не опомнились, она, продолжая размахивать шваброй, другой рукой достала Котофея Кенгуровича и, собрав всю свою злость, выдохнула её в кошачью морду.

Лена вскочила на стол, пронеслась по нему, размахивая оранжевой накидкой, и закричала:

– Не время погибать! Я ещё не успела увеличить в себе Душу! Не могу же я соединиться с Богом сейчас, имея маленькую душонку! Мне необходимо жить долго! Душа вырастет! Боже!

Дай мне время, и я научусь чувствовать совесть! Обещаю! Господи! Помогите мне!

Страх куда-то исчез. Она легко прыгала по столам, продолжая кричать:

– Воры противные! Убирайтесь! Что вам надо?

Наглые мальчишки, издеваясь, шипели:

– Тебя, медвежонок, нам и не хватает! Сгребём в мешок. Продадим на рынке! Сейчас такие игрушки дорого стоят! Ха! Ха!

Сил у Лены почти не осталось, и воры схватили её. Осветив фонариком лицо, они захотали:

– Смелая девчонка! Как она тут оказалась? Давай её свяжем и соберём игрушки в мешки. Один крепко держал вырывающуюся Лену, а другой сгребал всё с полок в мешки.

Вдруг в них с верхней полки кто-то стал швырять игрушками. Луна осветила скачущее чудовище. Оно оттолкнулось крепкими лапами и прыгнуло прямо на воров. Ужас обуял их. Не успев сообразить, что происходит, они оказались на улице. И бежали так, что только пятки сверкали.

Лена от усталости бросилась на стол, зарылась в мягкий плюш и заплакала от всего пережитого. Слезы наполняли медвежью шкуру. К ней подошел Дрожалка и, трясясь всем телом, подлез под руку:

– Я боюсь! Боюсь!

– Дрожалка, почему ты не защищал меня? Бросил в беде! Я ведь считала тебя другом!

– Ты сама создала меня таким!

Лене по лбу ударила маленькая игрушка.

– Котофей! Перестань швыряться! Мы уже победили! Успокойся!

– Противная девчонка! Почему ты обнимаешь этого труса, а меня, меня, который спас тебя от грабителей, забыла!

– Спасибо большое! Иди ко мне!

– Пусть этот урод уберется, тогда подойду. Не встану рядом с ним! – Котофей Кенгурович притянул к себе Дрожалку и укусил его за длинное ухо. Дрожалка пискнул и убежал, а Котофей подлез под руку Ленокки и, обернувшись, стал плевать в убегающего труса.

– Что ты делаешь! Это же наш друг!

– Злюсь на него! Так бы и стукнул! Попадись мне! А ты, ты... Разве не ты сделала меня таким? Я хотел быть добрым, а ты вдохнула в меня всю свою злость! Зло-о-о-сть!

Вдруг в окно постучали. Тонкий мальчишеский голос тихо позвал:

– Колибри!

Лена, услышав знакомый голос, бросилась к окну. Это был Серёжка! Так зовут её в школе.

– Ленка! Ты тут? – послышалось уже громко.

– Серж! Какой молодец, что пришел! Откуда узнал, что я здесь? Дверь открыта, – радость хлынула в сердце и затопила его.

– Колибри! Тебя уже полгорода ищет! Твой папа к нам домой прибежал, спрашивал. Я хоть и вспомнил, что ты собиралась в цех, но не хотел тебя выдавать. Подождал, пока все в доме уснули, и вот я здесь. Отчего такой беспорядок? – Луна освещала горы разбросанных на полу деталей и игрушек. – Тут что, бои шли?

Лена рассказала Серёже всё, что произошло, и они решили Дрожалку, Котофея и Слонолёта унести в школу. Серёжа замотал колючую игрушку в слою ткани, связал Котофея и взвалил на себя брыкающихся зверей. Ленуца взяла на руки Слонолёта, и они медленно пошли к школе. Через каждые пять минут приходилось тумаками успокаивать пленников. Рядом со школой стояло одноэтажное здание крытого бассейна.

– Сюда спрячем! – решили друзья.

Слонолёта протолкнули в форточку раздевалки, а Котофея и Дрожалку поместили в подсобное помещение, где обычно подогревалась вода.

Уже светало, когда дети разошлись по домам. Дома Лену поругали, но в то же время были рады ее возвращению. Она кое в чем призналась и попросила бабушку пойти пораньше на работу – прибраться в цехе. О трёх зверях даже не упомянула. Боялась сказать и о ворах, в надежде на то, что те убежали, сильно испугавшись, и не вернуться назад.

Оставалось спать пару часов, и это были самые спокойные и лучшие мгновения в её жиз-

ни. На лице сияла улыбка. Во сне она опять воевала и побеждала.

Утром перед уроками Лена побежала к бассейну. Оказалось, что Дрожалка и Котофей Кенгурович сбежали. Неодушевлённого Слонолёта она закрыла в шкафу, в раздевалке. Следующие два дня были выходные. Ленуца ходила вокруг школы, заглядывала в окна, подходила к бассейну, но натыкалась на запертые двери.

Глава вторая

Вечером в воскресенье Лена вместе с родителями отправились в гости к родственникам.

Семья Успенских была большая: девять человек. Мама Анна Прохоровна работала учительницей в школе, отец Петр Дмитриевич часто уезжал за границу на заработки. Ему приходилось подолгу жить в чужой стране. Бабушка Лены, Ирина Дмитриевна, приходилась ему сестрой. В семье росли дети разного возраста: Катя, Алла и Влад учились в старших классах, близнецы Михай и Надя были одноклассниками Лены. В этот день отмечали их день рождения, им исполнялось по десять лет.

В беседке накрывали большой стол, а рядом дым обволакивал шашлыки. Дети, радуясь, обкатывали новый велосипед, привезённый папой. По очереди доезжали до речки, делали круг по парку и возвращались. Наконец очередь дошла до Ленуцы, и она преодолела подъём и вдруг заметила мелькающего в кустах Дрожалку. Соскочив с велосипеда, бросилась за ним.

– Дрожалка! – Лена бежала, перепрыгивая через кусты. – Где же ты? – Но зверёныш как в воду канул.

«Как неосторожно я поступила, одушевив игрушечных животных! – рассуждала Лена. – Что теперь с ними будет? Кто о них позаботится?» С тяжелой душой она вернулась в компанию. Все сели за стол, поздравили детей с днём рождения, спели поздравление. Старшие дети Успенских подготовили для младших сюрприз: два фокуса. Один фокус был с теннисными мячами, а другой – с коробкой, в которой находились подарки. Алла и Влад должны были выйти с пустой коробкой, закрыть её крышкой, потом опять открыть и достать оттуда подарки – акварельные краски и фабричные брикеты настоящей художественной глины, развешенной по килограмму. Все знали увлечение городских школьников: лепить фигуры, обжигать и выставлять в центре фонтана. В этом году каждый второй третьеклассник мечтал стать скульптором. Такое увлечение не требовало денежных затрат и было доступно всем. Внимание! – Влад, одетый клоуном, показал всем пустую коробку, дал пощупать цветной картон и после этого, легко вытащив из рукава шелковый платок, накинул на коробку. В это самое время Алла подменила пустышку на коробку с акварелями. Дети с нетерпением привстали и хлопали в ладоши. Открыли коробку и ахнули: вместо подарков там оказалась курица, она с испугу выскочила из коробки, промчалась по столу, испортив салаты и напугав всех, включая фокусников.

– Кто это сделал? – Алла от изумления даже стала заикаться.

Только близнецы думали, что так и должно быть, и хохотали. Стали выяснять, где же стояла коробка и кто вместо подарков подложил курицу? Второй фокус тоже не удался: исчезли теннисные мячи. Но и это не испортило настроения хозяевам и гостям. Они шутили, рассказывали истории из жизни и пели. Сладкое подали, когда стемнело: два больших ореховых торта с горящими свечами. Близнецы задули свечи.

Вдруг из темноты полетели теннисные мячи, попадая прямо по разложенным на блюдах кускам торта. Брызги крема обляпали гостей. Стало не до шуток.

– Что за безобразие?! – закричали все наперебой. – Кто так шутит?!

Из-за угла дома появилась наглая усатая морда чудища. С ужасом все смотрели, как чудище помещает лапу в брюхо и достаёт оттуда мячи и зло швыряет в людей. Вслед за мячами полетели комья увесистой глины. Такой вот «снежок» набил под глазом Михая синяк, да и Надя заплакала от боли. Гости замерли от ужаса. Лена немигающим взглядом смотрела на Котофея Кенгуровича, который оттолкнулся от асфальта сильными кенгуриными лапами и одним прыжком перемахнул через забор, помахав полосатым кошачьим хвостом. Лена застыла от ужаса. Она создала этих чудовищ, какой стыд! Вечер был безнадежно испорчен, гости в недоумении расходились, обсуждая события. Лена молча шла домой, также молча разделась и легла в постель. «Что же я наделала? Умножила зло на земле! И страх тоже! Одним злым

чудищем стало больше. И одним трусом. Неизвестно, сколько горя принесёт людям Котофей?! Как его остановить?! Я маленькая и глупая. Как же мне этих проказников изловить? Никто кроме Серёжи не знает об этом. Он мне и поможет! Надо было бы вдохнуть любовь в ватные мозги. Вот уж в Слонолёта я вдохну любовь! Хоть на грамм, да увеличу любовь на земле!» – С этой мыслью она уснула.

* * *

Рано утром к школьному бассейну подошли сантехники – работники фирмы «Водный ресурс», каждый понедельник по договору со школой они проверяли сложную сантехническую систему крытого бассейна. Громко болтая, вошли в раздевалку, чтобы переодеться в форменные синие комбинезоны. Открыли шкаф. Оттуда на них и вывалился Слонолёт.

– Ух, ты! Какая странная игрушка! Посмотри, голова слона, а туловище пчелы. Наверное, на заказ сшитый. Зачем его сюда затолкали?

Один из сантехников поднял Слонолёта и усадил на стул.

– Урод уродом, – сказал другой, помятый и небритый. – Я бы такого выбросил. – Он пнул игрушку ногой, достал сигарету и закурил.

– Не кури здесь! – сделал замечание его напарник. – Это школьная раздевалка, дети придут, а тут накурено.

– Подумаешь, «накурено»! Меня это не волнует. Шишка тебе в лоб! Пусть скажут спасибо, что вообще приходим, – небритый уселся рядом с игрушкой, продолжая дымить.

– Мы с тобой месяц в паре работаем, а я от тебя таких ругательств наслушался!!! Ты что, без этого совсем не можешь?

– С шести лет виртуозно ругаюсь, как на скрипке играю! У меня в голове толстый словарь непечатных слов! Сами в мою голову заскакивали и устраивались удобно! Да, да! Выражения сами собой выстраиваются в закрученные цепочки! Тебе до меня далеко! Я ж не та серая масса, которая ищет приторное знание! Ну на кой эта скукота? Не собирать же? Ха! Ха!

Курящий сантехник, гордо смотря вверх, в потолок, с нескрываемым удовольствием выпускал кольца дыма. Подходил к созданию колец он творчески, и клубы выпархивали из его сложенных в трубочку губ самой разной формы. Он продолжал разговор:

– Ха! Ха! Чем длиннее цепочка, тем больше выражений во мне остаётся! Понятно?

– Нет! Ты же не кукла бездумная?! Не хозяин себе?! А курить ни к чему! Не хочу сидеть в накуренной комнате! – сказал первый сантехник и грозно встал. – А ну гаси сигарету!

– Какой ты правильный, ну прямо тошно. Ладно! Дубовые желуди тебе в салат! Не переживайте, Ваше Величество, я ж изобретательный! – сказал он насмешливо и, взяв Слонолёта, выдохнул дым ему прямо в хобот. – Вы не будете дышать синим дымом! А этот большеголовый – не против, – он снова и снова притягивал к себе хобот и выдыхал. – Ещё пару затяжек, и ай да работать!

Они ещё немного посидели, переоделись и ушли.

* * *

Лена ещё до занятий торопилась к бассейну. По дороге про себя рассуждала: «Теперь-то я не ошибусь! Вдохну в Слонолёта много-много любви! Надо вспомнить, как любить, – подумала она. – Как, любя, обнимают меня мама, папа, как целует бабушка. Представлю и смогу себя наполнить этим чувством. Да так наполнить, чтобы до краёв, только чтоб не лопнуть!»

Хотела войти, но, увидев сантехников, подождала за углом, а как только они вышли, бросилась в раздевалку. Слонолёт сидел среди сизых клубов дыма. Было накурено. Лена обняла зверюшку и окунулась в любовь. Любовь представлялась доброй, обволакивающей. Когда она уверилась, что любовь к Слонолёту поселилась в теле, выдохнула её в мягкий хобот.

– Хоть этот будет добрым, – вздохнула она, разглаживая пушистый мех. – Исправлю ошибку хотя бы этим. – Затем бережно перенесла Слонолёта в шкаф и закрыла дверцы.

На уроке математики она не слушала учителя. Вспоминала, сколько любви вложила в игрушку, представляла, как встретит её Слонолёт. Как будет радостно махать крыльями и обвивать её шею хоботом. Едва дождавшись конца уроков, Лена устремилась к бассейну. Резко рванула дверку шкафа. На неё презрительно взглянул её любимец и произнёс:

– Припёрлась, гадина, – и дыхнул на неё перегаром. – Заперла тут меня, сиди, мол, в темноте. Пигалица безмозглая! А ну, с дороги!

Он хоботом отпихнул остолбеневшую девочку и вышел из раздевалки вразвалочку, покачивая крыльями. Повернулся и крикнул:

– Дура! На кой мне твоё дыхание! Чем хочу, тем и дышу!

С трудом взлетая от земли из-за большой головы и сразу же приземляясь, этакой полуплывающей походкой он направился к лесу. Лена заплакала. Откуда эта грубость? Неужели опять сделала что-то не так? Что? Очень горько! Тяжело вздохнув, она подняла ранец и поплелась домой. «Получается, что я могу создавать только уродцев, у которых низкое сознание? Ниже, чем моё? Я никогда не создам лучше этих, пока сама не изменюсь в лучшую сторону?! А пока не изменюсь, мне и одушевлять-то никого нельзя!!! Я ведь не хочу засорять планету чудищами... Шила их, торопилась... – только об этом и могла думать девочка. – А получилось что?! Один – весь наполнен страхом, другой – злостью, непонятно, почему третий хамом уродился? Имя Слонолёт совсем неподходящее! Летающий Хам! Хамолёт – это про него. Так и буду звать!»

* * *

И прилипла к девочке грусть. Как жвачка на одежде, держалась крепко. Appetit пропал. С Серёжкой не гуляла, с подружками по телефону не болтала и по дому не помогала. Бабушку Иру это волновало.

– Да что это с тобой? Случилось что? Чего молчишь? Может, стоит совета попросить?

– Нет! Советы не нужны! – Лена взяла себя в руки и через «не могу» стала помогать.

Перебирали в кладовке вещи. Вытащив из полиэтиленового мешка три старых ковра, пропылесосили и переложили мешочками с лавандой – от моли.

– Зачем всякое старье хранить? Каждый год по два раза перетряхиваем! Опять складываем! Их уже не повесишь, выгорели. Может, выкинем? – язвила раздраженная внучка.

– Ты что, я ими дорожу, это – единственная память о моей бабушке Иустине. Три ковра, а у меня три внучки, каждой по ковру. Посмотри: молдавский ковер – на черном фоне алые и красные розы. Смотрю и представляю: бабушкины руки мечут челнок сквозь ряды ниток, считая их. Вижу, как придумывает она новый узор или изменяет прапрабабушкин. Сколько терпения нужно, чтобы такое чудо соткать! Терпение было и у бабушек, и у прабабушек! У тебя вот только маловато! Рассмотрю ковер, может, и у тебя прибавится! Вот этот белый я не уберегла, видишь, край сгорел, полено горящее упало. Мне тогда было двадцать лет, и я не понимала его ценность, а то бы не стелила возле печки. Ковры, как старые фотографии, запечатлели отрезок прежней жизни. А этот, третий, соткан вовсе не из ниток. Рвали на узкие полоски материю старых одежд и выткали полосатое чудо!

– Так это когда было-то! В прошлом веке! Унгенская фабрика современные выпускает!

– Продаются, да другие. Я бы в Молдове устроила день ковров! Все, у кого есть, вывесили бы их с радостью!

– Так то – новые! А эти, драные, куда?

– Нет! Я не могу их выбросить! Столько дней труда! Может быть, даже целая зима! Зима твоей прабабушки. Вот сидела она в хате, колдовала у ткацкого станка, мечтая о счастливой жизни, а прожила обыкновенную человеческую жизнь! А вот льняное полотенце! Как хорошо, что я его сохранила таким же белым!

Они медленно перебирали эти вещи, и спокойствие вернулось к Лене. Вечером она нарядилась в красивое платье, повертелась у зеркала и пошла к Серёже.

* * *

Серёжка был большой любитель компьютерных игр и ритмичной музыки. Даже делая уроки, он выстукивал ногой об пол, в такт и подпевал себе под нос. Он играл в «Выиграй миллион».

– Фамилия голкипера... Чемпионат мира... Кубок Европы... Колибри! Привет! Давай отгадывать!

– Ты же знаешь, я не футбольная фанатка! Да и пришла за другим. Посоветуй, Серёжа,

как мне быть с оживлёнными игрушками? Что делать? Вдруг они сейчас кому-нибудь вред причиняют? Ты сможешь их поймать?

– Убежали, и скажи «спасибо», – продолжая постукивать ногой о паркет, сказал друг. – Тебе-то зачем лишние хлопоты? Кому вред будут причинять, те пусть и думают. Твои звери еще не самые страшные. Разве в фильме «Вампиры ночью», который мы смотрели месяц назад, чудища были лучше? А в фильме: «Мумии на краю света»? А «Панцирные люди»? Гораздо страшнее, но кто-то же их придумал? И радовался, наверное? А ты?

– Не могу радоваться. Сажу и думаю, что они сейчас делают? Кого обижают? А может, кто-нибудь воспользуется ими в своих злых целях?

– Колибри! В сказках тоже о чудищах рассказывается. Не думай ты об этом!

– В сказках всё ясно – добро всегда побеждает зло! Но у меня нет знакомых Иванов-Царевичей и Фэт-Фрумосов! У меня – только ты! А ты не спешишь помочь!

– Ладно, Елена Прекрасная, не дрейфь! Стану для тебя Фэт-Фрумосом. Попозже! В понедельник у меня карате, во вторник – плавание, вся неделя занята!

– Поможешь?! Я рада! Как здорово!

– Я никого не боюсь! А вырасту, Колибри, буду участвовать в боях без правил!

– А я стану художницей. Аниматором. Буду создавать мультфильмы.

– А сможешь?

– Научусь! Я и теперь немного рисую. Сейчас покажу. Неси фломастеры. В сказке подсолнух – сродни человеку. Моя сказка называется: Город подсолнухов. Слушай!

Вот росток подсолнуха проклюнулся из земли. И к нему в личико Солнце брызнуло своими лучами. Просыпайся! – И, глядя прямо в глаза другу, Лена медленно начала:

– Под ярким южным Солнцем раскинулся Город подсолнухов. Подсолнухи росли в городских кварталах. Они с детства любили Солнце, и оно любило их. Просыпаясь утром, головки подсолнухов поворачивались лицом к светилу, стараясь поймать даже самый маленький луч и вобрать его тепло. «Привет! С добрым утром!» Питаясь солнечной энергией, они наливались и росли. К осени семечки в корзинках подсолнухов созревали, выпадали из сотовых гнёзд и, подхваченные ветром, улетали, засевая новые земли. Растения, которые вбирали в себя больше солнечных лучей, вырастали более крупными, и семечек у них завязывалось вдвое больше.

Однажды к подсолнухам прилетел волнистый попугай и прошепелявил:

– Как вы живёте, желтые?! Жуть! Жалко смотреть! Я вот на море летал, знаю, как там живут! Полной жизнью! Себе в желаниях не отказывают! Жизнь – одна! Журналы читайте!

По правде сказать, лгунишка никогда не был за границей. Цветных попугаев выращивала на продажу продавщица местного птичьего рынка. Сказок о другой жизни пернатый наслушался на своём рынке, сидя в алюминиевой клетке, из которой потом улетел. Рассказывали их толстые бультерьеры, которых продавал неподалёку разговорчивый мужик.

– Заокеанские жители живут по науке, питание рассчитывают по калориям. Чтобы ни грамма жира! А вы – как в позапрошлом веке! Ну вот чем вы питаетесь? Сколько дождя потребляете в месяц? А минералы? Ах! Они жизненно необходимы! Для продления жизни! Вы и не слыхивали про минералы? Сколько магния и железа? Это всё рассчитывается! Строятся графики потребления! А вы, желтоволосяе, отстаёте! Полный отстой!

– Что же нам делать? – растерялись подсолнухи.

– Надо заказать научное исследование. Вам выдадут рекомендации. Будете жить по науке.

– А где же это исследование заказать?

– Недалеко отсюда живут учёные кроты. В желтой прессе о них часто пишут. А на юге открылась новая фирма «Догадливая саранча». Они тоже очень представительные. Я полечу туда и попрошу их исследовать вашу жизнь.

– Спасибо тебе! Спасибо!

Предприятие, созданное саранчой, размещалось на полностью обглоданном дереве. Большими светящимися буквами была написана вывеска. К сожалению, две первые буквы упали, испортив созданный имидж. Волнистый попугайчик этого не заметил.

Вскоре на поле прилетели представители этой фирмы и стали изучать жизнь подсолнухов, исследуя состав воздуха и плотность посевов. Плотность была очень высокой.

– Посевы нужно разрядить, – заключили они. – Нам неудобно между вами летать.

Вскоре они выдали рекомендации: увеличить расстояние между стеблями путём отлёта одних подсолнухов от других.

– Ах! Но мы не умеем летать! Как же нам перелететь подальше друг от друга? – поворачиваясь друг к другу, шептались подсолнухи. Их головки уже не были направлены в сторону Солнца: – Помогите! Что нам делать?

Представители фирмы провели новые исследования и вынесли решение: срочно избавиться от корней! Именно корни не дают подсолнухам летать и расселяться на дальние расстояния. Один квартал подсолнухов решился на эксперимент.

Был подписан новый договор, по которому работники «Саранчи» обязались за две недели подточить стебли подсолнухов у самой земли, чтобы те могли взлететь. Саранча свои обязательства выполнила и перевыполнила, но вот подсолнухи взлететь не смогли, сколько ни махали листьями. Так погиб целый квартал.

– Мы, наверное, не там заказали исследование, – шуршали живые подсолнухи и плакали.

Затем обратились в фирму «КРЕКРОТ». (Реклама гласила: Креативные кроты. Неожиданные решения.) Важные, упитанные кроты исследовали почву, проверили корни и замерили температуру земли на разной глубине. Температура оказалась неравномерной: у поверхности почва была более тёплой, даже горячей.

– Всё из-за разницы температур! – сказали кроты. – Отчего же эта разница?

Узнали, что почву на поверхности нагревает какое-то Солнце. Зачем оно нужно? Кроты обсуждали этот вопрос, спорили и пришли к выводу, что надо оградить растения от вредных лучей.

– Мы, кроты, живём без Солнца, и у нас всё в порядке! Лучи не могут питать! Они – эфемерны. «Рекомендуем над кварталами подсолнухов возвести навес!» – было написано в заключении фирмы «КРЕКРОТ». Стояли три печати и пять подписей.

Навес был возведён. Ещё один квартал подсолнухов погиб. Растения расстроились:

– Что нам делать? Как жить по-научному? Кому верить: саранче или кротам? Кто из них прав? – они вертели желтыми головами в полном недоумении.

Пролетала мимо Божья коровка, спросила:

– Отчего пригорюнились? Отчего головы повесили?

Подсолнухи наперебой стали рассказывать о своей беде.

– Ах! Почему же вы так доверчивы? Не от того ли, что не верите ни в Солнце, ни в себя!

– Колибри! Твоя сказка похожа на басню. Я повешу твой рисунок на стенку. – Серёжа поднялся со стула и прикрепил листок к обоям.

Вошла бабушка Лены:

– Ленуца! Серёжа! Не видите, давно темно?! Заигрались? Собирайся, пойдем домой!

– Ирина Дмитриевна! Это вы придумали сказку про Город подсолнухов!

– Как подсолнух живёт, впитывая солнечный свет и тепло, так и человек зависит от своего Создателя. Подсолнухи, как и люди, разные! У одного подсолнуха в корзинке сто семечек, а у другого – тысяча. В людях количество духа тоже разное, можно увеличивать и увеличивать! И нет этому границ!

– А как увеличивать?

– Самое простое: попросить. Написано: «Просите, и дано вам будет!»

– Подумаю над этим! До завтра! – попрощался Серёжа.

Алла СТУПИНА

Родилась 5 августа 1950 года в с. Згурица Дрокиевского района Молдовы. Окончила филологический факультет Кишиневского педагогического института им. Иона Крянгэ. Работала в школе, затем – экскурсоводом в Кишинёвском бюро путешествий. Составляла тексты экскурсий по природоведению, истории, литературе, военной тематике. В настоящее время на пенсии.

Беречь природу – значит, беречь Родину

Я не сломаю ветку,
Нежный цветок не сорву
И у реки предрассветной
Не буду топтать траву.

На улице ландыш первый
Не стану я покупать,
Чтобы помочь браконьеру
Его украсть и продать.

Лесные цветы увянут,
Если их люди сорвут,
И через год на поляне
Больше не расцветут.

Пусть птицы поют красиво
И рыбы резвятся в пруду,
Косуля прыгнет игриво –
Сюда я опять приду.

Природа сама рассудит,
Кого беречь и растить.
Пусть «завтра» счастливым будет –
Ведь нам на планете жить!

* * *

Листья пожелтели,
Птицы улетели.
Солнце светит ярко,
Но совсем не жарко.

* * *

Прохладным солнцем золотится
Недолгий день.

Уселась на заборе птица,
Но петь ей лень.
Всё раньше сумерки приходят,
Всё позже солнышко восходит.

* * *

У природы свои законы –
График вечный и справедливый.
Вот подснежник раскрыл бутоны,
Зажелтела ветвями ива.

В лес пойдешь ты ранней весной,
На опушке цветы увидишь,
Не спеши забрать их с собою,
Этим ты природу обидишь.

У цветов беззащитных и хрупких
И у птиц крылатых на воле
Есть красивый дом и уютный –
Лес с полянами, озеро, поле.

Осень

Уходит летнее тепло,
И пожелтели листья,
А в комнате моей светло,
И можно веселиться.

Возьму бумагу в тишине
И осень нарисую.
Одну картинку – на окне,
На потолке – другую.

Пусть краски осени ко мне
Не только в снах приходят.
Я их развешу на стене,
А думать буду о весне.

Я не умею рисовать,
Но всё – таки рисую,
Иначе как же передать
Всю красоту земную?

Есенин, Пушкин, Тютчев, Фет –
Великие поэты.

А у меня таланта нет –
Спасибо и за это!

Морские каникулы

Год подождать – это слишком!
Медленно время ползёт,
Не понимая, как Мишка
Эти каникулы ждёт.

Снова увидимся с Людой,
К берегу моря пойдём,
Строить здесь крепости будем,
В волны морские нырнём.

С дедушкой, встав на рассвете,
Мы поплывём на косу.
Солнце нас радостно встретит,
Волны медуз принесут.

Содраны локти, колени,
Но я спешу на батут.
Столько везде впечатлений,
Деньги рекою текут.

Перекись водорода,
Вата, зелёнка и йод –
Этот набор год от года
Папа в аптеке берёт.

Дедушка перетрутился,
Бабушка падает с ног,
День наконец завершился,
Вместе подводим итог.

Вам не угнаться за мною –
Будете долго искать.
Сколько же нужно здоровья,
Чтобы с детьми отдыхать!

* * *

Мы много стихов посвятили
Зиме, весне и цветам.
Но только о главном забыли:
Как нужно внимание вам!

Спешу исправить ошибку:
Желаю вам счастья, добра,

Чтобы всегда улыбка
Вас озаряла с утра!

Нас много за школьною партой,
И нужно не забывать –
Не только к восьмому Марта
Оценки свои исправлять!

Не буду давать обещанья:
Вдруг не смогу исполнять?
Но главное – это желанье
«Десятки» всегда получать!

Дедушке в день рождения

Я знаю, что ты меня любишь,
Хоть и ругаешь всегда,
Когда плохие оценки
В дневник занесёт беда.

Но ты мне всегда поможешь,
А я помогу тебе.
Живи, будь здоров, если можешь,
Ведь так угодно судьбе.

Закончится год учебный,
Я буду работать с тобой,
И знать, что кусочек хлебный
Нелегким бывает порой.

А «неуд» по поведению,
Быть может, о том говорит,
Что ходит за мной невезенье
И всё подо мной горит!

Бабушке

О себе ты совсем забыла
В суете домашних забот.
Кашу манную мне сварила
И с собою дала бутерброд.

Этот труд никто не заметит,
Не похвалит, не даст медаль,
Лишь слегка сединой отметит
Да в глазах оставит печаль.

Ты надеешься, что через годы
Стану крепким я, подрасту
И смогу победить невзгоды,
И увидеть свою мечту.

Скворушке

Ты улетел, наш птенчик,
Скворушка дорогой.
Стало забот поменьше,
Жизнь показалась пустой.

Где ты теперь летаешь –
Мусорки, гаражи...
Часто ли вспоминаешь
Нашу с тобою жизнь?

В дом наш вошёл и вышел,
Счастье нам подарив.
Мы и сегодня слышим
Песен твоих мотив.

Долина Роз – царство белок

Ловкая и быстрая,
Нежная зверюшка,
Белка золотистая
Скачет по верхушкам.

В слякоть и метели
Заставляет голод
Пробегать по ели,
Выходить на холод.

Летом не гуляет –
Трудится на ветках,
Пищу добывает
И себе, и деткам.

Совет пчёлки
Трудолюбивая пчела
К нам прилетела в сад,
Нектар душистый собрала,
Чтоб угостить ребят.

Не сразу превратится в мёд
Природы щедрый дар,
Но к нам на стол опять придёт
Как солнечный нектар.

Ах, если бы заговорить
Сумела вдруг пчела,
То «Колу» – никогда не пить,
Совет бы нам дала,

А сладкий мёд почаще есть
С блинами и чайком.
Достоинств их не перечесать,
За стол скорей пойдём!

Маме

Я только теперь понимаю,
Когда тебя нет со мной,
Какая ты дорогая,
Когда едешь домой?

Я буду учить уроки,
Не буду одежду рвать,
На бабушкины упрёки
Внимание обращать.

Ты будешь домой торопиться,
Пройдя через магазин.
На кухне вместе трудиться
Мы будем все как один.

За праздничный стол мы сядем
Большой и дружной семьёй,
Между собою поладим,
Но будь ты всегда со мной!

Сейчас, если ты меня слышишь,
Пусть будет тебе легко.
Ты вместе со мною дышишь,
Хотя ты пока далеко.

Я загадал желанье
И бросил монетки в ручей,
Чтоб наше с тобой расставанье
Не длилось так много дней.

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Изгой

Виктор Олегович летел в Японию впервые в жизни. Снарядил его в эту поездку декан химического факультета Новосибирского университета, где Виктор работал старшим научным сотрудником. Сам декан полететь в Японию не смог по семейным обстоятельствам и предложил вместо себя кандидатуру Виктора Олеговича, который был его заместителем. Коллеги ему ужасно завидовали. Еще бы, слетать в Японию, посмотреть эту далекую и неизвестную страну, да еще за счет университета! Вот повезло так повезло.

Большой симпозиум химиков проводился в Осаке, и для участия в нем были приглашены ученые со всего мира. Секретарша помогла оформить необходимые бумаги для получения японской визы и выдала Виктору командировочные – не так чтобы много, но с голоду не помрешь, как она уверяла. Тем более авиабилеты и отель в Осаке были уже оплачены. К счастью, на этот же симпозиум прилетел давний приятель и коллега Виктора Олеговича, Иван Петрович – тоже химик, правда, он «двигал науку» в Иркутском университете.

Виктор Олегович особо не вникал в детали своей поездки – всем занималась секретарша декана. Она же и инструктировала его перед отъездом в Японию:

– Как прилетите, в аэропорту узнайте, когда будет рейс из Иркутска. Дождитесь вашего коллегу Ивана Петровича, у него ваш ваучер об оплате отеля. Он хотел жить только с вами, и его университет оплатил вам двухместный номер. Иван Петрович летит в Японию уже не в первый раз, с ним вам будет спокойнее. У него вся информация о вашем отеле и его расположении. Симпозиум будет проходить в Международном Конвеншн Центре, адрес у вас есть. Кстати, ваш отель называется... где-то у меня было записано... Вот, нашла – Вилла Фонтэйн Шинсайбаши.

Успокоенный тем, что старый приятель его встретит, привезет куда надо, Виктор Олегович пропустил мимо ушей название отеля, что, как оказалось впоследствии, было большой ошибкой.

***

Самолет плавно приземлился в аэропорту Кансай, расположенном на рукотворном острове. Во время посадки Виктор Олегович с любопытством смотрел в иллюминатор, где в туманной дымке раскинулся город Осака. Там ему предстояло провести пять незабываемых дней. В тот момент он еще не знал, насколько эти дни будут незабываемыми.

Полной неожиданностью для Виктора Олеговича явилось то, что рейса из Иркутска в аэропорту Кансай не было. После долгих объяснений со служащими аэропорта на ломаном, совсем не идеальном английском ему удалось выяснить, что самолеты из Иркутска приземляются совсем в другом аэропорту Осаки. Это означало, что встреча с другом откладывалась, и теперь придется выпутываться самому.

«Ничего, не пропаду, – успокаивал сам себя Виктор Олегович, – не впервой за границей!» На самом деле это была его вторая поездка за рубеж. Первая была в Германию. Это произошло несколько лет назад, но тогда он ездил с группой коллег во главе с деканом и ни о чем не беспокоился.

Поменяв командировочные и немного своих личных денег на японские йены, Виктор Олегович подхватил чемодан и двинулся к поезду, отправляющемуся в центр Осаки. «Там как-нибудь разберусь, в конце концов возьму такси и поеду прямо в Конвеншн Центр», – решил для себя Виктор Олегович и сразу успокоился, тем более поезд был хоть и дорогой, но комфортабельный и быстрый. Остановки объявляли не только по-японски, но и по-английски, а все японцы вокруг выглядели очень милыми и вежливыми.

Объявили конечную остановку – станцию Намба, и все люди стали покидать поезд. Двинулся за ними и Виктор Олегович. Следуя за толпой, он поднялся на эскалаторе на этаж выше и замер в изумлении. Перед ним раскинулся целый подземный город. Во все стороны уходили тоннели – яркие, красочные, увешанные надписями, с магазинчиками и кафе по обеим сторонам, и по этим тоннелям в разных направлениях спешили озабоченные своими делами люди. Виктор Олегович, голубоглазый, седовласый красавец-сибиряк, почти двухметрового роста, который без страха ходил в тайгу на медведя, вдруг растерялся. Он стоял как столб, возвышаясь на две головы над спешащей толпой, и совсем не знал, куда ему идти и что делать.

– Can I help you? – вдруг услышал Виктор Олегович знакомые английские слова.

Он посмотрел вниз и обнаружил подле себя худенькую японскую девушку. Она смотрела на него немного испуганно, снизу вверх, а на лице ее выделялись удивительно красивые глаза с необычным разрезом и точеный носик с горбинкой. Девушка как будто сошла со старинной японской гравюры.

– Ох, да, помогите мне, пожалуйста, я потерялся, – ответил Виктор Олегович, с трудом подбирая английские слова. – Мне нужно попасть в Конвеншн Центр, вот адрес.

– Вы можете поехать на метро, но нужно будет сделать пересадку на другую линию. А можете выйти на поверхность и взять такси, это не очень далеко. Я могу вас проводить.

– Спасибо большое, выведите меня отсюда!

– Следуйте за мной, – сказала девушка и быстро двинулась по одному из тоннелей, а Виктор Олегович, подхватив чемодан, пропустил за ней.

Они шли очень быстро, попадая из одного перехода в другой, поднимались и опускались по каким-то лестницам и наконец-то вышли на улицу. Виктор Олегович поблагодарил свою спасительницу и сел в подъехавшее такси. Он показал водителю адрес, тот кивнул, и они покатали по необычайно чистым и красивым улицам Осаки, не изуродованных рекламой, растяжками и билбордами, которые так изменили облик российских городов. Современные многоэтажные здания из бетона и стекла сияли чистотой и какой-то новизной. Кое-где, притулившись меж этих устремившихся в небо зданий, неожиданно возникали синтоистские, а может, буддийские храмы, и их изогнутые крыши придавали городу особое очарование. Был конец ноября, в Сибири уже давно лежал снег, но в Японии все еще продолжалось лето. Листва огромных незнакомых деревьев, похожих на тополя и высаженных на просторных улицах и проспектах, еще не начала желтеть, и повсюду были разбиты клумбы с цветущими хризантемами и анютиными глазками. По улицам спешили люди, многие из них катили на велосипедах, к которым были приделаны корзинки для сумок и пакетов. Удивительным было то, что в некоторых корзинах смирно сидели маленькие комнатные собачки, в то время как их хозяйки спокойно крутили педали, передвигаясь по улицам города. Тревога постепенно отпускала Виктора Олеговича, и когда водитель вежливо поклонился и указал рукой на здание, где сияла надпись International Convention Center, Osaka, Виктор Олегович повеселел. Правда, за такси пришлось выложить изрядную сумму, сократившую бюджет небогатого российского ученого, но и это не испортило первого впечатления от такого чистого, красивого, совсем «заграничного» города.

Следуя указателям, Виктор Олегович без труда нашел холл, где проходила регистрация участников симпозиума, представил организаторам пакет документов и получил ID участника. А заодно поинтересовался, зарегистрировался ли уже его друг Иван Петрович и в каком отеле он проживает. Вежливые молодые люди тут же отыскивали в списке участников фамилию Ивана Петровича, который зарегистрировался еще утром. А насчет места его проживания у них никакой информации не было.

– Каждый участник симпозиума сам выбирает, в каком отеле Осаки ему остановиться, – вежливо объяснял симпатичный молодой человек. – Однако многие выбрали Ринга Роял отель, он расположен рядом, на набережной. Кстати, этот отель предоставил всем участникам нашего симпозиума хорошую скидку.

– Кажется, я близок к цели, – обрадовался Виктор Олегович. – Еще немного, и я смогу встретиться наконец с Иваном, а заодно оставить ненавистный чемодан, помыться, побриться и перекусить.

На улице уже стемнело, однако город еще радостней засиял огнями расцветенных зданий. Деревья, увитые голубыми светящимися гирляндами, придавали городу особую красоту и праздничность. Виктор Олегович немного постоял на набережной реки, любуясь ночной Осакой, а после без труда нашел Ринга Роял отель, возвышающийся над близлежащими зданиями. Когда он вошел в вестибюль, нехорошее предчувствие заскреблось внутри. Таких отелей Виктор Олегович не видел ни разу в жизни. Посреди огромного холла, инкрустированного разноцветными фрагментами отполированного до блеска мрамора, сияющего зеркалами, расположилась рождественская инсталляция – светящиеся деревья, среди которых прятались олени, совсем как живые. Все больше робея от атмосферы богатства и роскоши, Виктор Олегович подошел к стойке регистрации и поинтересовался, сколько стоит одноместный номер для участника симпозиума. Улыбчивые служащие радостно сообщили, что всем участникам предоставляется большая скидка и прекрасный номер в их пятизвездочном отеле обойдется ему всего в тридцать пять тысяч йен. Переведя эту сумму в доллары, Виктор Олегович понял, что этот отель и его пять звезд ему не по карману. Он не может заплатить более четырехсот долларов за ночь, таких денег у него просто нет. Уже не имело смысла спрашивать, проживает ли здесь его друг, совсем не олигарх, а такой же рядовой российский ученый.

Видя растерянность на лице Виктора Олеговича, служащие отеля предложили помощь в поисках

более дешевой гостиницы. Пока миловидная девушка обзванивала отели Осаки, Виктор Олегович с горечью отметил, что в этом кричащем о богатстве вестибюле нет даже кресел, где он смог бы посидеть и немного перевести дух.

В соседнем холле играла тихая живая музыка, в полумраке обеденного зала официанты грациозно сновали меж украшенных цветами и свечами столиков, за которыми мирно ужинали постояльцы отеля и его гости. Там, в этом уютном ресторане можно было бы присесть, но нетрудно было представить, сколько здесь стоит их пятизвездочный ужин. Лучше и не пытаться, хотя желудок сводило от голода.

Продолжение следует.

Трагическое событие!

На днях по трагической случайности сгорел главный купол Спасо-Преображенского собора в городе Болграде.

Начало Спасо-Преображенскому собору в городе Болграде было заложено в 1820 году, когда управляющий поселениями болгарских переселенцев С.Н. Малявинский прилюдно зачитал указ о даровании им колониетских привилегий. Это торжественное для болгар событие произошло 12 мая 1820 года в церкви с. Табаки, которое, согласно указу, было переименовано в Болград. Присутствовали старшины 57 болгарских, а также депутаты от этих колоний, жители села. Ими же и было принято решение «на месте бедного храма, где они получили свою грамоту, выстроить за счет болгарского народа, в Бессарабии населенного, великолепный собор». Тогда же было решено сохранить Указ Царя Александра I в алтаре местной церкви.

Некоторое время занял выбор проекта храма и архитектора. Выбор пал на Абрама Ивановича Мельникова (1784-1854 гг.), среди его известных работ – ансамбль Полукруглой площади в Одессе, Покровский собор в Кишиневе, Никольская старообрядческая церковь в Петербурге.

Вообще возведение болгарского собора тесно связано со строительством Исаакиевского собора в Петербурге (1818-1858 гг.). Проектировал и строил этот собор французский архитектор Огюст Монферран. Уже в самом начале строительства Исаакиевского собора обнаружились крупные недостатки, как в самом проекте, так и в производстве работ. В 1822 году было принято решение переработать проект, для чего были собраны лучшие строители и архитекторы России, среди которых был и Мельников. Каждый архитектор должен был предоставить на конкурс свой проект собора с устраненными ошибками, но сохраненным художественным замыслом. Именно тот самый проект Мельникова и был использован при строительстве Спасо-Преображенского собора.

Болградский собор несет на себе черты своеобразной полемики с творением баловня судьбы, придворного архитектора Огюста Монферрана. Кубический объем Исаакиевского собора заменен здесь крестообразным, купол не господствует над сооружением, но органически завершает его. Подкупольный барабан с двенадцатью окраинами – основной источник света. Претенциозную колоннаду монферрановского купола Мельников заменил коринфскими пилястрами, которые не препятствуют проникновению света в собор. Поэтому Спасо-Преображенский собор Болграда не нуждается в завершающем купол световом фонаре. Он увеличен невысокой гладкой колонной, несущей установленный на яблоке двухметровый крест. Переход от купола к подножью колонны отмечен легкой металлической балюстрадой, подобно балюстраде, идущей вдоль цоколя по портикам собора. Избрав такое завершение, Мельников следовал едва сложившимся архитектурным традициям нового города.

Фото на обложке.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46